

С. Н. Шамова

**Башкирская
народная
одежда**

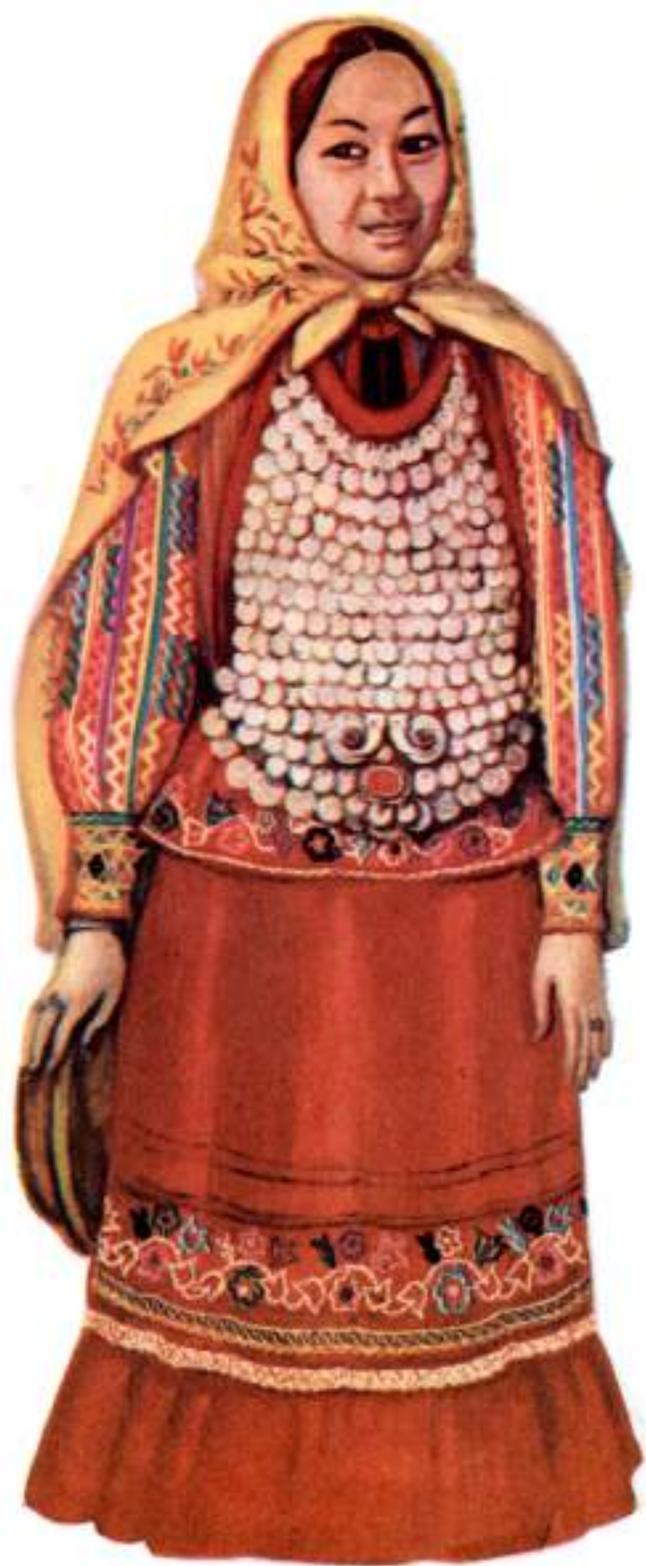

БАШКИРСКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА

С.Н.Шимова

Башкирская народная одежда

Ответственный редактор
канд. ист. наук Н. В. Бижбулатов

УФА «КИТАП» 1995

Печатается по решению
 ученого совета ордена «Знак Почета»
 Института истории, языка и литературы
 Уфимского научного центра Российской Академии наук

Рецензенты:
 кандидат филологических наук **Р. З. ШАКУРОВ**;
 Народный художник СССР, член-корреспондент Академии
 художеств России **А. Ф. АУТФУЛЛИН**

Шитова С. Н.

Ш 64 Башкирская народная одежда 1-е изд. — Уфа: Китап,
 1995. — 240 с., ил.
 ISBN 5-295-01204-2

В книге автор, кандидат исторических наук, дает описание башкирского народного костюма.

Представлен материал, собранный во время многолетних экспедиционных поездок по Башкортостану и соседним областям, обобщены результаты тщательного изучения музейных коллекций башкирской одежды, архивных и литературных источников.

Книга рассчитана на широкий круг читателей. Будет полезна специалистам-этнографам, художникам-модельерам, этнографам, работникам клубов, учителям, краеведам.

UDC 050500000—101
 M 121(03)—95

13—95

ББК 63.5

ISBN 5-295-01204-2

© Шитова С. Н., 1995

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга посвящена традиционному башкирскому костюму.

Слово «традиция» в наши дни прочно вошло в литературный, научный, бытовой лексикон. Взятое из латинского языка, оно сохраняет свое исконное значение под всем подразумеваются культурное наследие, а также процесс трансмиссии культуры — передачи культурных достижений от поколения к поколению.

Немало исторических и философских работ рассматривают сложение традиционной этнической специфики. На определенном этапе развития общества эта специфика переходила в национальную.

Народ свои обычаи и культурные особенности обычно воспринимал как нечто изначальное. «После зарождения мира расселились люди в разных местах и стали жить-поживать. Каждому народу был дан свой определенный язык, своя одежда...» — повествуется в одном из башкирских преданий¹.

Народный костюм служил наиболее ярким определителем национальной принадлежности человека. Его стиль, конкретный образ складывались в ходе многовековой истории. Его особенности зависели от природных, хозяйственных условий, в которых обитал народ, от домашнего уклада и производственных навыков. В костюме воплощались художественно-эстетические идеалы, находил отражение духовный мир людей. Традиционный праздничный наряд являлся непременным атрибутом обрядов и торжественных церемоний.

В башкирском костюме представлена одна из наиболее ярких сторон традиционной художественной культуры. Истоки этой культуры берут начало в центральноазиатском регионе в среде кочевых племен и в основном тюркского происхождения. Переместившись в течение I тысячелетия на запад, часть кочевников осела по обеим сторонам Южного Урала, включая в состав местного населения, среди которого, как полагают ученые, были группы финнов, угров, самодийцев, сармат.

Прослеживаются и ранние азиатские взаимодействия башкир с иранцами, туегусами, монголами и другими народами Сибири, Ближнего и Дальнего Востока.

Территория, на которой в последние века обитали башкиры была обширной. Аулы и кочевья простирались от Волги до Тобола, от Камы до Илека. Такая растянутость способствовала разобщенности населения, длительному сохранению этнических (племенных, родовых локальных) различий в культуре.

Разнообразными были природные условия края. Центральную часть Башкирии занимали покрытые лесами горные хребты. С юга к ним подходили бескрайние степи. Холмистая приуральская долина переходила в Прикамье в тайгу. За Уральскими горами начиналась Западно-Сибирская озера-ная низменность.

В разных природных зонах сложились свои хозяйственные комплексы с преобладанием скотоводства или земледелия. В северных лесах переход к оседлости начался ранее, уже с первых веков II тысячелетия. Это стимулировало развитие «оседлых» ремесел, внесло изменения в быт и материальную культуру. На остальной территории оседание кочевников растянулось на столетия. У восточных и южных башкир полукочевая жизнь скотоводов сохранялась в той или иной мере до конца XIX в. Долгое время практиковались выходы на летожки и в горной Башкирии. Хозяйственная направленность заметно влияла на характер одежды этнических групп.

В условиях оседлости в северной Башкирии население накопило большой опыт по изготовлению тонкой пряжи из растительных волокон: конопля, позже льна; здесь получило развитие узорное ткачество. Нарядное полотно шло на пошив женских платьев, мужских рубаш, штанов, головных покрывал. С деревенским бытом был связан расцвет вышивального искусства. К началу XX в. выявились зрелые вышивальные традиции у северо-восточных и восточных башкир. Примечательностью северо-востока была не только тамбурная вышивка, но и цветная перелить, а в Зауралье — счетная гладь.

Население южных районов, сохраняя навыки скотоводческого хозяйства, продолжало изготавливать грубое и тонкое сукно, катать обувь, валять головные уборы. Декор верхней одежды (апликация, вышивка шерстью, шелком, нашивка кораллов, сердечика, перламутра, ракушек, серебряных пластинок) отличался на юге самобытностью, в которой угадывалось влияние восточных культур.

Декоративно-художественным достоинством башкирской костюма послужили солидные работы². Наряду с общей характеристикой народного искусства в них описаны местные особенности в украшении одежды. Есть сведения о технических приемах, приведены образцы орнамента, опубликовано немало рисунков и фотографий.

В народном костюме нашли претворение многие искусные умения: узорное ткачество, вязание, всевозможная вышивка, апликация, составление украшений из нанизанных на нити кораллов, из монет, вышитые ремеслом, аппликация кожи. Высокое мастерство исполнителей объединяло детали в сложный ансамбль, подчиненный единому художественному замыслу, в его основе лежали глубокие исторические традиции. Вместе с тем сила индивидуального творчества рождала неповторимые варианты привычного. Вот почему каждая этнографическая поездка, особенно по труднодоступным горным селениям или в дальние районы (Пермскую, Свердловскую, Челябинскую, Курганскую и другие области), где еще в 60—70-е годы можно было встретить традиционную одежду и украшения, приносит исследователю башкирского быта немало находок и неожиданных открытий.

Экспедиционное изучение жизни и культуры башкирского народа этнографами Института истории, языка и литера-

² Арзамасов С. А., Бибурова Н. П., Кузнец Р. Г. Декоративно-прикладное искусство Башкирии. Уфа, 1968; Кузнец Р. Г., Зиньковский Н. В. Шерсть. С. в Декоративное искусство Башкирского народа. Уфа, 1975.

туры Уфимского научного центра Российской Академии наук в последние тридцать с лишним лет показало многообразие художественных традиций, связанных с национальным костюмом. Особенно плодотворными были поездки конца 50-х и 60-х годов.

Глубоко впечатляющим оказался многолюдный сабантуй 1959 года близ дер. Арсланово Назенетровского района Челябинской области. По традиции сюда съехались сотни людей — жители деревень, расположенных на стыке трех областей: кроме арслановцев, были гости из дер. Шокурвоо (Свердловская область) и из дд. Беялка, Каипово, Кирикеево, Ашаево и других (Башкортостан). Местные женщины и девушки выделялись нарядной вышитой одеждой. Плотный узор покрывал юбку и рукава платья, подол и грудь передника. Растительный орнамент из причудливо изогнутых ветвей и листочки и цветами, выполненный тамбуром, располагался на темном (черном, темно-синем, фиолетовом) сатине. Мотивы вышивки с очерчиванием контура одним цветом и заштриховкой фигур другим придавала рисунку особую объемность. Такие комплекты (платье и фартук) готовили к свадьбе: в сундуках молодых можно было обнаружить несколько пар вышитой одежды, привезенной в дом мужа в составе приданого. Мастерство девушки оценивалось умением варьировать узор. Символично: искусственно представляла вышивка бисером, блестками, жемчугом, металлической нитью на очелье головных уборов — козырьков.

В том же 1954 году в Сафакулевском и Альменевском районах Курганской области обнаружился еще один самостоятельный очаг декоративного творчества. Во всех башкирских деревнях (а здесь их более тридцати) процветал обычай готовить к свадьбе загодя нарядную одежду для невесты и жениха. Имелись прославленные мастерицы, выполнявшие заказы сельчан. После свадебного торжества вышитая одежда становилась праздничной. Помимо вышитого платья и нагрудного украшения из кораллов и монет в женский комплект входило покрывало кушъяулык (двойной платок) с вышивкой по кромке у лица и традиционная обувь с большими голенищами. В таких хресчных нарядах молодые женщины ходили по деревне, посещали наш экспедиционный лагерь, передвигались по улице на велосипеде. Мужчины охотно демонстрировали вышитые рубаху и кушак — свадебный подарок жены, подготовленный в пору девичества. Распространенной вышивальной техникой был тамбурный шов. Орнамент преобладал растительный, но сильно стилизованный, с набором традиционных элементов, в которых угадывались диковинные очертания цветов, плоды, хвосты, соединенные в гирлянды. Веяло архаикой от манеры обводить контуры рисунка, не заполняя середины, произвольно в процессе работы менять цвета ниток.

В 50-е годы в восточном Зауралье встречались пожилые женщины, выполнявшие сложную аппликацию на суконных голенищах женских сапог. Они работали по старым образцам, каждый раз узор творчески видоизменяя. При этом не утрачивалась чистота линий и слаженность орнаментальной композиции.

Путешествуя по Башкирии в 50-60-е годы, можно было увидеть немало старинной одежды. В одних случаях вещи

извлекались из сундуков, их оберегали как реликвию, и других — их надевали на свадьбу, в гости, на праздник. Интересными были маршруты по горным Белорецкому и Буззянскому районам. Несколько поездок было предпринято по юго-восточному Зауралью.

Юго-восточные Башкиры, с их колоритным скотоводческим бытом, не раз привлекали внимание исследователей. В 90-е годы XIX в. среди них работали П. С. Назаров, С. Г. Рыбаков, итальянец С. Сомме, в начале нашего века — С. И. Руденко, венгр М. Дьюла.

В 1962 г. наш экспедиционный отряд пришел юго-восточное Зауралье с юга на север. Маршрут охватил дд. Темяново, Амичино, Баймурзино Баймакского, Кидрасово, Ташбулатово, Муракаево Абзелиловского, Казаккулово, Ново-Байрамгулово, Ясыгулово, Старо-Байрамгулово Учалынского районов. Десятки черно-белых и цветных фотографий, запечатлевших башкирских женщин разного возраста в праздничных платьях, камзолах с монетами, коралловых нагрудниках, остались с тех пор в архиве отдела этнографии.

Массивные нагрудные украшения покрытые кораллами и серебром в середине нашего века были широко довольно распространены. Осенью 1963 г. наша этнографическая группа несколько дней провела в дер. Катерманово Белорецкого района. Нагрудники здесь можно было увидеть, если переступить порог избы. В некоторых домах в простенках окон висело два, а то и три таких украшения. Они были в основном старинные вещи изготовленные много десятилетий назад.

Немало коралловых украшений до недавнего времени имелось в башкирских деревнях Курганской области.

Материалы этнографических экспедиций конца 50-х и начала 60-х годов легли в основу монографического очерка «Народная одежда башкир», вошедшего в 1968 г. в третий том «Археологии и этнографии Башкирии»¹. К сожалению, из-за небольшого тиража эта работа не стала известна широкому читателю. Вызывает досаду и то обстоятельство, что некачественная печать снизила художественные достоинства иллюстраций лишила возможности получить настоящее представление об украшениях и декоративном оформлении праздничного костюма.

С тех пор прошло более двадцати лет. Этнографические исследования за это время охватили всю территорию республики и районы с башкирским населением за ее пределами. Информация по народной одежде накапливалась систематически, из года в год. Раздел по башкирскому костюму в фототеке Отдела этнографии ИИА РАН к настоящему времени насчитывает более трех тысяч снимков.

Расширило познание традиционной одежды основательное знакомство с этнографическими музейными коллекциями Уфы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга и других городов страны, а также с коллекцией М. Дьюлы в Венгерском этнографическом музее, что в г. Будапеште. Башкирской одежде из хранилищ музеев в настоящей книге посвящена специальная глава. Описание конкретных музейных предметов приводится и в главах, характеризующих головные уборы нижнюю и верхнюю одежду, обувь, украшения.

Предметы одежды, приобретенные в прошлом столетии,

¹ Дьюла С. М. Народная одежда башкир. Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1968. Т. 3. С. 174-222.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БАШКИРСКОГО НАРОДНОГО КОСТЮМА

Своеобразие народного костюма определялось покроем одежды, формой головных уборов, обуви. Немаловажным было сочетание вещей в ансамбле. Неповторимый колорит имело художественное оформление костюмного комплекса. Веками складывался стиль одежды, который, наряду с другими качествами, а яркой и более выразительно, отличал один народ от другого.

Башкирский костюм в основе своей сформировался под влиянием древнего и средневекового скотоводческого мира. В XVIII в. побывавшие у башкир И. И. Лепехин, П. С. Паллас, И. Г. Георги обращали внимание на широкое использование при изготовлении одежды материалов животного происхождения: выделанных овечьих и конских шкур, войлока, сукна, кожи. Из овечьих шкур делали верхнюю одежду (шубы, тулупы), мужские головные уборы. Снятая шерсть употреблялась для войлока и шерстяных тканей. Из нее катали шляпы и колпаки, валяли зимнюю обувь. В юго-восточном Зауралье, по границе с Казахстаном, практиковалось утепление одежды пластами овечьей и верблюжьей шерсти. Вырабатывалось домашнее сукно (тула) естественного белого или коричневого цвета. Тонкое сукно (бустау) употреблялось для праздничной верхней одежды, грубое (молла) — для повседневной. Из сукна шили женские и мужские чехмени, теплые штаны, чулки, делали голенища обуви, мужские головные уборы. Для уплотнения сукно сваливали, поливая горячей водой и катая в рулон¹. На юге Башкирии из шерсти и козьего пуха ткали женские шали и мужские шарфы.

Во всех башкирских деревнях из шерстяной овечьей пряжи, иногда с добавлением пуха, вязали веревки, шарфы, кушаки, чулки, носки. В XVIII—XIX вв. в кожных аулах было распространено изготовление пуховых платков, выросшее к началу нашего столетия в промысел.

Из выделанных коровьих и лошадиных кож местные сапожники в XIX веке и ранее делали башмаки, глубинки, колоши, сапоги. Из тонкой козьей кожи (сафьяна, шевро) шили сапожки сытек. Нередко, изготавливая те или иные виды обуви, прощипали кожу с сукном, войлоком, реже — с домашним холстом.

При изготовлении одежды находили применение шкуры и мех диких зверей. В фольклорных и этнографических источниках встречаются упоминания о шубах и головных уборах из рысьего, лисьего меха, из заячьих и белчиных шкурок, из шкуры молодого медведя, волка. Бобрим и выдрой оторачивали праздничные шубы и головные уборы.

¹ Габеев И. Г. Понятие о коже в Башкирии. Материалы областного краеведческого музея Уфимского ЦИИ. 1939. Ч. 2. С. 101.

² Паллас П. С. Путешествие по различным провинциям Российской империи. Путешествие по государству СПб., 1773. Ч. 1. кн. 1. С. 631. КСЭ. Лавров И. И. Древний Урал. Материалы к этнографии Башкирии. М.: Издательство Академии наук СССР, 1927. Ч. 1. С. 24—25.

Одновременно в башкирском быту существовали традиции изготовления пряжи из растительных волокон. Они перекликались, с одной стороны, с навыками обработки растительного сырья у народов Поволжья, с другой — обнаруживали много общего с ткачеством в южном земледельческо-скотоводческом мире. В качестве главного материала, как и у народов Южной Сибири, Средней Азии и Восточной Европы, использовалась конопля — *kinđer*. Домашнее производство конопляных нитей существовало у башкир еще в прошлом веке. В XVIII в. зафиксированы нередкие в ту пору случаи употребления и крапивы. «Холст ткут они больше из крапивы, а иногда и из пеньки, но всегда претолстый и узкий», — писал о башкирах И. Г. Георги¹. Об обработке крапивы и конопли, изготовлении холстов, шитье из них одежды сообщали П. С. Паллас, И. И. Лепехин².

Тканая мужская рубашка с вышитым воротником. Из фондов БГИКМ

Старинные холсты, особенно сотканые на узконавойных станах в южной Башкирии, отличались небольшой шириной, едва достигая 30 см. С совершенствованием ткацкого производства, применением новых ткацких приспособлений ширина тканей увеличилась до 40, а то и 50 см. В конце XIX — начале XX в. широкие холсты изготавливались в междуречье Белой и Уфы и в других северных районах.

В одежде, шитой из домашних тканей, нередко сохранялся естественный цвет. Белые полотняные рубахи и платья

Курганская
Башкирия.
Начало XX в.
Фотогала ГМЭ

можно увидеть в башкирских коллекциях Уфы и Санкт-Петербурга. Их украшением служил вытканый геометрический или вышитый растительный узор. Говоря об одежде жителей Орского уезда Оренбургской губернии в конце XIX в., М. Баишев писал, что башкиры Куруила и Касмарки, впадающих в р. Сакмару (приток р. Урал), «почти исключительно шьют холщовые рубашки»³. О белых платьях сохранились воспоминания во многих деревнях на юге и юго-западе Баш-

³ Баишев М. Деревня Зиннуринна Орского уезда Оренбургской губернии // Изв. Оренб. отд. Русск. геогр. общ-ва. СПб., 1895. Вып. Т. С. 9.

кирии. В первые десятилетия нашего века белый цвет оставался предпочтительным в одежде пожилых женщин.

В юго-восточных горных и степных районах холщовые платья окрашивали в красный, зеленый, синий, реже в желтый цвета. На подол наносили минеральной краской полосы или нашивали две-три узкие цветные ленты. У южных башкирок такие полосы служили зачастую единственным украшением платья. У северо-восточных (приуральских), у челябинских и курганских (зауральских) башкирок подол окаймляла вышивка, использовалась и аппликация.

Старинное
платье
с тамбурной
вышивкой.
Начало XX в.

Украшение подола платьев было принято у всех башкир. Орнаментировались также концы рукавов, ворот. Нередко воротник выкраивался из ткани другого цвета, в тон ему подбирались ластовицы.

Для традиционного быта башкир со времен средневековья было характерно использование в costume, наряду с домашними, покупных тканей. Поставщиками шелков и парчи были среднеазиатские и другие купцы, осуществлявшие

Костюм юго-восточных башкир. На основе экспедиционных и архивных материалов. Худ. И. Ф. Кибальник

Украшение праздничных женских халатов кораллами и серебром. Е л я н с соляными узорами из фондов БГИЖМ (г. Уфа). Оформление спинки халатов (по экспедиционным материалам). Худ. И. Ф. Кибальник

торговлю как на территории Сибири, так в Поволжье и Приуралье. В конце I—начале II тысячелетия существовали устойчивые торговые пути. Один из них водный— по Каспию и Волге, другой сухопутный— через Уральские хребты в Прикамье и Волжскую Булгарию. Кустарные ткани и прочие восточные товары и драгоценности в немалых количествах оседали на башкирских землях. Оживленные связи тюрков с Востоком имели многовековую историю.

Шелка и полунешелка в сочетании с сукном и другими домоткаными материалами определяли стиль одежды кочевнической знати еще в древнетюркском обществе. Археологи-

Юрюзанские
башкиры.
Начало XX в.
Из частного
архива

Башкирская семья в юрте. Зауральские башкиры. Начало XX в. Фотог. ГМЭ.

ческие раскопки позволяют заключить, что население Тюркского каганата предпочитало «носить шелковую одежду, а также крытые шелком теплые войлочные халаты и шубы»⁴. Остатки шелковых одежд обнаружены в кочевничьих курганах на Южном Урале (VIII—IX вв.); лабораторный анализ помог установить их согдийское происхождение. Кусочки шелка найдены в одном из Муракаевских курганов (XI в.) в Абзелиловском районе⁵.

Пристрастие знатных башкир к восточным, в первую очередь среднеазиатским, тканям сохранялось еще столетие назад. Среднеазиатскими тканями «адряса», с характерным

уступчатым узором, крыли женские праздничные шубы. Из таких материалов шили также легкие мужские и женские верхние одежды — бешметы, сапаны. Для мужских бешметов использовались полушелковые ткани в узкую полоску. Иногда с юга («со стороны степей») привозили готовые среднеазиатские халаты. Центрами торговли с Востоком в XIX в. являлись Оренбург и Троицк.

В последние века, после присоединения Башкирии к Русскому государству, активизировалось поступление на южный Урал продукции западноевропейских и русских фабрик.

⁴ Кыласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969. С. 49.

⁵ Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала, VIII—XII вв. М., 1981. С. 38, 141.

Мужчина
в традиционной
одежде.
Начало XX в.
Фотогала ГМЭ

Богатые башкиры получили возможность покупать фламандские, голландские, английские сукна. С середины XVIII в. в быт башкир все активнее проникала продукция русской промышленности: московские и владимирские ситцы, кинешемские коломенки и нанки, казанские кумачи. По-прежнему доходили персидские, хивинские, бухарские бязи, выбойки, а также тонкие шерстяные ткани, парча, атлас, бархат и др.⁶ Одежда из покупных тканей считалась более престижной, чем из местных материалов, в том числе и из меха. В эпическом повествовании «Акхак-кола», записанном у южных башкир, есть образы богатого и бедного — хозяина и его

прислужника раба Карагула: байский сын скачет на коне в распахнутом широком халате, за ним следует раб в поношенной шубе.⁷

Башкирская коллекция, поступившая на выставку в г. Москву в 80-е годы прошлого века и затем оставшаяся в фондах Дашковского (Румянцевского) музея, включала два комплекта женского и два мужского костюмов. Лишь один комплект («повседневный костюм пожилого башкира») состоял из одежды, выполненной из домашних материалов: белой полотняной рубахи, полосатых полотняных штанов, серого «портяного» кушака, серого суконного кафтана (чекменя). В числе остальной одежды были женские красная кумачовая и зеленая шелковая рубахи; мужская миткалевая темно-красная рубаха; ситцевые женские штаны; мужские плисовые штаны «салбар»; женский кафтан красного сукна и шелковый малиновый «зилень»; мужской кафтан красного сукна; обшитый серебряным галуном малиновый кушак⁸.

⁶ Небольсин П. Рассказы проезжего. СПб., 1856. С. 253.

⁷ Башкирское народное творчество. Уфа, 1987. Т. 1. С. 190—191.

⁸ Миллер В. Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. М., 1887. Вып. 1. С. 86—87.

Значительные масштабы использования покупных тканей были свойственны населению восточных и южных районов, сохранявшему исконные скотоводческие традиции. Доходы от скотоводства позволяли обеспеченным хозяйствам осуществлять необходимый товарообмен и получать предметы роскоши и дорогие ткани.

Покупные, особенно шелковые и суконные, ткани использовались преимущественно для верхней одежды: бешметов, елянов, сапанов, чекменей, камзолов и др.; в семьях, имевших возможность покупать достаточное количество готовых тканей, из них шили и рубахи. Домашние же холсты шили,

Пожилые люди
в старинной
одежде.
Баймакский
район, 1962 г.

Башкирские
воины —
участники
Отечественной
войны 1812 г.
Рисунок из
фондов ГИМ
(г. Москва)

главным образом, на «нижнюю» одежду: штаны, рубахи, платья. Верхнюю одежду из них шили только бедняки. Лишь халаты *сыба* у северных башкир, как правило, были холщовыми; для них изготавливали специальный полосатый холст, в расцветке которого прослеживалось влияние среднеазиатского текстиля.

В составе башкирского мужского и женского костюмов, как и у других народов Волго-Уральского региона, имелись рубаха (у женщин — платье) и штаны. В прошлом традиционный комплект дополняла распашная верхняя одежда: приталенная безрукавка или кафтан, просторный халат. Южные

башкиры нередко надевали несколько верхних одежд, каждая из последующих была длиннее и свободнее предыдущей. Ниспадающие полы халатов позволяли продемонстрировать разнообразие и нарядный вид одежд.

В будни поверх рубахи надевали камзол или казакин — *казэкей*. Нередко, выходя из дома, на эту одежду набрасывали чекмень или тканевый халат (*елэн*, *бешмет*), а зимой — шубу или тулуп. В эпосе «Алдар и Зухра» повествуется о состязании борцов на джигине. Один из силачей, войдя в круг для борьбы, снял с себя «шубу, сшитую из куницы и покрытую путнею», и остался в синем бешмете⁹. Событие происходило в теплое время года и, следовательно, шуба в данном случае выполняла роль праздничной одежды.

Д. П. Никольский, описывая традиционный мужской костюм, называет рубаху, штаны, безрукавку (*камзол*), бешмет — одежду «нечто вроде камзола, но с рукавами». Сверх беш-

⁹ Башкирское народное творчество. Т. 1. С. 396.

¹⁰ Никольский Д. П. Башкиры: этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. С. 53—54.

мета носился тканевый «жилян», составлявший в конце XIX в. «принадлежность только мулл и знатных башкир». Более популярной, по словам исследователя, являлась распашная одежда «сипкан» (чекмень — авт.) из домашнего сукна. Иногда щегольский наряд дополняла шуба. Поверх чекменя и шубы повязывали кушак («опояску») или надевали кожаный пояс¹⁰.

Путевые заметки, научные обобщения, гравюры и живописные полотна с описанием и изображением башкирского быта — все свидетельства очевидцев — являются неоценимым источником, помогающим воссоздать исторический костюм. На гравюре художника Портера (начало XIX в.) из фондов

Традиционно одетый
пожилой
мужчина.
Кигинский
район, 1963 г.

Государственного исторического музея изображен сановитый башкирский военачальник в двух халатах: один надет под кольчугу, другой, более просторный, поверх нее; полы последнего откиннуты и заткнуты за пояс. На одной из иллюстраций в дореволюционном этнографическом издании «Живописная Россия»¹¹ запечатлена башкирская женщина в верхней одежде, поверх которой надет коралловый нагрудник. Другой халат наброшен по-мусульмански на голову.

Мужчина
в бешмете;
Альшеевский
район, 1963 г.

Многочисленность верхних одежд, особенно в праздничном костюме, была в обычае древних кочевников. Манера надевать несколько халатов, один на другой, сохранялась

¹¹ СПб., 1901. Т. 8.
с. 2.

до недавнего времени не только у башкир, но и у полукочевых в прошлом народов Средней Азии: каракалпаков, казахов, киргизов и др. Одевались так в любое время года, независимо от погоды.

А. Игнатович, побывавший в 60-е годы прошлого века в горных башкирских селениях, писал: «Платье у бурзянцев-мужчин одинаковое с прочими башкирами,— летнее из белого шерстяного кафтана... Летом, а также дома и в гостях, они носят халаты работы бухарской: достаточные шелковые из адряса, а бедняки бумажные и китайчатые. Богатые же, а в особеннос: и чиновники и старшины, носят кафтаны из

Пермские
башкиры.
Начало XX в.
Фототека ГМЭ

тонкого сукна различных цветов (впрочем красный цвет бурзяне предпочитают другим), обкладывая их на воротнике в три ряда, а по подолу и полам в два ряда золотым или серебряным галуном; эти кафтаны бывают длинные, почти до полу, а на подоле и по бокам имеют разрез для того, чтобы при ходьбе не путаться в ногах»¹².

П. Небольсин, путешествуя по степным оренбургским селениям и кочевьям, сделал в дневниках следующую запись: «Мужчины... щеголяют бешметами и халатами. Бешметы и камзолы шьются из разноцветных волнистых и полосатых бухарских материй, из узорных московских штофов и из гладких материй; а халаты преимущественно бывают цветные суконные, выложенные широкими позументами... по воротнику, полам и подолу; бедные люди ходят в грубых белых шерстяных халатах, а у богачей они бывают из тонкого сукна, иногда белые атласные, роскошно вышитые шелками. Под верхним халатом, надеваемым нараспашку, блестит дорогая серебряная, украшенная разноцветными камнями, бляха бархатного коврового пояса; на одном бедре «калта» (кожаная плоская сумка с тиснением—авт.), на другом—натрус-

¹² Игнатович А. Башкирская бурзянская волость // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России: 1860—61. СПб., 1863. Кн. 5. С. 48—49.

ка и сумочки для узкого ножа и для дробы». И еще красочная деталь: «выпускаемые на халат воротнички рубах обшиваются серебряным или золотым снурочком»¹³.

Описание мужского костюма башкир, живущих в нижнем течении р. Сакмары, недалеко от Оренбурга, мы находим в конце XIX в. у М. Байшева: «Одежда у башкир, как у пожилых, так и у молодых, почти одинакова: носят длинные ситцевые рубахи, доходящие до колен, с большим воротником и широкими рукавами. Дома сверх рубашки носят бешмет. Платье это татарского покроя, обхватывает талию, имеет по бокам карманы и застегивается пуговицами. Шьют бешмет

Женщина
в старинном
цельнокроеном
платье.
Баймакский
район, 1962 г.

из самых дешевых материй, как-то: из черного коленкора, казенета, полусукна и всегда с ситцевой подкладкой. Многие носят халаты, чапаны... Покупают их обыкновенно готовыми. Другие носят кафтаны из желтого или серого верблюжьего сукна, тоже фабричного изделия, или из белого, приготовленного самими башкирами из овечьей шерсти. Зимой носят шубы, сшитые... из овчины, дубленых в белый цвет. Состоятельные башкиры носят и волчьи шубы, и шубы из лисьего меха, покрытые сукном, носят также и шелковые халаты»¹⁴.

В районах горной Башкирии, удаленных от восточных рынков, одежда была более однородна. На Инзере у катайцев мужской костюм состоял из ситцевой длинной рубахи, холщовых штанов и легкого халата из хлопчатобумажной ткани. Зимой тканевый халат заменялся суконной одеждой; она могла быть изготовлена и из верблюжьей шерсти. Характерно, что рубаха была «без опояски», но на халат наде-

¹³ Небольсин П. Рассказы прозвищ. С. 277.

¹⁴ Байшев М. Деревня Эннчуркина Орского уезда... С. 8-9.

вали пояс, к которому прикреплялся нож в деревянных обтянутых кожей ножнах, украшенных медными заклепками и пластинками. Отправляясь в лес или на охоту, к поясу привешивали небольшую топор с длинной рукояткой¹⁵.

Тот же состав одежды был и у северных и северо-восточных башкир. Н. Попов на рубеже XIX в., имея в виду население екатеринбургских волостей (Свердловская обл.), называл недлинную одежду («полукафтаны»), стеганную на вате или верблюжьей шерсти, и суконные кафтаны из покупного кармазина или домашней шерстяной ткани, сшитые «казацким покроем»¹⁶. Восточнее, в Шадринском уезде (Кур-

Оренбургские башкирки в праздничной верхней одежде елян, 1963 г.

¹⁵ Берггольц Д. Горные башкиры-китайцы // Этнографическое обозрение. 1893. № 3. С. 81.

¹⁶ Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб., 1813. Ч. 3. С. 16.

¹⁷ Там же. С. 21—

22. Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. С. 102.

¹⁸ Черемшанский В. И. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 154.

ганская обл.), на рубахи «из толстого холста» или «крупноклетчатой пестряди» надевали камзолы, а сверху — «кафтаны из красного и синего, но больше белого, серого и черного сукна», зимою — «нагольные» шубы или шубы, «крытые китайкою и тиком». Автор этих строк Н. Попов, вслед за описанием обычных шуб, поместил любопытное примечание: «Некоторые из кочующих шьют оные и из конских кож»¹⁷. Можно вспомнить, что четвертью века раньше И. Г. Георги писал, что шубы башкиры «шьют из бараньих, но больше из конских кож так, что грива ложится вдоль спины»¹⁸. У В. М. Черемшанского (середина XIX в.) можно найти данные, что зимнюю одежду в башкирских деревнях нередко шили на лисьем, белчиьем, хорьковом или сусличьем меху. В некоторых семьях можно было увидеть «яргаки» из лошадиной или оленьей шкуры, обращенной «шерстью или мехом вверх»¹⁹. В начале нашего века С. И. Руденко приобрел подобную

одежду (ГМЭ, № 1265—1) в дер. Юлдыбаево Орского уезда (Зилаирский район), сопроводив ее описанием: «Якы тун — старинная одежда типа чекменя, крытая шкурками молодых жеребят шерстью наружу. Покрой прямой, рукава прямые длинные — 75 см, при ширине в сложенном виде 25 см. Длина одежды 135 см, ширина в поясе 185 см. Воротник и полы обшиты узкой полосой выдры, выше талии — завязки. Надевали в дорогу при верховой езде».

Женщина в елане. Гафурийский район, 1961 г.

Сходен с мужским был состав женского костюма. По наблюдениям итальянского профессора Сомме, жившего в конце XIX в. в дер. Ташбулатово в Зауралье (Абзелиловский

Халат и тканая шаль — теплая одежда женщин. Баймакский район, 1971 г.

район), обычной одеждой женщин являлся длинный кафтан (который в торжественных случаях мог быть из бухарской шелковой материи) в форме халата, открытого от верху до низу и падающего прямыми складками до ног. Под него надевалась сшитая из полотна или бумажной материи «длинная рубашка той же формы, но открытая только на груди» с очень широкими рукавами. Находясь дома, женщины халат не надевали, оставались в одной рубашке. Иногда в таком виде они выходили во двор — даже в тех случаях, когда была холодная погода и шел снег²⁰.

Из литературных источников XVIII—XIX вв. видно, что

²⁰ Проф. Самма. О башкирцах // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1891—92. Т. XIII, вып. I. С. 26.

Старинный нарядный е л я н с вышивкой и бисером из Хайбуллинского района.
Худ. И. Ф. Кибальник (по зарисовкам В. М. Шутовой)

Женский елян. Пос. Уфимский, экспедиция 1971 г. Худ. И. Ф. Кибальник.

украшению женской одежды нередко уделяли большое внимание. По наблюдению Соммье, женские платья белого или красного цвета вышивались «бисером и стеклянными пуговицами, металлическими звездочками или крупинками, позолоченными и серебряными, образующими на груди пластрон»²¹.

Распространено было украшение платьев нашивкой лент вокруг нагрудного разреза и на подоле. Об этом пишет М. Байшев: «Пожилые женщины носят ситцевые рубахи, сшитые без всяких оборок, с длинными и широкими рукавами. На груди вокруг прорехи рубахи полукругом приши-

Пермская
башкирка.
Бардымский
район, 1984 г.

²¹ Там же.

ваются полушелковые ленты желтого, зеленого и красного цветов в два или три ряда; каждая лента имеет около одного вершка ширины. Такими же лентами в один или два ряда отделана рубаха и вокруг подола... Молодые женщины одеваются почти так же, как и пожилые, с тою только разницей, что материя для платья покупается более ярких цветов; к нашивкам у рубах пришивают серебряные монеты разного достоинства и медные бляхи»²². Облик изящной башкирки в длинной синей рубахе, закрывавшей шальвары и отороченной на груди красной тесьмой, неоднократно возникает в произведениях М. В. Авдеева²³; автор подолгу жил в своем

Тканый фартук.
Начало XX в.
Из фондов
БГХМ

²² Башкир М. Деревня Зиннуркина Орского уезда... С. 9—10.

²³ Авдеев М. В. Горы. Повесть на кумыс // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1961. Т. 1. С. 303, 335.

имении на территории современного Гафурийского района и общался с жителями окрестных деревень.

Некоторые особенности традиционного башкирского костюма передает П. Назаров, хорошо знакомый с бытом южных и юго-восточных башкирских окраин: «Женщины прежде носили кульяк из грубого белого холста; грудь его по бокам вышивали шелком наподобие хараусов... Но теперь повсюду распространен кульяк из красного ситца. От татарского он отличается, во-первых, тем, что у него совершенно нет оборок, а, во-вторых, тем, что на подоле у него нашивается одна или две ленты желтого, синего, голубого или зеле-

Фартук с аппликацией.
Курганская область, 1959 г.

ного цвета. Сальвар женские также делаются из ситца. Сверху носят зияли, или жияли — род татарского халата, черный, по краям отороченный красным сукном, позументом и цветной лентой. У девушек он украшается кораллами, вышитыми звездочками, раковинками, монетами»²⁴.

Фартук,
вышитый
перевьюю.
Северо-восток
Башкирии.
Фонды БГИКМ

О халатах екатеринбургских башкир Н. Попов писал: «На верхней женской одежде, делаемой из тонкого сукна разного цвету, больше зеленого, также из шелковой материи или черной китайки, пришиваются напереды пуговицы... и нанизываются разного сорта деньги»²⁵.

²⁴ Назаров П. К. Этнографическое описание Башкирии // Этнографическое обозрение. М., 1890. № 1. С. 181—182.

²⁵ Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии. С. 22.

²⁶ Полн. собрание ученых путешествий по России. СПб., 1822. Т. 4. С. 168.

У И. И. Лепехина есть сведения, что юго-восточные башкирки в праздничные дни носят суконные кафтаны разных цветов и разной доброты, по краям в два ряда «унизируют бисером, а иногда напереды укладывают оным и петлицы»²⁶.

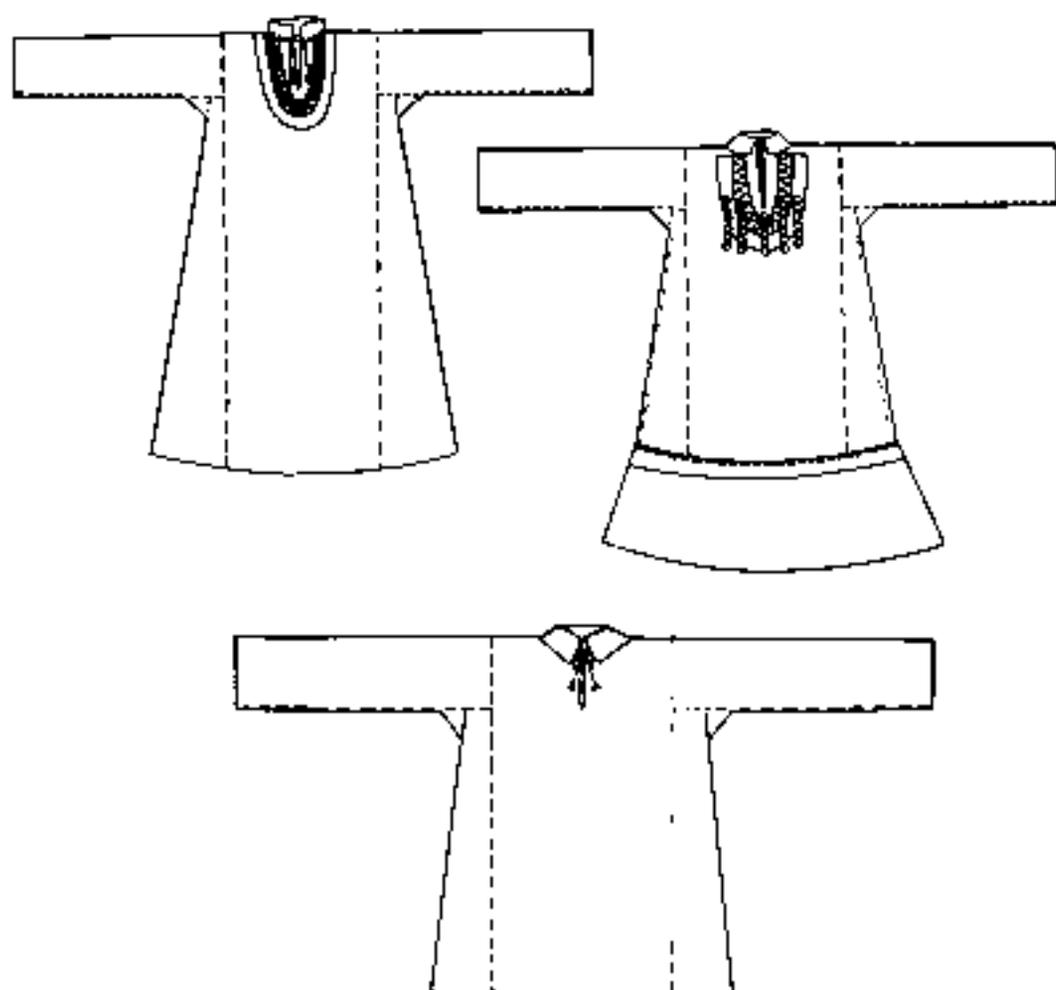
О халатах из черной китайки, «опушенных по подолу, рукавам, полам и воротнику красною прошвою» — распространенной одежде женщин-бурзянок, — писал А. Игнатович. Он отмечал манеру бурзянок нашивать на эту одежду сзади, «где бы следовало быть клапанам», красные из сукна кис-

точки и металлические пуговицы. По его словам, в наиболее богатых семьях имелись «красные суконные халаты, облаженные золотым и серебряным позументом»²⁷.

У башкирских женщин подпоясывать верхнюю одежду было мало принято. Лишь в одной работе, книге М. А. Круковского, встречается упоминание, что в богатых семьях можно обнаружить женский «широкий пояс из серебряных монет, охватывающий талию»²⁸. Автор видел такой пояс, следуя через Уфу и деревню Тикеево к Юрюзани.

В первые десятилетия нашего века распространенный в северных и центральных районах фартук стал не только

Пирры:
а женский
плащан;
б мужской
рубашки

²⁷ Ибрагимов, А. Башкирская народная одежда. С. 15—16.

²⁸ Круковский, М. А. Уфа. Уфа, 1926. С. 52.

²⁹ Круковский, М. А. Уфа. Уфа, 1926. С. 52.

рабочей, но и праздничной одеждой. Эти пояса стягивали свободное платье. Стая перетягивали также поясом нагрудника, приделанной безрукавкой или кафтанчиком.

Характеризуя башкирский костюм, автор обращал внимание на непривычно большой объем одежды: «рубашки шьются длиннее с широким воротником, с широкими и длинными рукавами»²⁹; мужская рубашка «длинная, ниже колен, широкая,

особенно под мышками, с широкими рукавами»³⁰; упоминали «широкие шаровары», «долгие и широкие штаны»³¹ и т. д. Подмечали характерные детали: «кумачные ластовицы», «большой отложной воротник» — у мужчин, «нагрудную прорезь, закрытую небольшим цветным нагрудником» или обшитую цветной тесьмой — у женщин³².

Просторна мужская и женская одежда, собранная в прошлом веке для московских этнографических выставок. В этом легко убедиться, ознакомившись в Государственном музее этнографии (г. Санкт-Петербург) с коллекцией, переданной из Румянцевского музея. В более поздних приобретениях,

Тканое
женское платье.
Из фондов
МЭ
(г. Уфа)

³⁰ Никольский
Д. П. Башкиры. С. 53.

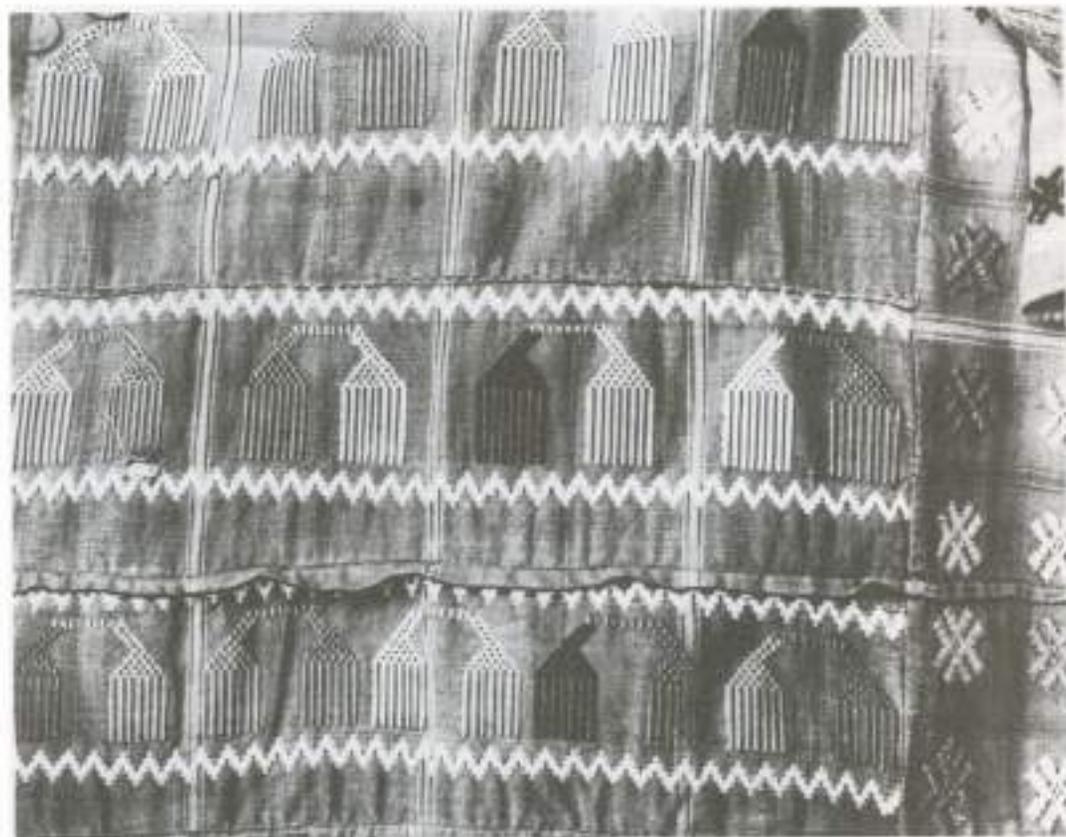
³¹ Проф. Соинья,
О Башкирах. С. 28;
Георгий И. Г. Описания
всех в Российском
государстве
обитающих народов.
Ч. 2. С. 102.

³² Червошевский
В. М. Описание
Оренбургской гу-
бернии. С. 154—155;
Проф. Соинья, О
Башкирах. С. 28; Аз-
дыев М. В. Горы.
С. 303.

при сохранении традиционного покроя, форма одежды соотносилась с естественными пропорциями фигуры.

В фондах музеев сохранилось немало рубах и штанов, раскroенных и сшитых преимущественно по прямой нити. В рубахах этот покрой назван этнографами «туникообразным». Его главной особенностью являлось отсутствие плечевых швов. Кроили рубахи (кулдәк), сложив полотнище вдвое; вырезали отверстие для головы, делали глубокий вертикальный разрез посередине грудки. Ворот скрепляли шнурком. К центральной точке пришивали прямые рукава. Подол расширяли за счет раскroенных боковин (сабыу). Между ними

Образец
ткачества
на платье.
Узор «кити»

и рукавом (ең) вставляли квадратные ластовицы (кештәк). Наиболее ранние экземпляры мужских рубах имеют отложные воротники, нередко, как и ластовицы, из ткани другого цвета: на холщовых белых рубахах — воротники из красного кумача или пестрядишные. Однако П. Назаров, видимо, не ошибался, когда писал, что раньше в некоторых рубахах воротника не было³³. В румянцевской коллекции имеются две мужские рубахи с горизонтальным плечевым разрезом (ГМЭ, № 29801, 29802). Можно заметить, что такая форма ворота в прошлом была распространена в Средней Азии.

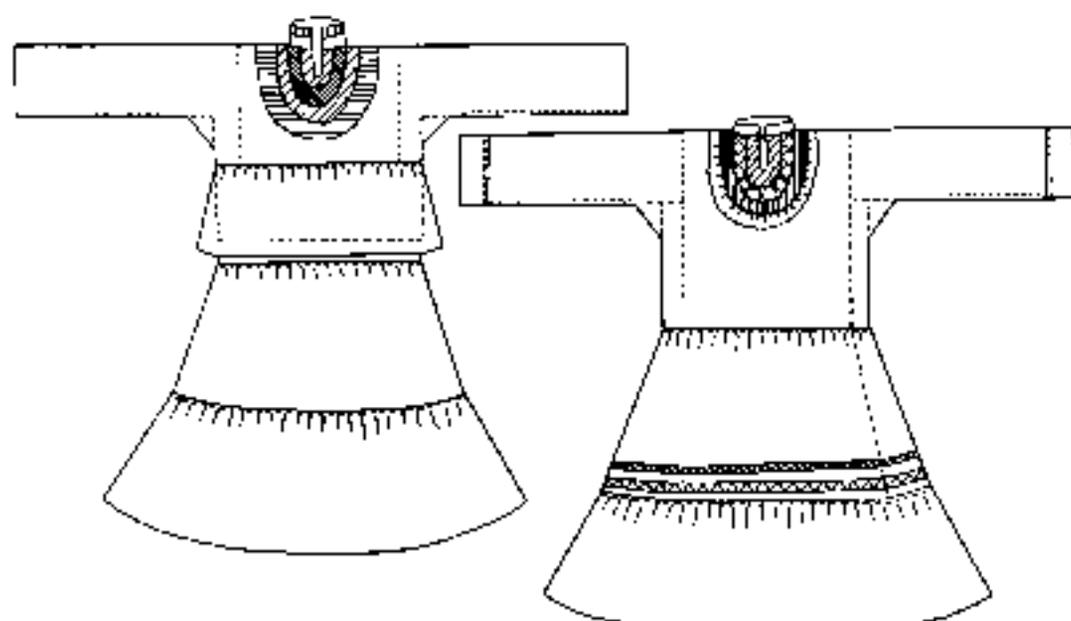
Ниже приводится описание мужских и женских рубах из

³³ Назаров П. К. Этнография Башкир. С. 161.

старых коллекций ГМЭ. Обмеры дают представление о масштабном соотношении конструктивных деталей:

№ 29800. Мужская рубаха из сурового полотна, без швов в плечах. Длина 109 см. Ширина среднего полотнища 38 см, по 10 см плечи. 18 см ворот. Посередине груди вертикальный разрез 20 см. Воротник отложной, шириной 14 см, ворот завязывается плетеным шнурком с кисточками. Рукава прямые (длина 60 см, ширина 26 см), с квадратными, 17×17 см, холщовыми ластовицами. Боковины из трапецевидных клиньев (верх 40 см, низ 100 см), сложенных пополам, пришитых к станине раскошенной стороной. Их высота 83 см.

Образцы
пирож
женский плавань
в начале XIX в

Рубаха приобретена у юго-восточных башкир в конце XIX в.

№ 1002—23. Домотканая мужская рубаха из пестряди [темно-синяя клетка на красном фоне]. Длина рубахи 98 см. Среднее полотнище 38 см шириной: по 13 см плечи, 12 см ворот. Нагрудный разрез (28 см) скреплен плетеным шнурком. Прямые рукава длиной 57 см, шириной 23 см. Воротник отложной, шириной 9 см. Ластовицы 12×12 см из хлопчатобумажной клетчатой ткани. Боковины пришиты к среднему полотнищу сжиком, их высота 76 см, ширина внизу 33 см.

Приобретена в 1906 г. у пермских башкир.

№ 1002—21. Мужская белая рубаха с ластовицами и отложным широким воротником. По концам рукавов и подолу прошивка (селтар) шириной 8 см. Длина рубахи 115 см, ширина в поясе 38 см. Длина рукава 52 см.

Такую рубаху невеста готовила в подарок жениху.

Приобретена в 1906 г. у пермских башкир-гайшницев.

№ 29801. Рубаха мужская из красного холста. Вырез горизонтальный, заходит на плечи, застежка по бокам на крючках, ворот 18,5 см. Длина рубахи 121 см, ширина в подоле

111 см (ширина центрального полотнища 31 см, бокового клина 40 см). Ластовицы из коричневого коленкора, 21×21 см. Длина прямого рукава 67 см, ширина 27 см.

Ворот обшит черным сукном, на которое прикреплены по две красные бисеринки, затем полосой желтого коленкора и более широкой полосой зеленого холста с белыми сдвоенными бисеринками. От обшивки на плечи, спину и грудь отходят столбцы вышитого орнамента (техника «козлик», крестик), выполненного черным, желтым, белым и голубым шелком.

№ 29802. Белая мужская рубаша такого же покроя, как

Платье
с тамбурной
вышивкой.
Начало XX в.
Из фондов ГМЭ

предыдущая. Застежка на плечах из бусин. Длина 110 см, ширина под мышками 63 см, внизу — 94 см (центральное полотнище 34 см, низ бокового клина 30 см). Ластовицы из красного холста, 18×18 см. Длина рукава 60 см, ширина 21 см. Горизонтальный ворот, 31 см, обшит полоской зеленого холста с нашитыми по два кораллами, полосой желтого коленкора с зеленым бисером и полосой красного холста с бе-

лым бисером, нашитым по 3. Вокруг обшивки — вышитый узор, по характеру сходный с вышеописанным; использованы шелковые нитки красного, зеленого, желтого и черного цветов.

Обе рубахи приобретены в XIX в. на территории Челябинского уезда Оренбургской губернии.

№ 29818. Женское платье из красного кумача, туникообразного покроя, неотрезное в талии. Длина 121 см. Ширина среднего полотнища 60 см, плечо 24 см. Рукав прямой, длина 56 см, ширина 29 см, ластовица 14,5×14,5 см. Нагрудный разрез 25 см, обшит позументом; вокруг него нашиты мали-

Мужская
рубашка,
вышитая
тамбуром.
Из фондов МАЭ
(г. Уфа)

новая и розовая ленты. Воротник-стоечка, 6 см. Боковины расклепанные; наверху их ширина 8 см, внизу 31 см. На подол нашиты две синие ленты. Ширина подола по низу (в сложенном виде) 120 см.

Из Оренбургской губернии, XIX в.

№ 29820. Женское красное платье туникообразного покроя, с широкой, 23 см, оборкой по низу. Длина платья 121 см. Над оборкой нашиты синяя и зеленая ленты. Рукав ровный, длиной 71 см, шириной 31 см. Ластовица 13,5×13,5 см. Ширина бокового клина вверху 8, внизу — 22,5 см. Ширина цент-

рального полотнища 62 см: плечи 24 см, ворот 14 см. Воротник 7 см.

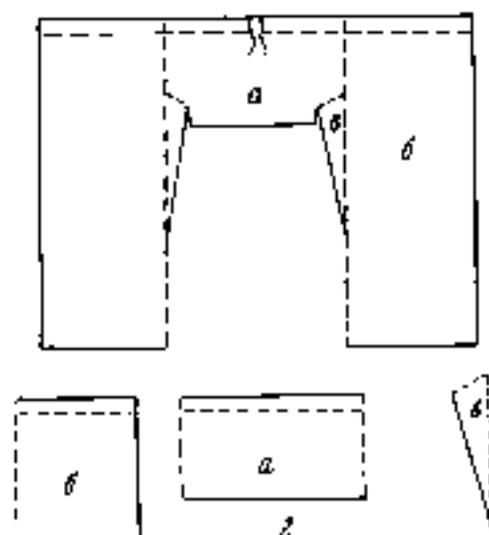
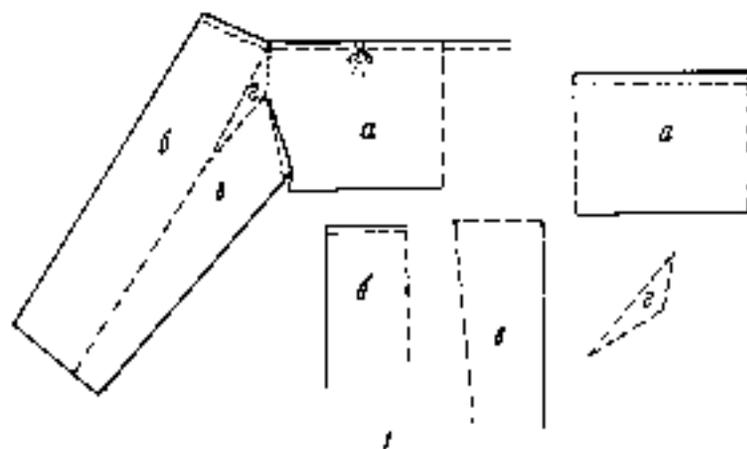
Из Оренбургской губернии. XIX в.

№ 1234—3 Рубаха пожилой женщины, туникообразного покроя неотрезная в талии. Длина 132 см, ширина в поясе (в сложенном виде) 74 см. Прямые рукава длиной 45 см, шириной 23 см.

Приобретена в Орском уезде Оренбургской губернии, начало XX в.

№ 29819 Женское платье, отрезное в талии, верх туникообразный. Длина платья 127 см (верх 63 см, юбка 64 см). Платье

Варианты:
с округл. шаговым
и с широким
шагом

чо 10 см, ворот 16 см. Ширина среднего полотнища 36 см. На грудку (от плеча 33 см) нашита оборка — «верхний подол», 29 см шириной; спереди она не смыкается, оставляя промежуток 10 см. Ширина платья в талии 65 см.

Рукав длиной 53 см сужен (ширина сверху 18, внизу 14,5 см), по краю отделан двойной строчкой. Ластовица 9×9 см. Оборка и юбка обшиты кружевом.

Воротник-стойка шириной 3,5 см. Нагрудный разрез застегнут на крючок, сверху прикрыт планкой. Воротник и планка отстрочены на машинке; узор — полукружья.

Из Оренбургской губернии, XIX в.

Штаны
из полосатой
домотканной

№ 29617. Платье с широкой оборкой, пришитой ниже талии и составляющей подол. Покрой верха туникообразный. Длина платья 142 см, ширина подола в сложенном виде 106 см. Рукав прямой, длиной 73 см, шириной 29 см. Ширина среднего полотнища 40 см. Ширина платья в талии 50 см. Ластовицы 10×10 см. Вокруг нагрудного разреза пришит полукругом позумент и ленты.

Приобретено в конце XIX в. в Оренбургской губернии.

№ 29864. Платье из зеленого шелка. Широкая, 26 см, оборка удлиняет подол. Ширина подола над оборкой 109 см. Покрой верха туникообразный. Среднее полотнище — 47 см, пле-

Образцы солнечных узоров на женских халатах юго-восточных и южных башкир.
Худ. И. Ф. Кибальник

Вышитый мужской вельн и свадебные рукавицы. Худ. И. Ф. Кибальник (по зарисовкам В. М. Шутовой в фондах БГИКМ и в экспедиции 1972 г.)

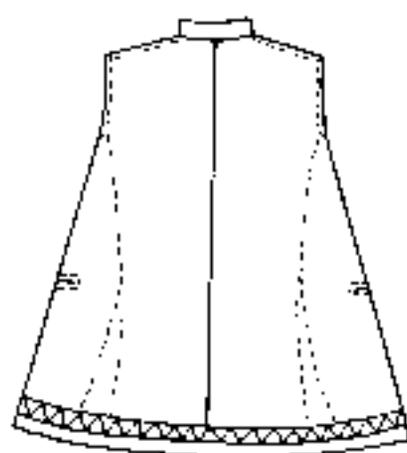
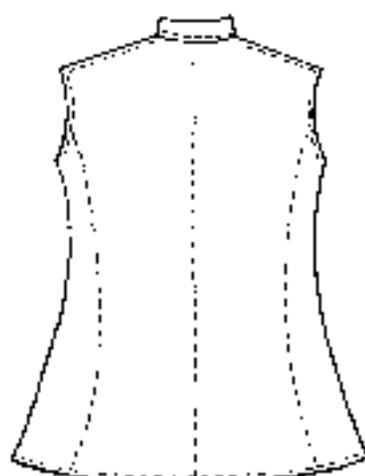
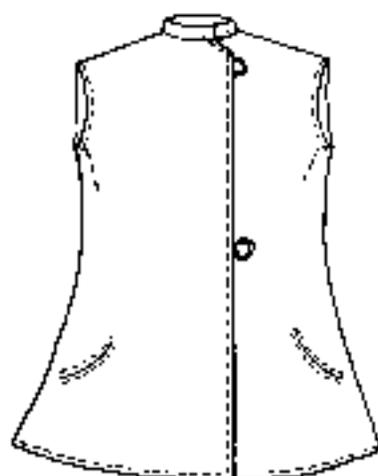

чи 16 см. Ширина бязи или верха 111, внизу 31 см. Вырезник стоячий, 5 см, застегивается на крючок. Рукав прямой длиной 74 см, шириной 34 см. Ластовица 12Х12 см. Над оборкой на подол нашита шелковая лента.

Из Оренбургской губернии, XIX в.

Одно из платьев в музее археологии и этнографии УНЦ РАН (табл. Э 24, 5) снято в 20-е годы из материала, изготовленного в начале XX в. Платье из клетчатой дюпона с браным узором. Основа красная, на ней клетчатый узор из желтых и синих линий, размер клетки 4,5Х4,5 см. Орнамент по основе — маленький ромб продолжающийся

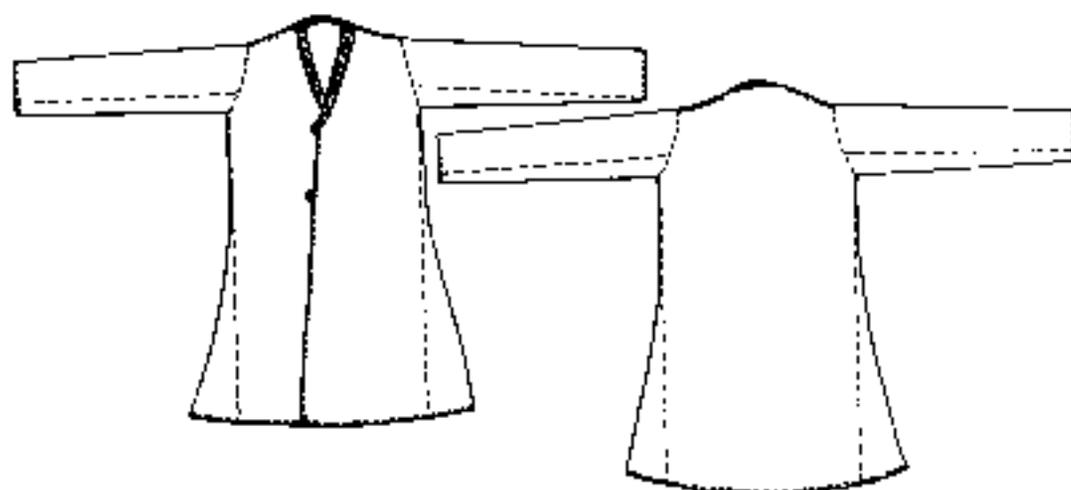
Покрой
мужского
и женского
капюшона

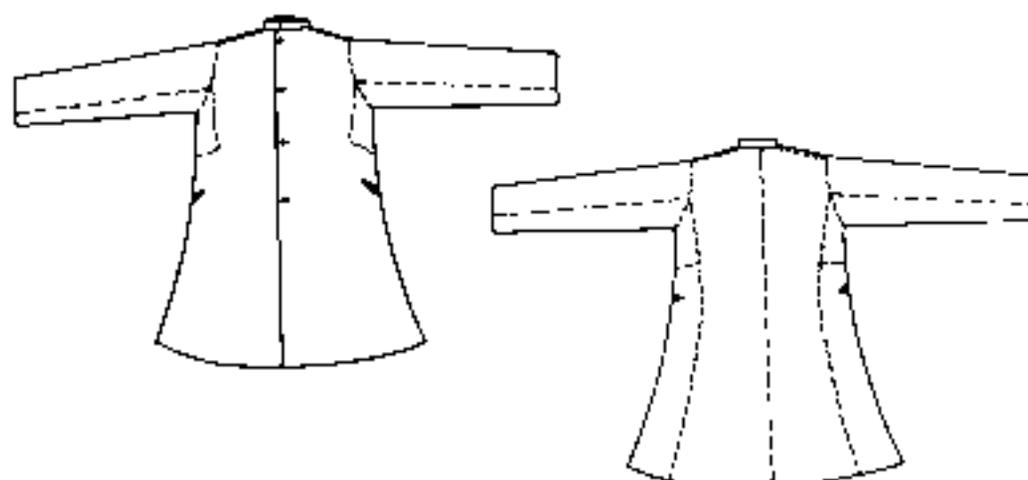
стороны которого образуют «рога». На подоле узоры крупнее, чем на рукавах и стянком воротника. На груди узоров нет. Передняя часть подола (наподобие фартука) и низ юбки украшены «двойными» «кистями». На юбке «кисти» расположены полосой между линиями-зигзагами. Такой же узор по низу рукавов. На нагрудной планке строчка. В браном орнаменте использованы желтый, зеленый, синий и другие цвета шток.

Покрой керчен
сарафана.
а — мужского
саян:

Покрой комбинированный. Верх (до талии 27 см) без швов на плечах. В талии вшит «пояс» (6 см). Приблизительная юбка длиной 85 см. Плечо 10,5 см. Рукав прямой (длина 47 см, ши-

б — казань

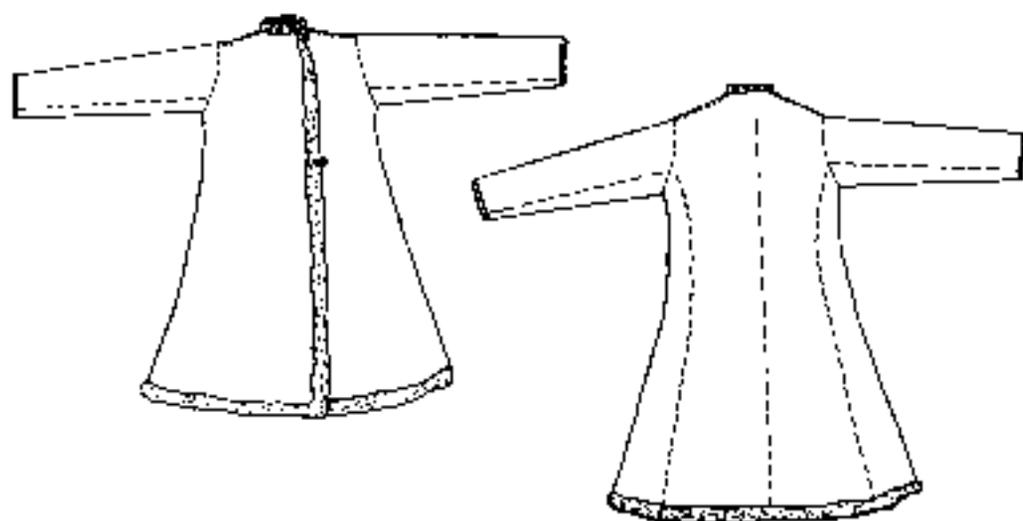
рина 17 см), с буфой, сужен складочками-защипами. Прямая боковина 14 см высотой, 6,5 см шириной. Ластовиц нет, прайма прямоугольная. Воротник 4 см.

Полоса узора на подоле 7 см шириной на рукавах 3,5 см.

Приобретено в дер. Минзигарово Иглинского района.

Покрой мужских и женских рубаш в принципе не различался. Однако женские платья часто, особенно с конца XIX в., были отрезными в талии, прямая юбка собиралась в сборку. Воротник платьев обычно выкраивался стоечкой. Нагрудный разрез в начале XX в. прикрывали планкой. Под влиянием

в — женской
шубы

города стали появляться суженные рукава, манжеты, буфы на плечах, складочки и защипы. Увеличивалось число оборок на юбке. Туникообразный покррой все чаще заменялся новым — с округлой проймой и скошенным плечом. Покрой мужских рубаш приближался к городской косоворотке. Повиства коснулись в первую очередь одежды мужчин и молодых женщин. Пожилые женщины, следуя традициям, продолжали шить платья по старым образцам.

У В. М. Черемшанского упоминается нагрудная повязка (*тушмаларек, күкрәкәк*), которой женщины прикрывали грудь при глубоком разрезе на платье. Ее носили под рубашкой. В прорезу платья виднелась небольшая часть повязки, тем не менее ее украшению уделяли большое внимание. Форма повязки вплоть до последнего времени оставалась традиционной: это был прямоугольный кусок ситца или полотна с подшерстками верхними углами; с помощью петель нагрудник держался на плечах. Центральную часть нагрудника занимали нашивки из разноцветных тканей, составлявших прямоугольник. Иногда нашивалась специальная нашивочка*. Таких подвязок в музеях множество, шпалы и вышитых. На некоторых есть металлические и сердоликовые пластинки

* На маной — нагрудная повязка из ГМЗ (№ 1002) (2) центральная часть состоит из пяти черных желтого красного цвета; на № — складки только (2) X 8 см с темной вышивкой.

Распространенные в башкирских деревнях штаны долго сохраняли старый покрой. Различались штаны с широким и узким шагом. Первые (штаны) приучивались и в мужских и в женских комплектах одежды, вторые (саббар) — только в мужских. Последнее наименование из частного материала.

Штаны с широким шагом появились в кочевничьей среде. Простейшая конструкция представляла сложенный вдвое прямоугольник, к сторонам которого пришивались растрепанные штанины. Со временем между штанинами и основой сталишивать клинышки.

В отличие от штанов с широким шагом, саббар состояли из двух половин, соединенных треугольниками или ромбовидными вставками.

ГМЭ. № 29062 Женские штаны из красного ситца. Длина штанин 87 см, ширина 25 см. Середина в сложенном виде представляет трапецию высотой 42 см, основанием 52 см и верхом 35 см. С внутренней стороны вшиты клинья, не доходящие до низа штанин, увеличивающие свободу шага.

Приобретены в Челябинском уезде Оренбургской губернии, XIX в.

№ 29063 Женские штаны из красного узорчатого ситца. Покроем повторяют предыдущие. Длина 90 см, глубина середины 44 см, ее верх 33 см, низ 48 см. Ширина в поясе 104 см. Ширина прямых штанин в сложенном виде 29 см. Размер вставочного клина 52×10 см, узкая его часть примыкает к середине, другая — к штанине.

Приобретены там же.

№ 29803 Мужские штаны из коленика и бисау и синюю полоску. Покроем сходны с предыдущими. Длина 81 см, ширина в поясе 172 см. Ширина штанин 24 см. Середина — прямоугольник глубиной 43 см, шириной 39 см. Вставочный клин более глубокий, чем в женских штанах: сторона, примыкающая к середине, 27 см, высота 42 см. В сложенном виде это прямоугольный треугольник с гипотенузой 57 см, присоединяется к штанинам разогнутой стороной.

Приобретены у юго-восточных башкир, XIX в.

№ 29804 Штаны из хлопчатобумажной ткани. Длина 83 см, ширина верха в окружности 148 см. Середина — прямоугольник 38×76 см, перегнут в шагу пополам. Штанины сверху шириной 18 см, внизу расширены за счет внутреннего клина.

Клин у основания 27 см, внизу 7 см, в целом представляет сложенную вдвое трапецию.

Приобретены у юго-восточных башкир, конец XIX в.

МАН УНЦ РАН, колл. Э-2-11. Женские штаны из красной домашней шерсти с узкими белыми и темно-зелеными полосками. Прямоугольная вставка 60×37 см, перегнута поперек и составляет основу. К ней присоединены штанины из прямоугольных сложенных вдоль полотнищ 78,5×40 см. С внутренней стороны к ним добавлены клинья, в сложенном виде высотой 60 см, шириной 13 см (верх) и 3 см (низ). Верхний край штанов подогнут на 2 см, вставка шерстяной пшурок для поддержки. Штаны синие в 40-е годы из ткани, изготовленной раньше.

Приобретены в Иглинском районе.

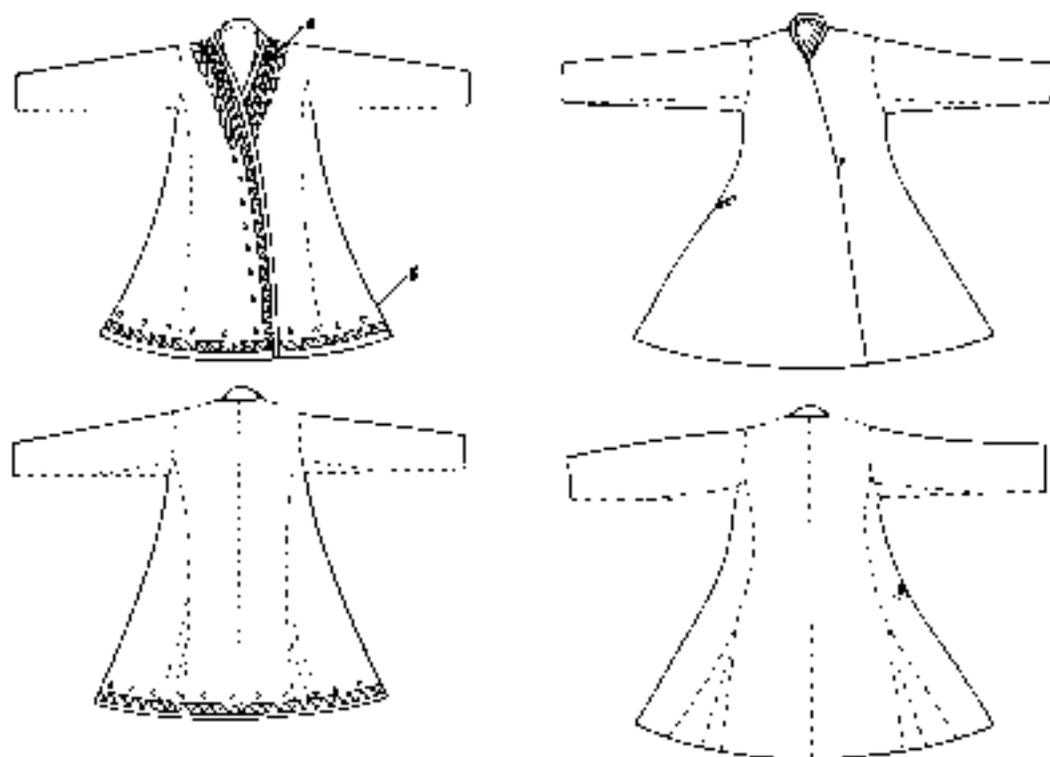
ГМЭ. № 1234 9. Широкие мужские штаны из коленяного холста. Носят поверх ситцевых. Распространены повсеместно. Длина 80 см, ширина в окружности 148 см. Штанины

шириной в сложенном виде 36 см. Середину штанов образует прямоугольник 40/80 см, перегнутой пополам. Штанщины состоит из такого же куска, сложенного вдоль: расширены за счет внутренних вставок, суженных книзу.

Приобретены в 1907 г. в дер. Худайбердино Орского уезда [Знаменуринский район].

№ 29805. «Салбар» из черного бархата. Общая длина 41 см. Ширина в поясе (в окружности) 132 см. Ширина штанов внизу 26 см, длина с внутренней стороны 65 см. Брюки расширены в шагу с помощью двух пар треугольных клиньев; за счет них ширина верхней части достигает 47 см, высота

Пояс
женского
пояса и бешмета
в — позумент,
б — монеты

41 см. Спереди и сзади брюки оставлены прорези. На талии одежда придерживается шнурком.

Из Челябинского уезда Оренбургской губернии. XIX в. № 1234-В. «Салбар» из белого домашнего сукна. Носят в холода поверх суконных. Распространены в южной части Оренбургской губернии. Длина штанов 94 см, ширина в поясе 160 см, ширина штанов внизу 34 см. Середина 46/76 см, сложенная поперек вдвое.

Приобретены в 1907 г. в дер. Исъяны Орского уезда [Баймакский район].

БГИКМ № 3251. «Салбар» из белой хлопчатобумажной ткани. Длина 88 см, ширина в поясе (в окружности) 174 см. Ширина слегка суженных штанов в нижней части 22 см. В шагу ромбовидной каймы (46—49 см — длина лшвей, соединяющих его углы). От пояса до клина 26 см.

Верхнюю одежду, как правило, шили на подкладе. Угловатый покрой с боковинами, прямыми рукавами и ластовицами в халатах почти не применялся. В то же время распашные вещи, как и рубахи, зачастую не имели швов в плечах. Покупные ткани, более широкие, чем домашние, позволяли шить халаты из цельного полотнища, без боковин, со слегка выбранными в талии и плавно расширенными книзу боками. В других случаях два полотнища стыковались посередине спинки. Это давало возможность вместе со спинкой выкроить и верхнюю часть рукавов. По тому же принципу вырезали полочки.

Женщина
в бешмете
из средне-
азиатской
ткани,
Дуванский
район, 1977 г.

В старинных халатах притачивался шалевый воротник, иногда он уступом переходил в полы. На картинах первой половины XIX в., изображавших башкирских воинов, полы халатов глубоко запахнуты; верхняя уступчатая пола закреплена справа (реже слева) почти у плеча. Небольшие изгибы ворота, подчеркнутые позументной или суконной обшивкой, сохранились и в поздней одежде башкир.

Для камзолов и казакинов был свойствен приталенный покрой из узких выкройных деталей. Такую одежду обычно шили по заготовкам-лекалам татарские портные. В башкирских деревнях расходилась и готовая одежда «казачьего»

Южный
чекмень
и головной
убор из меха.
Из фондов ГМЭ

покроя. Выкройная конструкция, появившаяся под влиянием городских фасонов, была перенесена в традиционные халаты: тканевые бешметы, холщовые *сыба*, стеганные *һырма* и *кәпә*, праздничные *елән*.

В музеях можно увидеть многие старинные виды одежды: чекмени, бешметы, еляны, казакины, камзолы и др.

Несколько мужских шерстяных халатов оказалось в коллекции, поступившей в ГМЭ из Румянцевского музея. Эти вещи датируются прошлым веком:

№ 29807. Халат из грубой шерстяной домотканины серого цвета. Длина 136 см, ширина в талии 58 см, длина рукава 82 см.

Праздничная
женская шуба.
Баймакский
район, 1958 г.

Из северо-восточной Башкирии.

№ 29808. Халат из тонкого красного сукна. Шалевый воротник, низ одежды и рукава обшиты позументом. Общая длина 124 см, ширина 42 см. Длина рукава 62 см.

Из восточных районов.

№ 29809. Сходный с предыдущим халат из красного сукна. Длина 133 см, ширина 47 см. Рукава 77 см.

Все три халата характеризуются одинаковым прямым, слегка расклешенным книзу покроем. Швы — на плечах и в боках. Суженные рукава вшиты полукругом. Воротник пришивной, шалевый. Особенностью чекменя № 29808 являются небольшие клинышки, расширяющие подол.

Мужская шуба.
Бурзянский район,
1963 г.

В других коллекциях мужские суконные халаты имеют конструкцию, близкую к туникообразной:

ГМЭ, № 1234—98. Белый чекмень из домотканины. По краю обшит полоской черной материи; по вороту и боковым разрезам украшен узкой полоской красной ткани. Длина 133 см, ширина в поясе 167 см. Длина рукава 75 см, к низу он сужен. Покрой прямой, без швов в плечах, боковины расклешены, под мышками треугольные ластовицы.

Приобретен в 1907 г. в дер. Юлдыбаево Орского уезда (Зилаирский район).

№ 1234—6. Белый чекмень прямого покроя. Длина 136 см, ширина в поясе 168 см. Длина рукава 76 см, ширина в окружности 42 см.

Приобретен в 1907 г. в дер. Худайбердино Орского уезда. Распространены такие халаты в Оренбургской губернии.

№ 1234—7. Чекмень из темной овечьей шерсти, длиной 133 см, шириной в поясе 160 см.

Приобретен в 1907 г. в дер. Исяново Орского уезда (Баймакский район).

Среди женских халатов немало приталенных, расклешенных в полах, иногда значительно. В целом они сходны покроем с описанными мужскими чекменями из румянцевской

Мужчина
в тулупе.
Бурзянский
район, 1963 г.

коллекции. К концу XIX в. в праздничную женскую одежду вошла «мода» с подкройными соборенными клиньями в боках. «Әс билле бишмәт», «биш билле бишмәт» — укоренившиеся в разговорной речи понятия для характеристики нарядной расклешенной одежды. Применялась выкройная конструкция и со швами, перенесенными с боков на приталенную спинку. В цельнокроенных рукавах некоторых халатов угадывается покрой кимоно, мало характерный для традиционной одежды башкир.

ГМЭ, № 7082—9. Праздничный женский чекмень из зеле-

ного сукна (ткань 155 см шириной), без швов на плечах. Рукава наполовину цельнокроенные, к ним дотачено по 32 см. Покрой кимоно, ширина по окату плеча 26 см, ширина рукавов внизу 15 см. Ширина одежды (в сложенном виде) в талии 70 см, внизу 105 см. Швы в боках. Воротник-шалька, отворот 7 см. Край одежды обшит двумя рядами узкого позумента; при переходе воротника к полам обшивка образует уступ. Халат набрасывается на голову, рукава располагаются по спине.

Изготовлен в начале XX в. в дер. Ибраево (Зианчуринский район).

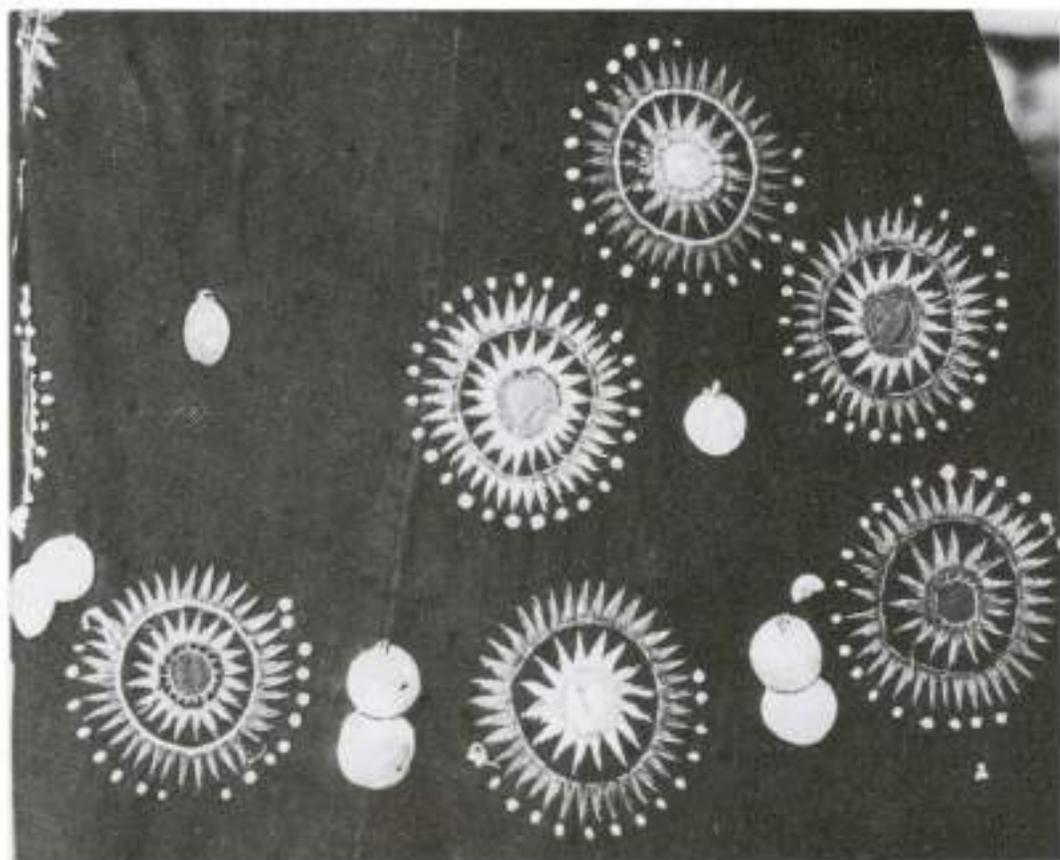
Нашивка
на алян бисере
и ювелирных
блях.
Хайбуллинский
район.

ГМЭ, № 1002—5д. Женский халат елэн из черной хлопчатобумажной ткани на клетчатой красной подкладке. Длина 100 см, ширина в поясе 127 см. Пройма округлая, на плечах швы. Рукав длиной 61 см к концу сужен. Стан цельный, швы в боках. Книзу халат расширен. Обшивка позументом по краю рукавов, по низу и полочкам. Около ворота вдоль узкого позумента нашит широкий. Полоски позумента прикреплены на спинке по бокам у талии и под мышками.

Халат приобретен в 1906 г. в составе женского костюма в дер. Сары Челябинского уезда (Кунашакский район Челябинской обл.).

Вышивка
на верхней
одежде.
Из фондов МАЭ
(г. Уфа)

№ 1002—6. Женский голубой елэн на ситцевой подкладке. Длина 136 см. По краю рукавов, пол и понизу обшит двумя рядами узкого позумента. Ворот имеет выступ, имитирующий «обрубленные» концы шалевого воротника. Покрой приближен к прямому, подол расклешен внизу за счет маленьких клинышков. Рукав с полукруглой проймой, книзу сужен.

Приобретен в 1906 г. в дер. Темясово Орского уезда (Баймакский район).

№ 1002—7. Женский елэн из черного бархата. Покроем сходен с предыдущим. Украшен позументом, монетами и ко-

Свадебный чокмень-накидка из коллекции С. И. Руденко в ГМЭ. Начало XX в.
Худ. И. Ф. Кибальник

Традиционный костюм дамских башкирок; головной убор кашмау. Из фондов БГИКМ (г. Уфа). Худ. И. Ф. Кибальник (по зарисовкам В. М. Шуговой)

раллами. Отмечается, что такие халаты сохранились у бурзян и только в богатых семьях.

Приобретен там же.

ГМЭ, № 7175—20. Женский бешмет из среднеазиатской ткани «адряс», на ситцевом клетчатом подкладе. Длина 96 см, ширина в плечах 36 см. Покрой приталенный. Длина рукава 57 см, ширина 22 и 14 (внизу) см. Застежка на пуговицу с левой стороны. Бешмет работы казанских мастеров, куплен в 30-е годы.

Приобретен в дер. Маржамгулово Дуванского района Башкортостана.

Оформление
спинки елян
в придемских
селениях.
Бижбулякский
район

ГМЭ, № 1002—9. *Сыба* — верхняя одежда, которую надевали женщины, выполняя хозяйственные работы. Сшит из льняной ткани в белую на темно-синем фоне полоску. Покрой приталенный выкройной. Общая длина 108 см. Пройма полукруглая. Рукав длиной 52 см, в пройме 25 см, книзу сужен до 15 см.

Приобретен в 1906 г. в дер. Краснояр Осинского уезда (Пермская обл.).

№ 1002—20. *Сыба* — самотканая верхняя одежда из белого в черную полоску холста. Надевалась мужчинами поверх другой верхней одежды (иногда и шубы) в дороге и во время

Камзол
из Бурзянского
района

работы. Длина 112 см. Покрой приталенный, сходен с предыдущим.

Приобретена там же.

Из всех видов верхней одежды, принятой у башкир, наиболее древними надо признать суконные халаты (сакман) и шубы (туи). Характеризуя одежду тюрок, составители китайских летописей, а за ними известный историк Иакинф Бичурин говорят о меховом и шерстяном одеянии, полы которого при надевании закладывались одна на другую³⁴. Подобная распашная одежда, подпоясанная широким ремнем, изображена на надгробных изваяниях Южной Сибири и восточно-

Женщина
в праздничном
кемазоле.
Бурзянский
район, 1963 г.

³⁴ Бичурин Н. Я. (Мениф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.: Л., 1950. Ч. 1. С. 229.

³⁵ Грен А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. С. 59; Попова С. А. Половцкие наменные изваяния // Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1974. Вып. Е4-7. С. 35—51.

³⁶ Арвинская С. А., Бибилуаев Н. В., Кузев Ф. Г. Декоративно-прикладное искусство Башкирии. Уфа, 1964. С. 122, 241.

европейских степей³⁵. Обшивку сукном, цветную аппликацию и вышивку на башкирских праздничных чекменях исследователи относят к наиболее раннему декоративному пласту в искусстве тюрок и монголов³⁶. Башкирская суконная одежда, украшенная шерстяными кисточками, перламутровыми пластинами и пуговицами, цветными кружками, треугольниками, звездами, роговидными узорами, донесла до нас особенности одежды древнего населения Южной Сибири.

Одежда из меха у башкир считалась обязательной в мужском гардеробе. Женщины имели ее не всегда, обходясь стеганым пальто или шалью и тканевым халатом. Случалось, что они надевали шубу мужа. В то же время существовали

специально женские шубы, занявшие прочное место в обрядах.

Старый покрой шуб был прямым, цельнокроеным, с расширением книзу в боковых швах. Длинные закрывающие кисти рук рукава вшивались в округлые проймы. По свидетельству С. И. Руденко, прежде форма шуб и тулупов в основном совпадала, и главное различие было в отсутствии у шубы воротника³⁷. Ворот и борта шуб оторачивались пушистым мехом. Тулуп, имевший назначение дорожной одежды, был более широк; его огромный шалевый воротник защищал голову при сильном ветре. Приталенный покрой в XIX в. встречался главным образом в праздничной меховой одежде.

Манера
украшения
камзола
в деревне
Билалово
Баймакского
района, 1971 г.

³⁷ Руденко С. И. Башкиры: опыт этнологической монографии. Вып. Башкир // Золотки / Русское географическое общество. СПб., 1925, т. 43. Ч. 2. С. 113—114.

О тканевых халатах *бишмәт*, *елән*, *сыба* дают представление описания музейных экспонатов, схемы покроев. Домотканые *сыба* могли украшаться узорной строчкой на вороте, вдоль пол и вокруг карманов. На праздничные женские бешметы нашивали только позумент. Очень декоративно выглядели женские еяны. Именно эти халаты имели в виду посетившие башкирский край ученые и путешественники, когда писали об украшении верхней одежды вышивкой, кораллами, бисером, монетами. В изданиях, посвященных декоративному творчеству башкирского народа, немало иллюстраций с изображением этой уникальной одежды³⁸, запечатлевшей

Оформление
камзола
молодой
женщины
из Учалинского
района, 1958 г.

³⁸ Аенмакеев С. А., Биебулатов Н. Я., Кузев Р. Г. Декоративно-прикладное искусство башкир; Кузев Р. Г., Биебулатов Н. Я., Штыков С. Н. Декоративное творчество башкирского народа. Уфа, 1979.

Юго-восточные
башкиры
в традиционной
одежде.
Начало XX в.
Фотогала ВЭМ.
(г. Будапешт)

наиболее древние традиции башкирского художественного творчества, зародившиеся под влиянием центральноазиатских и древнесибирских культур. Манера оформления тканевых халатов близка той, что была принята в праздничных чекменях. Красочность одежде придавали полосы зеленого, красного, синего сукна, золотого или серебряного позумента. Распространенными орнаментальными мотивами в вышивке на халатах являлись солнце и звезды. Солнце изображалось концентрическими кругами с разноцветными лучами; в середине нашивали кружок из цветного сукна и перламутровую пуговицу. Иногда солнце изображалось коралловыми

нитями. Из кораллов и монет выкладывались треугольники, ромбы. В вышивку и обшивку пол вводился белый бисер, стеклярус, слюдяные блески. Из позумента с бахромой делали нашивки в верхней части спинки и у талии. Встречаются на праздничной одежде гусиные и лебединые пушки, разноцветные кисточки, раковины, цветные пуговицы, стекла, сердолик. В некоторых юго-восточных халатах присутствует такая декоративная деталь, как наплечники-эполеты.

Несколько слов следует сказать о короткой безрукавной одежде — камзолах. В далеком прошлом их носили не везде. Тем не менее, во второй половине XIX в. во многих случаях камзол не только входил в состав народной одежды, заменив в праздничном комплексе халат, но и включался в свадебный костюм. Мужские камзолы шили из темных тканей, женские были более яркие (красные, зеленые, синие), иногда для них употреблялись среднеазиатские шелка. Покрой камзолов был приталенным: на северо-западе Башкирии они были зауженными в талии, фалдистыми в подоле. Длина их тут была несколько большей, чем в других местах. Косо сре-

занные полоски открывали грудку платья и закреплялись на талии фигурной пряжкой. В украшении камзолов проявлялся декоративный стиль, сложившийся у тех или иных территориальных групп. Пошивку краёв одежды обшивали позументом. В начале XX в. была распространена декоративная строчка по вороту и вокруг карманов. На юго-востоке в этот узор вкрапляли бисер, кораллы. Камзолы молодых женщин у южных и восточных башкир украшались монетами. Манера нашивок соответствовала той, что сложилась в украшении халатов. Мужские камзолы имели закрытый ворот, глухую застежку, застегивались они на пуговицу и навесные петли.

Широкое использование в костюме металлических платков и монет кораллов — характерная особенность народной художественной культуры последнего тысячелетия. Она была свойственна в первую очередь населению южной Башкирии, оренбургских и приволжских степей, Челябинского и курганского Зауралья. Серебро и кораллы, иногда в сочетании с вышивкой, применялись не только в оформлении верхней одежды, но и головных уборов, обуви. Они использовались для создания самостоятельных украшений: нагрудников, ладонишек, перьяшек, ожерелий и др.

Все это в совокупности отличало башкирский костюм от одежды окружающих народов.

ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

Являясь логическим завершением костюма, головной убор нес на себе особую смысловую нагрузку. Он информировал об имущественном, семейном и возрастном положении человека. За головным убором закреплялась охранная функция, роль оберега играли нашивки: из убора мощты, определенной формы ювелирные подделки, гердалик, раковины, перламутр, кораллы, плоды экзотических растений, птицы, пушки, котки и другие необычные предметы. По-видимому, то же назначение выполнял вышитый или выложенный бисером орнамент.

Огранично вписавшись в костюмный комплекс, многие головные уборы представляли оригинальные образцы народного искусства.

Этническая и художественная специфика костюма наиболее наглядно проявлялась в женских головных уборах. Путешественники и ученые прошлого столетия, характеризуя башкирский костюм, обращали внимание на яркие головные уборы из кораллов и серебра, поражавшие воображение европейского наблюдателя необычной формой, богатством нашивок. Чаше других в литературе упоминаются *кашмау* («кашбав», «кашпау») и *калауш* («калабяна»). В деревнях Башкирии в XIX в. *кашмау* встречался относительно часто, особенно в южных районах; а другой убор помещался только в восточном Зауралье.

А. Игнатович в середине прошлого столетия назвал *кашмау* в составе костюма бурзянских башкир. По образному выражению автора, «сходство кашбовы имеют с женским капором». Красочное описание *кашмау* из придемских семей принадлежит перу М. А. Круковского. «У многих богатых башкирок до сих пор сохранился дорогой старинный головной убор... платки абстрактный *кашмау*. Спереди он окаймлен рядом одинаковых монет, передние концы его оканчиваются длинными висюльками, вроде серебряных серег, темя, виски и уши закрыты нитями крупного коралла, идущими рядами, а начиная с макушки весь затылок закрыт крупными серебряными монетами. От макушки спускается длинная лента из таких же монет»¹.

На старинных фототрипсах, оставшихся после поездок М. А. Круковского и С. И. Руденко (начало XX в.), многие женщины южной Башкирии одеты в коралловые *кашмау*. Этот необычный убор дошел до наших современников и в натуре.

В музейных хранилищах в Уфе и Санкт-Петербурге в целом виде или в остатках имеется более 10 *кашмау*. Сходно

¹ Игнатович А. Башкирские башкиры саян, восточн. Арск. историческое — этнологическое исследование, относящееся до России. 1845—1851. СПб., 1847, кн. 1, с. 48.

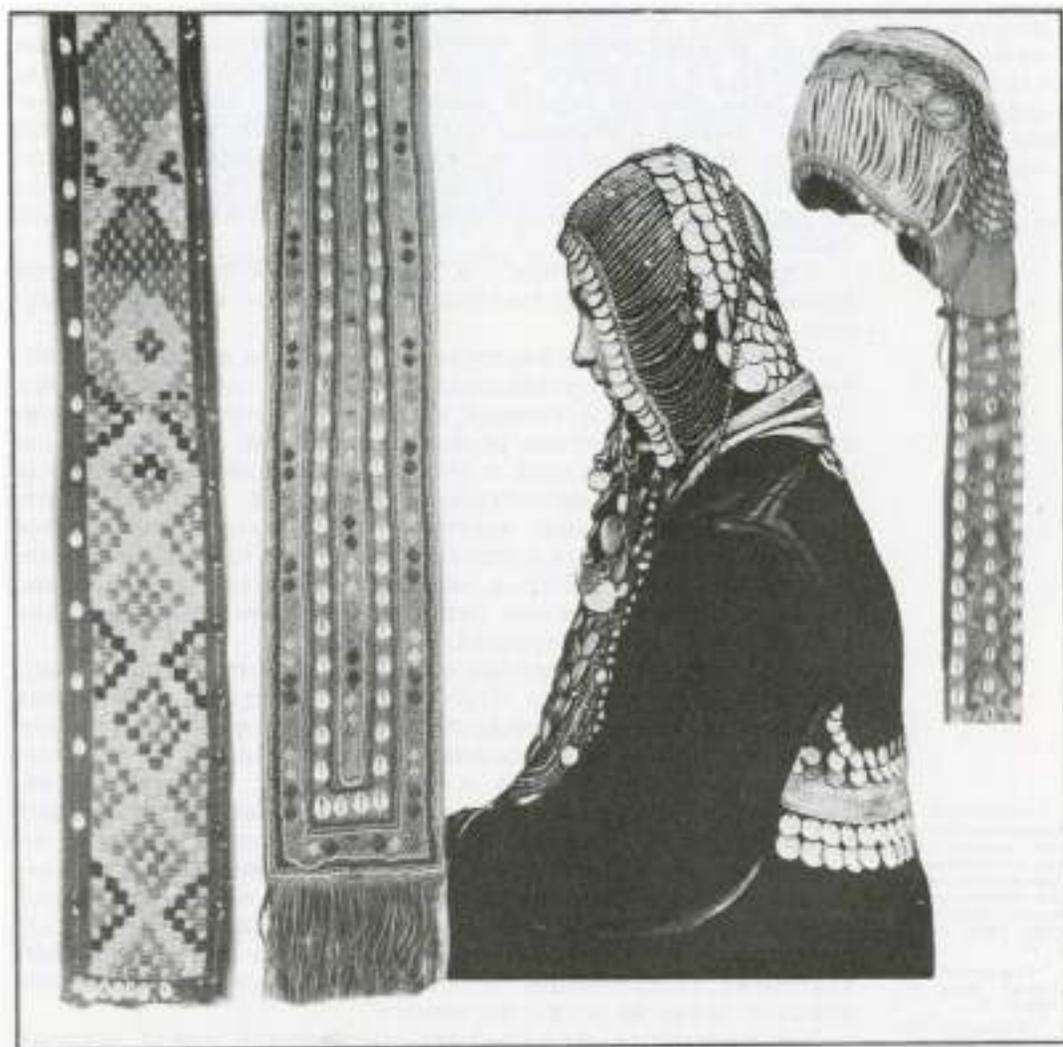
² Круковский М. А. Описание Уфеск. М., 1903, с. 31.

³ Шенников Г. В. — 1889. — этнографический

⁴ ГМЗ, катал. 1052-23, 1224-19, 2881-402, 2887-401, 2891-402, 5204, кат. 1 Б. 155. БИИИД, вост. 4491, 4492-1, 4493 БИЦ РАН, кат. 2-15-75, 7-1581-400

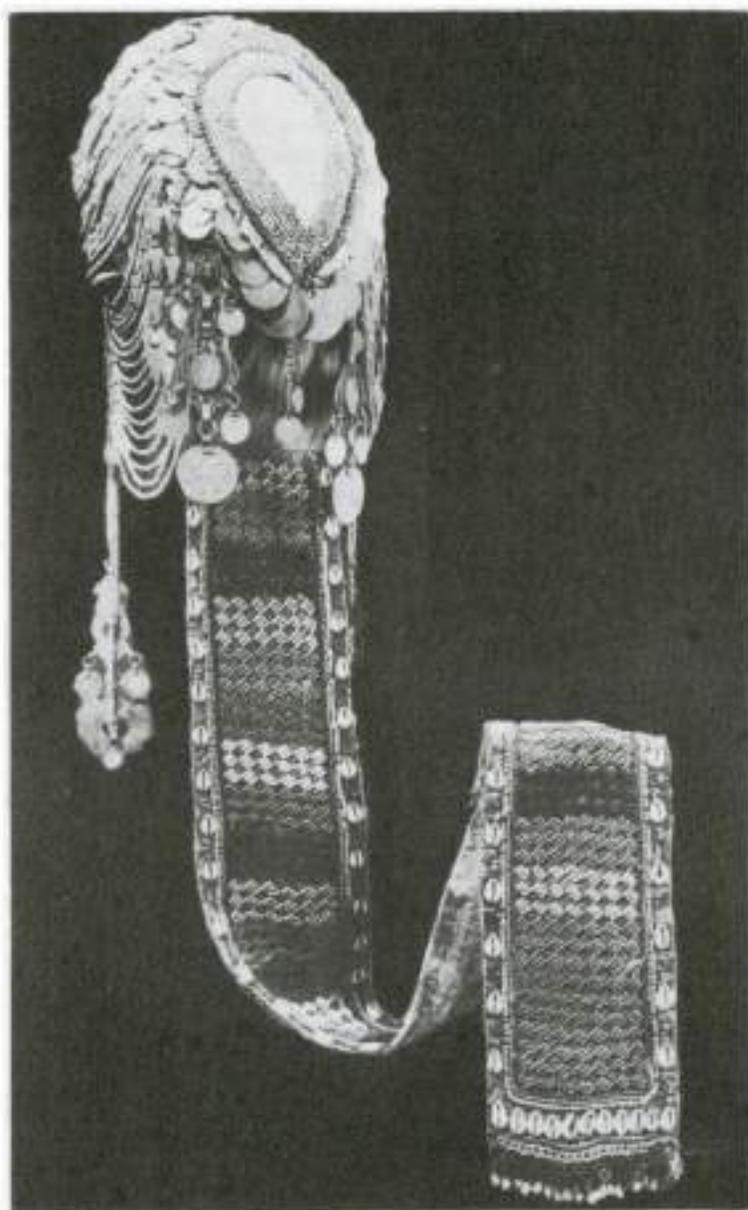
убора хорошо просматривается в старых экземплярах, где многие нашивки утрачены. Шапочка из Государственного музея этнографии (г. Санкт-Петербург), приобретенная в 1912 г. в дер. Ахмерово Стерлитамакского уезда Уфимской губернии (№ 2881—400), имеет следующие размеры: ширина теменной части шлема 14 см, продолговатое затылочное отверстие высотой 18 см. У щек к убору пришиты «ушки» — прямоугольники 3×7 см, соединяющиеся под подбородком пряжкой. Шлем шит из красного холста с плотной белой подкладкой. Наспинная полоса из холста (шириной 13 см, длиной $100 \text{ см} + 14 \text{ см}$ бахрома) соединена с шапочкой вставкой ($10 \times 10 \text{ см}$) из фабричной ткани.

Женщина
в кашмоу.
Детали убора.
Из фондов ГМЭ

В оформлении *кашмау* первенствующую роль играли кораллы; они сочетались с серебряными нашивками. Круги из кораллов, мелких, затем крупных монет, нашивались на шлем вокруг отверстия. Основная часть шапочки покрывалась низками кораллов, прикрепленными одним концом у края, другим — у отверстия убора. Кроме длинных околоушных подвесок *суллы*, *кашмау сугы* имела спускающаяся на лоб теменная подвеска *маңдай сук*. От массивной подбородочной пряжки *каптырма* на грудь свешивались длинные цепочки с ювелирными медальонами. Между шлемом и наспинной полосой располагалась треугольная или круглая бляха, игравшая роль не только затылочного украшения, но и оберега.

Женский убор
кашмау.
Из фондов ГМЭ

Таким образом, с кошмау был связан целый набор головных, шейно-лицевых и нашивных украшений. Особо следует сказать об оформлении нашивной ленты; ее называли *хоброк* «хлосты, режь плет. прои. букв «еще что длинное». Эта полоса обычно доходила до края одежды; в большинстве случаев она располагалась поверх праздничного халата, дополняя его декоративные уборы. На кумачовой основе нашивника выкладывался бисером мозаичный узор из квадратов, ромбов, треугольников и других фигур. По краю ленты прикреплялись раковинки *кортбаш*, *кортмона*; по низу, они оберегали от глаза. Заканчивался нашивник бахромой.

Нашивная полоса кошмау, приобретенная в 1907 г. в дер. Юдыбаево Орского уезда Оренбургской губернии (ГМЭ, № 1234 19), размером 15×107 см сделана из красного сукна на синевой подкладке, имеет по краю черную обшивку в 2 см, по которой на расстоянии 4 см друг от друга прикреплены раковины-ужовки. Середина ленты украшена разноцветным бисером, сгруппированным в квадраты по 12 бусинок; из них составлен шахматный узор с фонарями пролетами.

В начале XX в. по свидетельству С. И. Руденко, на юге Башкирии женщины средних лет надевали кошмау на платок, пожилые — на полотенеобразное покрывало *гастар*. Имелись кошмау лишь в деревенских семьях. В последние десятилетия, в связи с возрождением фольклорных традиций, коралловые уборы приобрели большую популярность. В башкирском Зауралье появились кошмау, реставрированные или изготовленные из современных материалов. Новые уборы, созданные по старым образцам, так часто икочкаются с сценическим костюмом, что начинают восприниматься населением как символ национальной одежды.

Вместе с тем в прошлом кошмау звали не везде. Территория, где его носили, охватывала южные и юго-западные районы Башкирии и Оренбургскую область. В начале XX в кошмау входил в праздничный костюм у башкир-бурзян, татгаров, усурин, тамьянцев, дюрматанцев. У демских мишцев головной убор распространился, видимо, под влиянием появившихся здесь в последние века переселенцев с Южного Урала. В северной и в центральной Башкирии (на Инзере) такого убора не было. Не носили его челябинские и курганские башкиры.

В восточном Зауралье существовал другой убор из кораллов и серебра — с высокой тульей и широкой нашивной полостью. Именно он упоминается в некоторых древоязычных работах под названием «калябан». Люди старшего поколения в башкирских деревнях Челябинской области вспоминали его в 1950–60-е годы, называя *башкейем*. Это название упоминалось в начале века в материалах С. И. Руденко. В прошлом столетии один экземпляр убора попал в г. Москву на выставку, организованную к Международному конгрессу исторической антропологии и археологии (1879 г.), а после выставки был оставлен в фондах Румянцевского музея. Сейчас он хранится в Государственном музее этнографии в г. Санкт-Петербурге. Черно-белый фотоснимок убора можно увидеть в монографии С. И. Руденко², цветной воспроизведен — в книге «Декоративное творчество башкирского народа».

² Руденко С. И. Башкиры славяно-германской этнографии. Вып. 1. Записки Рус. восточного общества. 1906. 1923. Г. 2, вып. 2. С. 156.

³ Уфа, 1979. Табл. 41.

Величественный башкейем (он же калдуш) представляет собой возвышающуюся над головой округлую шапочку и прикрепленную к ней полость, закрываемую не только затылок и уши, но и верх спины. Тулья высотой 15 см покрыта чешуеобразно монетами, ланышко — концентрическими рядами кораллов. Спереди имеется выходящая на глаза сеточка-налобник. Верхняя часть полости покрыта рядами монет, ниже группы монет обрамлены кораллами, заканчивается композиция сеткой из кораллов и бахромой. На затылке среди монет выделяется крупная бляха со вставками из бирюзы и бирюза.

Отвечидно башкейем имел в виду И. И. Лепехин, когда писал, что у *кашмау* существовал «вершок, фигуру конуса имеющий», который «по произволению» можно накладывать, прикрывая отверстие шлема. Всякий видевший *кашмау* знает, что отверстие его, приходящееся на затылок, прикрыть «конусом» невозможно. Важно вспомнить, что И. И. Лепехин упоминал и другую особенность убора — «во всю спину широкую лопасть, унизанную серебряными колеяками»¹.

Среди рисунков, иллюстрирующих труды П. С. Палласа и И. Г. Георги, есть изображение женщины-башкирки в конусовидном головном уборе, боковые части которого прикрывают уши и шею, а задняя широкая полоса спускается почти до края одежды. Одна из иллюстраций той же серии (как видно, это работы одного художника) была опубликована в наше время в книге финской исследовательницы Идди-ко Лехтинен², другая появилась на страницах переизданной в ГДР «Оренбургской топографии» П. Рычкова³. Как видно, неизвестный художник, участвовавший в поездках П. Палласа по Исетской провинции (восточнее Зауралья), оставил зарисовки одного из вариантов старинного башкирского убора, к середине XIX в. исчезнувшего.

Представление о таком уборе дает этнографическая заметка из Оренбургской губернии, присланная в 30-е годы прошлого века в журнал «Московский телеграф». И хотя головной убор в ней называется *кашмау*, ясно, что речь идет о разновидности *башкейем*. Неизвестный автор сообщает, что форма его «имеет геометрическую фигуру полушария». Удерживается он на голове с помощью шнурков, завязываемых под подбородком. Убор украшен «мелкими кружочками серебра, набранными на двойную холстину в виде рыбьей чешуи», края «унизаны красным бисером (маржаном), кораллами...» При надевании обращается внимание, чтобы убор «не лежал на голове перпендикулярно, а имел наклонение к затылку». Его полость — шириной во всю спину⁴.

Башкейем, как и *кашмау*, был головным убором замужних женщин. Ближайшие аналоги этому убору обнаруживаются в каракалпакском и казахском «саузеле» — богатом свадебном уборе, своим происхождением связанным с культурой древних сакских племен, некогда населявших степные просторы Казахстана и Средней Азии.

В прошлом столетии в северных деревнях можно было встретить полушарические шапочки голые, украшенные монетами и бляхами, с бахромой повизу из мелких бус и бисера. Наверху в центре прикреплялась металлический куполок. Возможно, именно этот убор упоминал Н. Попов, характе-

¹ Лепехин И. И. Описание занесенного погребения по фамилии Промыслов, в г. Оренбурге, Российского Царства. Ч. 1. Письма о бр. занесенного погребения по фамилии Промыслов. 1802. Т. 1. С. 149.

² Idisko Iehinen. Naisten kivatit. Helsinki, 1979.

³ Петр Рычков. Оренбургская топография. 1762 г. Изд. Советского Военно-морского флота. Ленинград, 1983.

⁴ П. Р. Савва. Мир в Башкирии. Московские ведомости. 1892. Ч. 48. № 22. С. 231.

ризуя костюм пермских башкир: «Монетами, жемчугом... или королями убирается и шапка с заостренным, длиною в пядень, затыльником...»¹¹. Такая шапка сохранилась в коллекциях Румянцевского музея, переданных Государственному музею этнографии, ее описание имеется в опубликованном в конце XIX в. каталоге¹². Фотография головного убора помещена в книге С. И. Руденко¹³. Украшением основы служат три ряда кораллов, расположенных вокруг купола, далее прикреплены плотно, заходя друг за друга, монетки, среди них металлические шарики, по краю над бахромой — ряд крупных штампованных блях. По-видимому, во второй по-

Такья.
По материалам
С. И. Руденко

¹¹ Полов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб., 1813. Ч. 3. С. 22.

¹² Миллер В. Ф. Систематическое описание коллекций Даховского этнографического музея. М., 1887. Вып. 1. С. 87.

¹³ Руденко С. И. Башкиры. 1925. С. 156—157, рис. 139.

¹⁴ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 156.

¹⁵ Болнцер В. Н. Народная одежда удмуртов // Труды Ин-та этнографии. Нов. серия. М., 1951. Т. 18. С. 56—57, 103; Селева Г. А. Восточные марийцы Йошкар-Ола, 1975. С. 185; Иванова Л. А. Национальная одежда и украшения при Совете Министров Чувашии. Чебоксары, 1966. Вып. 31. С. 167.

ловине XIX в. убор уже не встречался. В этнографической литературе такья упоминается лишь в работе В. М. Черемшанского. Автор подчеркивает, что это традиционный убор северных оседлых башкир (Бирский, Мензелинский уезды) — в противоположность хашмау, принятому преимущественно среди южных кочевых групп¹⁴. В народе воспоминаний о такье не сохранилось. Об обычаях, связанных с ношением такьи, можно составить мнение лишь по аналогии с соседними народами: у удмуртов, восточных марийцев, бесермян, чувашей шапочка, зашитая бисером и серебром, являлась головным убором прежде всего невест¹⁵.

Девушки в башкирских деревнях до вступления в брачный возраст, лет до 10—11, ходили с непокрытой головой. Позже на манер взрослых женщины закрывали волосы платком или надевали шапочку вроде тюбетейки, украшенную галуном¹⁶.

Существовали и другие девичьи уборы. В 1970 г. в Кутарчинском районе мы видели сценический вариант девичьей шапочки с высоким бортиком, плоским донышком и нахлестной полосой. Украшением темной тканевой основы были узоры из фольги и металлические жетоны. В бассейне Изера и в верховьях Белой распространенным девичьим убором были ободки с перемычками на темени (мадлайса, кошмау). Их начинали носить с 5—6-летнего возраста. Основу составляла полоска бересты, кожи или картона, обтянутая цветным бархатом или черной хлопчатобумажной тканью. На ткань нашивали перламутровые пуговицы, бисер, бусины, монетки. Иногда бисером выкладывали на ободке узор в виде зигзага, розеток. На лоб спускалась бисерная бахрома. У висков были прищипавцы бисерные кисти с монетками, а сзади «хвост» из бус или окрашенных в разные цвета рыбьих позвонков. Скрепленные в нескольких местах кожаными перемычками, бусы составляли орнаментальную разноцветную полосу. Вариант убора имеется в фондах Музея археологии и этнографии УНЦ РАН (холл. Э-24-35).

Иногда налобные повязки с монетами, более широкие, чем обычно, имея твердую основу, возмещались, напоминая кокошник. В Кунашакском районе Челябинской области в 1959 г. мы видели такую «шапочку» с тремя рядами монет над лбом и длинными быковыми кистями из бисера и монет.

В верховьях р. Уфы (в Башкирии и в пределах Свердловской области) девушки повязывали налобник (мадлайса) с рядом монет по краю и с длинными височными, спускающимися на грудь, подвесками из колонок и серебряных укрупнений.

Оригинально выглядели девичьи налобники из западной Башкирии, украшенные разноцветными продольными полосками из узких ленточек.

Широко принятым убором в северной Башкирии были так называемые «колпачки». Их носили взрослые девушки и молодые женщины, покрывая небольшим платком. Существовало несколько разновидностей колпачков.

Небольшая (12—15 см, реже до 20 см в диаметре) плоская шапочка с твердым околышем-ободком (3—5 см высотой) из бересты, луба, кожи или картона, обтянутых темной хлопчатобумажной тканью или цветным бархатом, встречалась в верховьях р. Уфы и по Ику еще в 50—60-е годы настоящего столетия. Колпачок (башкир. колпак) закреплялся на темени с помощью шнурков, его носили чуть набок. Передняя часть ободка и верх донышка расширялись бисером, металлической нитью, блестками, жемчугом. Основные части растительного узора (цветы, листья, ягоды), как правило, выпуклые, соединялись линиями стобельчатого шва или машинной строчкой. Украшением колпачка могли быть прикрепленные по краю жемчужные подвески монетки. У висков помещали шерстяные кисточки, пушки. Похожие колпачки носили челябинские и курганские башкирки. Однако в восточном Зауралье это была чаще лишь имитация шапочки: ободок был разъемным, а место соединения его кон-

¹⁶ Мораевская
М. А. Формы Урал
С. М.

цов на затылке прикрывала ткань, прикрепленная к околышу.

«Маленькие» колпачки умели делать многие башкирские женщины. В конце 50-х годов для Государственного музея этнографии в Дуванском районе в Башкортостане и в Нязепетровском районе Челябинской области (колл. 7175—3, 7175—22 и др.) было приобретено несколько колпачков местного производства. Сшиты они из черного бархата, на сатиновой подкладке. В ободки, высотой 2,5—3 см, вставлен картон, лубок. Диаметр колпачков 10—12 см. Украшены преимущественно бисером молочного цвета. Бисеринки нанизаны на нити, затем прикреплены по контуру, перекрывая

Колпачок,
украшенный
крученой
проволочной.
Музей
с. Устьинкинское
Мечетлинского
района, 1977 г.

рисунок. Для объемности под бисер на основу рисунка подложена вата. В 1984 г. у свердловских башкир было куплено 2 колпачка для Музея археологии и этнографии (г. Уфа); один из них украшен жемчугом, другой бисером. Сделаны колпачки лет 25—30 назад, когда было принято по праздникам и на свадьбу надевать традиционный костюм.

Прежде в башкирских деревнях находили сбит и изделия татарских мастеров. Особенно активно распространялась «мода» на высокие колпачки с мешкообразным округлым верхом. Это могли быть плотно сидевшие на голове шапочки с мягкой тульей, прикрывающей затылок или заломленной на бок, или колпачки-наколки, прикреплявшиеся к волосам на темени. Те и другие украшались бисерным или жемчужным узором, золотым или серебряным шитьем. Орнамент располагался на узком околыше и в закругленной части тульи. Такие колпачки особенно часто встречались в Пермской области и на северо-западе Башкирии. У казанских татар они являлись одним из наиболее характерных уборов¹⁷.

Представление о такого рода уборах дает колпачок, приобретенный для Государственного музея этнографии в северных районах Башкирии (№ 6881—1) — полуовальный ме-

¹⁷ Воробьев Н. И. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930. С. 378—380.

шочек из вишневого бархата, вышит на околыше и на тулье серебряной проволокой. Узор стилизованный, растительный. Высота шапочки 23 см, ширина околыша 3 см, длина полоски, образующей околыш, 22 см.

В музеях Уфы, Казани и Санкт-Петербурга сохранились приобретенные в конце XIX в. колпаки, связанные из хлопчатобумажных, преимущественно белых ниток — мамык каллак, ак каллак, в 50—60-е годы нашего века о них еще помнили некоторые информаторы. Говорили, что носили такие уборы в пору их детства. Колпаки представляли собой длинный, постепенно сужающийся мешочек, заканчивающийся кисточкой. Край закладывали в несколько слоев, чтобы получить плотный околыш; конец с кистью свешивался на сторону. Гладкая вязка лицевыми петлями перемежалась ажурными полосками; узор состоял из зигзагов, наклонных линий, угол-

Женщины
в колпачках
с монетами
и покрывалах
кушьяулык

ков, елочки. Белые колпаки в числе башкирских женских уборов названы в 50-е годы прошлого века В. М. Черемшанским¹⁸. Писатель первой половины XIX в. М. В. Авдеев в одной из повестей, написанных под впечатлением общения с населением деревень западной Башкирии, обратил внимание на праздничный наряд трех молодых женщин из зажиточной башкирской семьи, одетых в шелковые бешметы и «бумажные... колпаки с кисточкой, заломленные набок»; головной убор был один, хотя социальное положение его знакомых было различным: одна была замужняя, другая — девушка, а третья — просватанная невеста¹⁹.

К концу XIX в. такие уборы выходили из употребления. С. И. Руденко засвидетельствовал их бытование в башкирских селениях по Таныпу, Аю и в Пермской области²⁰. Среди

¹⁸ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии... С. 156.

¹⁹ Авдеев М. В. Поездка на кумыс / Башкирия в русской литературе. Уфа, 1961, т. 1 С. 336.

²⁰ Руденко С. И. Башкиры, 1925. С. 157.

Праздничный женский е л я н из юго-западной Башкирии. Украшен позументом, монетами, узорной строчкой. Из фондов музея археологии и этнографии (г. Уфа). Худ. И. Ф. Кибальник

гайнинцев в дер. Удык (Елгагир) им был приобретен старинный экземпляр такого убора (№ 1002—13). Длина его 120 см, ширина 23—25 см.

Вязаные белые колпаки было принято носить с позументным налобником с бахромой и кистями — *укалы сук*, *ука сэсэк*, *битлек*. Одно из значений слова *битлек* — «наличник», «маска». На северо-востоке Башкирии налобники называли *каш ука* — «позумент для бровей». Иногда поверх позумента прикалывали серебряную булавку с монетными подвесками. Изящную булавку-заколку местной работы приобрел С. И. Руденко у пермских гайнинцев (ГМЭ, № 1002-41).

Девушки
в колпачках
с жемчугом.
Челябинская
область, 1959 г.

Налобные повязки имеются в дореволюционных коллекциях многих музеев. В Государственном музее этнографии в г. С.-Петербурге их несколько.

№ 1002—40. «Битлек» — кусок позумента 7×32 см, на подкладке. Носит обычно пожилая женщина, получая украшение от соседок в знак уважения. Повязывает поверх платка. Приобретен в дер. Удык (Елгагир) Пермской губернии.

№ 1002—42. «Ука сэсэк» — серебряная бахрома на малиновой подкладке, повязывается на лоб поверх вязаного колпака. Размеры 10×33 см. Приобретена там же одновременно с белым колпаком.

Надобники из позумента имеются и в Башкирском историко-краеведческом музее в г. Уфе (№№ 3028, 3111, 3165). Вместе с ними хранится вязаный колпак (№ 3106).

«Белый колпак» (*ак халлах*) — головной убор, известный за пределами Башкирии широко. Его носили все группы поволжских татар, чуваша, удмурты. Знали его и сибирские татары. Появление его у прикамских и других северных башкир относится, по-видимому, ко времени заселения этой территории первыми башкирскими племенами. Вязаный колпак — древний вид головного убора. Тканевые появились, как считают исследователи, сравнительно поздно. В конце XIX в.

Вышитый край покрывала кушъяулык (счетная гладь). Курганская область

бархатные мешковидные колпаки с богатой вышивкой надевали женщины молодые и средних лет; особенно широко они были приняты в городском быту. Белые вязаные колпаки остались в costume пожилых женщин.

Большую группу головных уборов составляли покрывала. Характерным убором молодых невесток — *килен* — в северо-восточных и зауральских восточных районах были сдвоенные платки *кушъяулык*. В Челябинской и Курганской областях их носили еще в 50—60-е годы в течение одного-двух лет после свадьбы — пока молодая жена «не привыкнет к родне мужа». Сохранились эти уборы и кое-где на северо-

востоке республики. В первые десятилетия нашего века, по словам информаторов, в бассейне Ая и восточного Ика их носили лет до 30, в восточном Зауралье — до 40.

Представление о головном уборе-покрывале может дать описание кушьяулька, приобретенного С. И. Руденко в 1906 г. в дер. Сары, находящейся ныне в Кунашакском районе Челябинской области (ГМЭ, № 1002—5ж). Это большой платок-покрывало, размером 227×114 см. Его украшением служат позумент и мелкие монеты, пришитые по краю около лица. Он был приобретен вместе с головной повязкой *баш бэйзэ-мес* — маленьким ситцевым платком, который складывался

Женщина
в гастар.
Баймакский
район, 1962 г.

косынкой и повязывался под кушъяулык на лоб, а концы завязывались на затылке.

В платках-покрывалах сфотографированы замужние женщины и девушки в деревнях восточного Зауралья, где С. И. Руденко побывал дважды — в 1906 и 1912 гг. (фотоархив ГМЭ, колл. №№ 1022 и 3935). В одних случаях под кушъяулыком видна выше упомянутая повязка, в других — маленький колпачок. Нередко покрывало наброшено и на меховую шапку.

Во время наших экспедиционных поездок в Челябинскую и Курганскую области (1959, 1972 гг.) кушъяулыки носили и с головными повязками, и с плоскими колпачками. Середина

Вышивки
на полотенце-
образном уборе
гастар.
Из фондов
БГИКМ (г. Уфа)

длинной стороны платка, приходящаяся на лоб, украшалась с изнанки полосой гладкой ткани, вышитой счетной гладью или тамбуром. Среди вышитого узора помещали бисеринки или мелкие монетки. Край покрывала, надевая, слегка отгибали. Подбородник обшивали монетами, иногда к нему прикрепляли короткую коралловую сетку. В Курганской области к середине подбородочной тесьмы присоединяли полоску ткани с вышивкой или ленточку, обшитую кораллами и монетами. У некоторых женщин ее заменяли шурки с кисточками. В курганских деревнях к покрывалу пристегивали длинные околешные кисти из нитей с нанизанным бисером и плодами гвоздики, с монетками на концах.

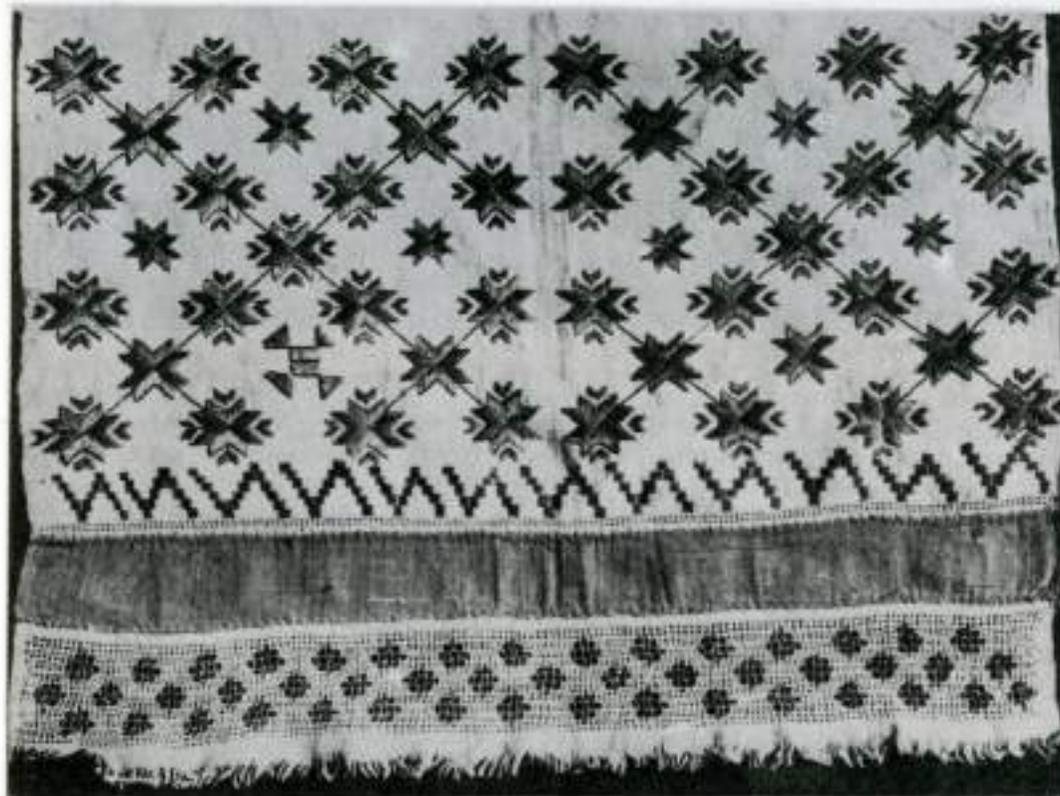
Подбородочная тесьма с монетами (*сагалдырык*, *накалдырык*) являлась наиболее характерной деталью кушъяулыка на всей территории, где был принят этот убор. На северо-востоке Башкирии и в соседних районах Свердловской и Челябинской областей подбородник с монетами, закрывавшими шею, вместе с чешуеобразно зашитым нагрудником представлял выразительный декоративный ансамбль в праздничном костюме.

Экспедиционные материалы 50—60-х годов позволяют говорить, что специальный платок (*бөркәнсек*) носили прежде невестки и в некоторых северных районах Башкирии, а также

в Пермской области. В отличие от кушъяулыка он был одинарным и не имел украшений.

Для покрывала молодой женщины, как одинарного, так и двойного, выбирали фабричные красные платки с характерным цветочным (флур яулык) или «турецким» (француз яулык) узором.

По своему назначению платок-покрывало, надежно укутывавший женскую фигуру, был сродни восточным (персидским и среднеазиатским) женским покрывалам, в том числе и общеизвестной чадре. Башкирское «покрывало невестки» сохранило традиционный красный цвет головных уборов невест на Ближнем Востоке — символ огня, призван-

ного охранять молодую женщину от злых чар, способствовать умножению животворящих природных сил. Находит на востоке аналоги и комплекс украшений, описанный выше в связи с кушъяулыком.

К разряду головных уборов-покрывал, хотя и несколько другого рода, относился у башкир таҫтар. Слово употреблялось в средневековье в Средней Азии и на Ближнем Востоке в значении «точка ткани»; позже оно закрепилось за уборами типа повязки или чалмы. В значении женского убора термин «таҫтар» существовал в языке не только башкир, но и казанских и западносибирских татар, мишарей, кряшен²¹

²¹ Воробьев Н. И. Материальная культура казанских татар. С. 367; Томилов Н. А. Этнографические материалы по истории населения Томского Приобья. Томск, 1980. С. 113.

В очерке А. Игнатовича о башкирах-бурзянах, опубликованном в начале 60-х годов прошлого века, описана сцена отъезда главы семейства на ярмарку. В числе различных наказов есть и просьба жены купить ей «чубарый тастар»²². Это наиболее раннее упоминание в литературе об этом головном уборе.

В конце XIX в. покрывало тастар описано М. Баишевым в составе костюма пожилых женщин Орского уезда: «Вместо платка употребляют для головы тастар — ситец аршина в 3 или 4 длины. Им старухи обматывают голову, оставляя открытым лишь одно лицо. Сверх этого вне дома накидывают на

Харьусы.
Из фондов ВЭМ
(г. Будапешт)

голову халаты»²³. Примерно то же сообщает Д. П. Никольский, имея в виду восточных башкир: «Поверх волос надевается платок (тастар), которым обматывается вся голова и часть лица до половины щек»²⁴.

Полвека спустя, в годы наших поездок по башкирским селам, этот убор почти не встречался. Однако некоторые пожилые люди его еще помнили и могли показать способ повязывания. В фотоархиве ИИЯЛ сохранились фотографии из башкирского Зауралья и из демских селений с изображением женщин в тастарах. Восстановить этот убор не представляло трудности, т. к. для него необходим лишь кусок светлого ситца около 2 м длиной. Материал накладывали на голову вроде шарфа, при этом нижний конец оставался на груди, а верхний, проведя под подбородком, прикрепляли булавкой на голове у левого виска. Головной убор покрывал не только голову, но и плечи женщины. На юго-востоке Башкирии употребляли иногда ткань большей длины и тогда конец, закрепленный на голове, ниспадал на спину.

Ситцевые тастары видел неоднократно в начале века С. И. Руденко на юге и в горах Башкирии. Но больший интерес он проявил к другим покрывалам, обнаруженным в восточном Зауралье — у челябинских и курганских башкир. Они представляли собой длинные, до 3 м, полотнца из домашнего холста с нарядными концами, украшенными вышивкой и кружевом. Их переставали носить, но в числе семейных реликвий бережно хранили. Длинными тастарами голову обматывали дважды, оставляя один вышитый конец на груди, другой, проведя по темени, а затем затылку, перебрасывали на спину. Вышитые концы использовали неоднократно, пришивая к новой ткани по мере изнашивания середины; их пе-

²² Игнатович А. Башкирские бурзянские волости. С. 65.

²³ Баишев М. Деревня Заватурна Орского уезда Оренбургской губернии // Известия Оренбургский отдела Русского географического общества. 1905. Вып. 7. С. 9.

²⁴ Никольский Д. П. Башкирия этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. С. 55.

редавали от матери к дочери. Для вышивки применяли тонкий дорогостоящий шелк. Орнамент был сгруппирован в крупные розетки или располагался полосами. Применялись счетная гладь, «роспись», шитье по выдергу. Преобладали геометрические узоры.

В десятках зауральских деревень (Байрамгулово, Мухаметкулуево, Куромино, Давлетбаево, Мурзабаево, Сарт-Абдрашитово, Куйсарино, Большое Султаново, Юламаново и др.) С. И. Руденко удалось собрать множество тастаров в целом виде или комплекты вышитых концов (*тастар башы*), — коллекцию, редкую по своей художественной ценности.

Описание нескольких головных уборов из восточного Зауралья (ГМЭ) приводится ниже:

№ 2881—372. Головное полотенце «тастар». Ширина 37, длина 270 см. Концы украшены тонкой вышивкой гладьевым настилом, «росписью», полосой строчевышитого узора. Цвета вышивки: розовый, вишневый, коричневый, бежевый, зеленый. «Роспись» — черный цвет. Ниже вышивки вставлена бордовая лента.

Приобретено в 1912 г. в дер. Юламаново Челябинского уезда Оренбургской губернии (ныне Курганская обл.).

№ 2881—378. Головное полотенце «тастар». Ширина 35, длина 252 см. Концы переставлены со старого убора. Украшены шитьем по выдергу (строчевая вышивка шелком), кумачовой полосой-вставкой и кружевом. Приобретено там же.

№ 2881—403. Головное полотенце «тастар». Ширина 39, длина 287 см. Концы вышиты настилом шелковыми нитками. Цвета: вишневый, зеленый, бежевый, лиловый, желтый (под золото). Полоса цветного шитья по выдергу («строка»).

Приобретено в дер. Большое Султаново Челябинского уезда Оренбургской губернии (Курганская обл.).

С головными полотенцами, по всей видимости, были связаны реликтовые «хараусы» (*haraуys*) — продолговатые лоскутки холста с вышивкой. В наши дни об их истинном назначении не помнят даже старые люди. Если кто и рассказывает о хараусах, то только как о составной части свадебных наборов-подарков. Однако С. И. Руденко располагал данными, что хараусы в прошлом служили налобными повязками.

В этнографических фондах нашей страны и в музее г. Будапешта сохранилось более 100 хараусов. Только в Государственном музее этнографии в г. С.-Петербурге их более по-

лусотни. Большинство их приобретено в восточных районах расселения башкир — на той же территории, что и вышитые тастары; небольшая часть западнее — в Учалинском, Белорецком, Абзелиловском районах Республики Башкортостан, несколько штук из Баймакского района. Учитывая их роль в свадебных обрядах, можно допустить, что в ряд южных деревень, как и в горы, они могли попасть из восточного Зауралья в качестве подарков.

Использование одинаковых вышивальных приемов на хараусах и тастарах, сходство орнаментальной композиции позволяют связать эти предметы в один комплект. Предположе-

Женская шапка с околышем из меха выдры. Из фондов ГМЭ

ние кажется вероятным в силу тех обстоятельств, что обычай ношения вышитых головных полотенец с начельщиками был характерен и для других народов Приуралья и Среднего Поволжья, в том числе чувашей, удмуртов, марийцев²⁵. Эти традиции, как полагают этнографы, ведут к ранним кочевникам, заселившим Южный Урал в булгарское время, а через них еще глубже — к сарматам.

Поскольку праздничные уборы *кашмау* и *башкейем* надевали на покрывало *тастар*, налобные повязки в ранних этнографических источниках упоминаются в связи с этим сложным комплексом: «Наряд же башкирской замужней щеголихи состоит в следующем: волосы, заплетенные в две косы, обвиваются вокруг головы и прикрываются тастаром (полотенцем), на который в передней части головы накладывается род повязки, которая опускается до самых бровей; потом надевается головной убор, называемый «кажбау»...»²⁶ Автор имел здесь в виду высокий убор *башкейем*. В записях

²⁵ Гален-Торн И. Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары, 1960. С. 174; Белцер В. Н. Народная одежда удмуртов. С. 66; Кривоша Т. А. Этнокультурные связи удмуртов с народами Поволжья и Приуралья // Вопросы филологии. М.: ИИЯС, 1967. Вып. 4. С. 282.

²⁶ П. Р.-ж. Сведения о башкирцах. С. 271.

академика Д. К. Зинина есть сведения, что в горных башкирских селениях хараусы повязывали женщины на лоб под коралловый кашмиру²¹.

У челябинских и курганских башкир, как свидетельствуют источники, женщины надевали на тастары меховые шапки.

Меховые шапки -- головной убор, характерный для скотоводческого быта, -- башкирские женщины носили не везде. Кроме восточного Зауралья (на территории Челябинской и Курганской областей и в Учалинском районе Башкортостана), в конце XIX -- начале XX в. их можно было увидеть на женщинах по берегам Юрюзани и Ая, в некоторых западных и центральных районах вокруг г. Уфы и на Ашкардару. В ряде деревень южного Кугарчинского района меховые шапки считались девичьим убором. На большой территории -- в горах и в степях юго-восточной Башкирии -- меховые шапки в женском костюме не были приняты.

Шапки надевали не только на тастар, но и на платок. Сверху набрасывали шелковую или кашемировую шаль. Девушки носили шапки без платков. Женские шапки были невысокими, с плоским верхом и меховым околышем. Ценились как бурек -- шапки, широко отороченные мехом выдры; их ширь обшивали иногда полушубком. На северо-востоке Башкирии (зафиксировано в Салаватском районе) украшением праздничных шапок могла быть позументная бахрома или кисти из золотых крученых нитей с коралловыми бусинками.

В музейных коллекциях С.-Петербурга и Уфы есть несколько женских шапок.

ГМЭ, № 1204 -- 57. Старинный головной убор башкирских женщин -- шапка «кама бурека» на войлочной основе. Уплотщенный верх из четырех кланышков (хлопчатобумажная ткань) пришит к широкому околышу, опушенному мехом выдры. Высота шапки 8 см, диаметр 20 см. Надевали старшие женщины на головное покрывало «тастар».

Приобретена в 1907 г. в дер. Байрамгулово (Челябинская обл.) Челябинского уезда Оренбургской губернии.

ГМЭ, № 1002 -- 5м. Женская шапка из меха выдры «кама бурек». Верх плоский, слегка возвышается над околышем. Высота околыша 8 см, общая высота шапки 10 см. Над околышем виднеется полоса полушубка, украшающая верх тульи; по донышку проходит поперечная лента галуна. Форма жесткая, дно тоже (возможно, подложено кожа или береста). Подклад хлопчатобумажный, стеланный. Шапку надевали под шаль, когда шли в гости.

Приобретена в 1906 г. в составе женского костюма в дер. Сары Челябинского уезда Оренбургской губернии (Челябинская обл.).

ГМЭ, № 2881 -- 411. Женская меховая шапка «кама бурек» с плоским мягким верхом (хлопчатобумажная ткань) и широким околышем. Высота шапки 8 см, диаметр 20 см. Подклад хлопчатобумажный.

Приобретена в 1912 г. в дер. Сарт-Абдрашитово Челябинского уезда Оренбургской области (Курганской обл.).

БТИКМ, № 3449. Шапка ватная с меховым околышем из выдры. Верх бархатный желтый, дно окаймляет полушубок. Околыш пришит к тулье с помощью мягкой полоски ткани; верх слегка «утопает», создается впечатление широкого изворота.

²¹ Зинин Д. К. Обзор рукописей и материалов Уфимского архива Восточного Губернского Училища. Сибирская этнография. 1940 г. № 2. С. 194.

Место приобретения неизвестно.

Помимо меховых на северо-востоке Башкирии были приняты стеганые ватные шапки без отворота — тупый. Их надевали пожилые женщины под платок, как говорят, для тепла. В некоторых случаях спереди надо лбом на них нашивали монетки. Такая шапка из дер. Тукбаево Мечетлинского района имеется в Государственном музее этнографии (№ 7175). Высота ее околыша 10 см, диаметр вшивного дна 14 см. Стежка на тулье вертикальная, на дне — круговая.

Украшением тупый могла быть и позументная налобная повязка с бахромой — каш ука.

Пожилые женщины в шалах. Бураевский район, 1960 г.

По мере исчезновения сложных и дорогих головных уборов все более прочное место в будничном и праздничном костюме стали занимать платки. Выбирали фабричные платки с каймой и цветастые полушалки. Набросив на голову и распустив полотнище по спине, закрепляли платок под подбородком, связав два соседних угла. Молодые в XIX веке предпочитали красные, оранжевые, синие, зеленые цвета. Среди пожилых женщин была заметна приверженность к светлым платкам. Прежде использовали тонкий некрашенный холст.

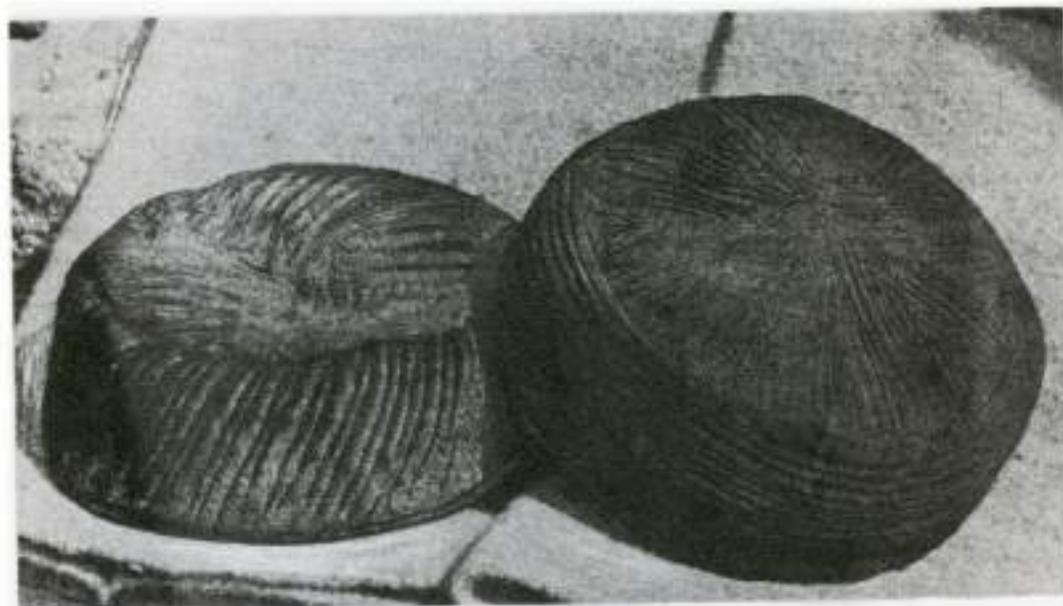
Собираясь в гости, поверх платка набрасывали сложенную на угол шелковую или кашемировую шаль с кистями. Она прикрывала голову и спину, свободные концы свешивались по обеим сторонам груди. В юго-восточных и южных селах Башкирии носили домашние шали с длинной бахромой, сотканые из шерсти и козьего пуха.

В последние десятилетия умением изготавливать теплые платки овладели башкирские женщины во многих районах республики. По отрогам Южного Урала и в Зауралье получили распространение не только толстые пуховые шали, но и тонкие оренбургские платки.

Распространенные в башкирских аулах в XIX—начале XX в. мужские головные уборы были не так многочисленны, как женские. В путевых заметках и этнографических исследованиях упоминаются колпаки и войлочные шляпы, суконные и меховые малахай. Повсеместно были приняты тюбетейки и меховые шапки.

Согласно мусульманским обычаям, мужчина, особенно если он был немолодым, не показывался на людях с непокрытой головой. Роль повседневного головного убора принадлежала тюбетейке — небольшой плотно облегающей голову тканевой шапочке на подкладке. Ее называли тубэтэй; кое-

Разновидности
тюбетейки

где нарядные тюбетейки обозначали словом *тажыя*. На юго-востоке Башкирии (Бурзянский, Баймакский и др. районы) термин *тажыя* относился и к скромным тюбетейкам пожилых мужчин.

В районах со скотоводческими традициями (на юге Башкирии, в Зауралье) тюбетейка у пожилых мужчин служила преимущественно домашним убором; при выходе из дома поверх нее надевали меховую шапку. В северных деревнях в тюбетейках ходили не только в своей усадьбе, но и на улице.

Тюбетейка была первым головным убором в жизни мальчиков: ее начинали носить в раннем детстве. В одном из рассказов с описанием быта башкирской деревни писатель В. Н. Львов, лечившийся кумысом на юге Башкирии, оставил следующие наблюдения: «Маленькие малайки (мальчики — авт.) бегали в одних рубашках, постарше носили и штаны, по большей части красного цвета, как и взрослые башкиры. Но все, начиная с тех, которые едва ползали, непременно носили тюбетейки, красные, синие или черные, часто расшитые цветами...»²⁸.

Преобладал покррой тюбетеек с круглым слегка выпуклым верхом из четырех клиньев и невысоким, 6—7 см, расширен-

²⁸ Львов В. Н. Шамсиюр // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1965. Т. 3. С. 536.

Головной убор
женщины.
Фонды
областного
историко-
краеведческого
музея
в г. Челябинске

ным книзу околышем. Верх вместе с подкладкой густо простегивали. Плотные ряды машинной строчки на околыше располагались наклонными линиями, в иных случаях узорно, образуя ромбы, треугольники, косую плетенку. Дно выстрачивалось в пределах клиньев углами или параллельными линиями относительно одной из сторон клина. Если тюбетейку шили из хлопчатобумажной ткани, край обшивали полоской бархата. Тюбетейки пожилых были черными, молодых — цветными: из красного, зеленого, синего бархата. Праздничные тюбетейки молодых мужчин украшали галуном, бисером, вышивали тамбурными узорами. В башкир-

ских сказаниях «унизанная марьяном (кораллами — авт.) тюбетейка» называется убором знатных батыров²⁹. На фотографиях в архиве С. И. Руденко (ГМЭ) многие мужчины запечатлены в тюбетейках, украшенных на околыше вышитой волнистой линией, в углублениях которой прикреплены бисеринки, мелкий жемчуг, блестки. Реже, преимущественно у молодых, на околыше с четырех сторон вышиты цветочные розетки.

В старину, помимо обычных, существовали маленькие полусферические шапочки, опушенные мехом³⁰. Бобром обложенная бархатная тюбетейка, стоимостью в 20 баранов, фигурирует в эпосе «Куз-Курпач» в качестве награды победителям в состязаниях по борьбе. Ее могли украшать и кораллы³¹.

Детальное представление о принятых в башкирском быту тюбетейках дают сведения из Книги описей Государственного музея этнографии.

²⁹ Башкирское народное творчество. Уфа, 1967. Т. 1. С. 292, 401.

³⁰ П. Р.-с. Сведения о Башкирии. С. 270.

³¹ Башкирское народное творчество. Т. 1. С. 292, 325.

№ 751—4. Мужская тюбетейка. Диаметр 15 см, высота почти прямого околыша 7 см. Стежка на дне образует вихревую розетку, на околыше наклонные линии. На макушке — кисть из длинных, 17 см, крученых нитей. Тюбетейку украшает по околышу вышивка серебряной канителью; в узоре перемежаются шестилучевые звездочки и трилистники.

Тюбетейка приобретена в 1905 г. в составе «костюма башкира», представленного художником Л. В. Дмитриевым-Кавказским. Вероятно, из центральных районов Башкирии.

№ 2881—406. Бархатная детская тюбетейка, выкроена и выстегана по образцу взрослой. Дно из четырех секторов.

Мужчина
в феске.
Юго-западные
районы.
Из фондов ГМЭ

По окружности шапочка украшена пятью гусиными пушкками.

Приобретена в 1912 г. в дер. Баязитово Челябинского уезда Оренбургской губернии (Курганская обл.).

№ 1002—15к. Малиновая тюбетейка, в окружности 56 см, высота околыша 7 см. Дно из шести секторов. Стежка по секторам образует вихревую розетку.

Приобретена в дер. Сары Челябинского уезда Оренбургской губернии (Челябинская обл.) в составе мужского костюма, вместе с войлочной шляпой и шапкой из меха выдры.

В западной и северной Башкирии молодые мужчины носили тюбетейки с плоским дном и прямым околышем. Были приняты также фески — высокие головные уборы в форме усеченного конуса, со свешивающейся набок кистью.

Тюбетейки умели шить в башкирских деревнях. Однако в начале XX в. широкое распространение в крае находила шапочная продукция татарских мастеров-ремесленников. При-

возили также тюбетейки из Средней Азии, Ирана и Турции. Восточные были более нарядными, с пышным вышитым орнаментом по низу и на дне тюбетейки.

Не менее необходимым убором до последнего времени оставались меховые шапки (*бурек*, *калас*). Ношение шапки в любое время года — обычай, характерный для быта, сохранявшего скотоводческие традиции.

Для торжественных случаев у состоятельных башкир имелись дорогие шапки из меха камчатского калана, выдры. Шили уборы также из шкуры волка, лисы, песца, реже из заячьего или беличьего меха. Экспедиционные материалы

Типичный
головной убор
мужчин —
меховая шапка

показывают, что у всех башкир очень популярны были головные уборы из меха рыжей лисы. Вместе с тем, в некоторых народных сказаниях настойчиво повторяется образ батыра в кармазинном (красном суконном) халате и в шапке из черного лисьего меха. Она называется то летней, то зимней. Видимо, высоко ценилась, поскольку дарилась победителям на состязаниях³². Складывается впечатление, что черно-бурые шапки носили больше среди лесных башкир.

Самым доступным материалом являлась овчина. Вырабатывались также для шапок шкурки ягнят и каракуль.

Особенностью мужских шапок была характерная вытянутая форма. Наиболее распространенным являлся покрой из четырех округленных по бокам, сведенных на конус клинышков. Использовались и другие способы кроя: из двух полуовалов с выточками; из четырех усеченных клиньев и маленького круглого доньшка. На тулье мех обращался ворсом внутрь. Сверху шапки покрывались бархатом, сукном

³² Башкирское народное творчество, т. 1. С. 292, 343, 377, 391, 406 и др.

или иной мягкой тканью. С внешней стороны имелась опушка или околыш. Нередко шапки из овчины обшивали по краю полосою дорогого меха. Иногда на тулье нашивали позумент.

Помимо описанных встречались низкие шапки с уплощенным верхом и расширенным кверху, отходящим от тульи околышем. Их шили из лисьих лап, отделывали выдрой.

В музее этнографии в г. С.-Петербурге имеются шапки, вывезенные из разных уголков Башкирии.

№ 1204—12. Шапка из шкурки ягненка (типе калас), мехом внутрь. Крыта черным тонким сукном. Верх шапки из четырех клиньев. Край отгибается, образуя узкую, 3 см. опушку. Высота шапки 19 см. В примечании сказано, что такие шапки носили в Орском уезде Оренбургской губернии. Описанный экземпляр приобретен в дер. Иткулово 1-й Бузянской Башкирской дачи (Баймакский район).

№ 751—5. Меховая шапка с суконным четырехклинным верхом и узкой, 2 см. обшивкой края бархатом. Высота шапки 24 см.

Из «костюма башкира», приобретенного в начале нашего века у художника А. В. Дмитриева-Кавказского.

№ 2881 410. Меховая шапка (кама бурек), крыта бархатом. Верх, выкроенный из четырех усеченных клиньев, имеет маленькое (диаметр 11 см) донышко. Околыш из меха выдры шириной 6,5 см, слегка расширяется кверху. Высота шапки 16 см.

Приобретена в 1912 г. в дер. Бол. Султаново Челябинского уезда Оренбургской губернии (Курганская область).

№ 1002—15. Крутая меховая шапка (кама бурек), по внешнему краю с узкой обшивкой (2,5 см) из меха выдры. Верх из черного сукна имеет поперечный шов и две выточки. Благодаря выточкам сохраняется традиционная полусферическая форма. Высота шапки около 20 см. Шапка входит в состав костюма из дер. Сары (Челябинская обл.).

№ 1002 16. Низкая мужская шапка из овчины, опушка из лисьих лап (галка бурек). Хлопчатобумажным черным верх шит из четырех клинышков (высота клина 15 см). Твердый, слегка расширяющийся кверху околыш, шириной 10 см, сконструирован отдельно. Тулья пришита к его верхней части, слегка углубя. Верх полусферический. Высота шапки 16—17 см.

Приобретена в 1906 г. в дер. Байаул Окского уезда Пермской губернии (Пермская область).

В начале XX в. среди башкирских просвещенных кругов получили распространение высокие мерлушковые шапки типа кавказской папахи с плоским дном — так называемые «круглые шапки» (туларак бурек), слегка сжатые с боку. По наблюдениям М. Башшева молодые люди носили эти головные уборы из меха темных тонов, а пожилые — светлых¹¹.

У южных и восточных башкир характерным головным убором являлись «малахай», имевшие полость для прикрытия шеи и верхней части туловища от ветра. О суконных шапках подобного рода имеются сведения в одном из наиболее ранних этнографических источников — сочинении И. Г. Георги. «... по верхней шапке с перьями взгляда башкира признать можно. Она подобна келю, но не очень остро кверху сведена, вышита в пядень; а шьется из сукна с

¹¹ Башев М. Де-ревне. Башкирская Сторона. 1906. С. 9.

узким околышем, оттопырившимся и загнутым наподобие голландских корабельных шляп»³⁴. Такая ассоциация возникла, видимо, оттого, что в хорошую погоду боковины отгибались назад и завязывались с помощью тесемок на затылке.

В начале XIX в. меховые, сукном и плюсом крытые, «с востоконечным верховищем малахай» упоминает Н. Попов в числе наиболее распространенных уборов у башкир³⁵. Их можно увидеть на репродукциях немецких художников, запечатлевших башкирских воинов, участников Отечественной войны 1812 года³⁶. Уборы с высокой тульей и широкими отворотами изображены и на башкирских военачальниках на кар-

Суконный
головной убор.
Из фондов ВЭМ
(г. Будапешт)

³⁴ Гафти И. Г. Описание всех в Российской империи обитающих народов. СПб., 1799, ч. 2, с. 102.

³⁵ Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии. С. 17.

³⁶ Фокан Гос. Исторического музея (Г. Москва).

³⁷ Описание Оренбургской губернии... С. 153.

тинах А. О. Орловского (30-е годы XIX в.). Малахай с «крыльями и хвостом», прикрывавшими в бурной степи верхнюю часть туловища всадника, в середине XIX в. описал В. М. Черемшанский³⁷.

В разговорной речи за меховыми уборами, крытыми тканью, закрепилось название *холаксын*. Холаксын из меха

красной мислицы, головной убор взрослых парней, упоминается в песенном фольклоре юго-восточных башкир¹⁴. Шили их также из овчины и волчьих шкур, отделывали мехом выдры. Малахай из войлока, валяного сукна, без меха, называли кейез холатсын или колелара.

И те и другие кроили одинаково, к полусферической выткнутой тулье из четырех долек пришивались лобовник-козырек, лаушники боковины и наспивник. Задняя часть, спускавшаяся на спину углом, могла иметь разную длину. Обмеры уборов из Государственного музея этнографии дают представление об их конструкции.

№ 1002—17 Малахай (только холатсын) сшитый из лихого меха ширсом внутрь, по краям и на козырьке опушка из меха выдры. Сверху крыт тканью и отделан поизументом. Высота тульи 21 см, высота козырька (лобной части) 10—12 см, высота боковин 23 см, наспивной полости 28 см. На затылке шита мордочка лисы поном вверх, ушки сшиваются вниз.

Приобретен в 1906 г. в дер. Темясово Орского уезда Оренбургской губернии (Баймакский район Башкирии).

№ 2881—412. Конусообразная меховая шапка на лихом меху (только холатсын), крыта тканью. Высота тульи 19 см, ширина козырька над лбом 7 см. Бока (лауши) большие, чем задняя часть, высота боковин 20 см, задней лопасти—16 см.

Приобретен в 1912 г. в дер. Сарт-Айдраниново Челябинского уезда Оренбургской губернии (Курганская область).

№ 1234—110. Войлочный белый башлык (колелара), головной убор мужчин степных и лесостепных районов. Имеет покрой, сходный с меховым малахаем, задняя полость имеет одинаковую длину с боковинами. Швы нижних деталей прикладывают швы верха. По краю и по швам головной убор оторочен полосками красного толстого сукна. Высота тульи 17 см, основание канна 1,5 см. Высота козырька 8 см. Высота боковин и задней части по центру 31 см, в швах 17 см. Задняя деталь шарообразна «по касой».

Приобретен в 1907 г. в дер. Юлдыбаево Орского уезда Оренбургской губернии (Далаирский район Башкирии).

В предреволюционных изданиях не было, пожалуй, ни одной этнографической работы, где бы авторы не отмечали оригинальность этого убора. В конце XIX в. на нем остановили внимание П. С. Назаров, Д. П. Школьников¹⁵. В начале нашего столетия эти не совсем обычные шапки встречал в отрогах южных гор и в Зауралье С. И. Руденко¹⁶. На фотографиях ученого в архиве ГМЭ в коллажах сняты некоторые его информаторы. Однако уже в тот период такой убор был редкостью.

Тем не менее, в 1950—70 гг. о нем еще помнили люди старшего поколения. В экспедиционных поездках нам удалось собрать сведения о степени характерности описываемых уборов для башкир разной родоплеменной принадлежности. Обращает на себя внимание тот факт, что меховые и суконные уборы редко сосуществовали. Только бурякам носили как те, так и другие. Из сукна или войлока шили уборы катойцы на Инзере, минцы в долине р. Урпак, усертане в отрогах Уральских гор. Суконные малахай надевали на обычную меховую шапку с опушкой. Холатсын из меха носили, кроме бурзян, тамьянцы, тангауры, карагай-кыпчаки, табынцы.

¹⁴ В. Сибирев, С. Г. Музыкин - 1946г. Головные уборы мусульман с Зауралья на берегах Зайсанского Арала. Академический СРСР, 1951, Сер. I, т. I, № 2, с. 124.

¹⁵ Назаров П. С. и Школьников Д. П. Этнографическое описание мусульманского населения м. 1890 № 1, с. 137.

¹⁶ Руденко С. И. Башкирия, с. 54.

¹⁷ Руденко С. И. Башкирия, 1925, с. 136.

Своим происхождением *колаксын* связан со скотоводами степной полосы Азии и Европы. Высокие уборы с наушниками и угловатым наспинником можно увидеть на древнетюркских изваяниях Сибири и Монголии. Изображены они и на всадниках в наскальной живописи этого времени. Как видно, уже в древности появились многочисленные варианты этого убора, различающиеся высотой тульи, формой и размерами пришитых деталей.

Удобные в условиях открытой местности *малахай* продолжали использоваться в последнем тысячелетии главным образом в зоне европейских степей. Кроме башкир они были рас-

Башкиры
в военном
походе.
Худ. А. О. Ор-
ловский, XIX в.

пространсны, даже в большей степени у казахов. Уборы казахского производства приняты в Башкирии: джурми в Абзелюловском, Зилайрском районах малахам называли казахскими [киргизскими] шапками.

Из сухая или войлока изготовляли в прошлом веке в башкирских деревнях и колпаки (коллак). По определению В. М. Черемшанского, «колпаком» называлась белая остроконечная войлочная шапка, поля которой были разрезаны с двух сторон и приподняты⁴¹. П. Небольсин отмечал, что «белые шляпы с широкими круглыми полями, надрезаемыми у ушей» носили не в степях, где были приняты малахам, а несколько севернее. В горах Южного Урала и в предгорьях в этом характерном уборе можно было увидеть служилых башкир, а также тех, кто отправлял повинность почтовой гоньбы. П. Небольсин отмечал, что колпаки бывают суконные и иногда «обшиваются вдоль тульи крест-накрест узким позументом»⁴². А. Игнатович «щегольским нарядом мужчин» у бурзян назвал «красный суконный колпак»⁴³.

Выясив ясность и этнографические сведения ученых и путешественников прошлого столетия, следует отметить, что колпаки были разной формы, но все имели «разрезные» поля. У некоторых выкройка из тонкого войлока основа покрывалась дорогой тканью. Именно в таких экземплярах, которые Н. С. Назаров назвал «киргизскими»⁴⁴, и разрезались поля. К концу XIX в. они выходили из употребления.

На основной территории, в том числе и на северо-западе, носили цельнокотанные колпаки с «цельными опущенными вниз полями, мидьяно» высотой тульи и закругленной вершукшой»⁴⁵. Такие уборы можно причислить к разряду катаных шляп, принятых в XIX в. в центральной и северной Башкирии. П. С. Назаров подметил их сходство с татарскими головными уборами. Речь идет об элементе народной одежды общем для двух родственннх культур.

В башкирских коллекциях Государственного музея этнографии можно найти разные виды «колпаков».

№ 29813. Мужская войлочная шапка в форме колпака с «разрезанными», слетка отгибающимися полями. Они пришиты к тулье составленной из четырех выгнутых клишеев. Сверху войлок «обтянут» коричневым бархатом, поля обшита кантом из темно-зеленого сукна. Шапка украшена по швам позументом. Общая высота головного убора 33 см, высота тульи 27 см, ширина полей 6 см. Поля в сложенном виде составляют по краю 44 см.

Шапка из Челябинского уезда Оренбургской губернии Придаца в г. Москву в конце XIX века для выставки.

№ 2981—407. Белая войлочная шляпа в виде пологого колпака. Верх переходит в мягкие поля. Общая высота 23 см; ширина по низу в сложенном виде 42 см.

Приобретена в 1912 г. в дер. Уметбаево Стәрлитамакского уезда Уфимской губернии (Белорецкий район Башкортостана).

№ 2981—408. Темно-серая мужская катаная шляпа-колпак. Поля слабо намечены, не отогнуты. Высота колпака 22 см, разворот полей (в сложенном виде) 45 см. Оттуда же

Войлочную бездну шапку (№ 1102—19) с полями 8 см приобрел С. И. Руденко в 1906 г. у башкир дер. Маматеевой Бирского уезда (Патышланский район). В примечании сказано, что поля при носке «вследствие их мягкости опускаются»

⁴¹ Черемшанский В. М. Описание Оренбургского края. Бердичев. С. 138.

⁴² Небольсин П. С. Рассказы о казанцах. С. 254, 257.

⁴³ Игнатович А. Башкирская бурзянская одежда. С. 48—49.

⁴⁴ Назаров Н. С. А. этнографический сборник. С. 160, 161.

⁴⁵ Там же.

Девичьи уборы в инзерских и верзнебельских селениях. Экспедиции 1976, 1981 гг.
Худ. И. Ф. Кибальнин

Украшения курганских башкирок. По материалам экспедиции 1972 г. Худ.
И. Ф. Кибальник

Отмечено, что такие шляпы носили башкиры в западных районах Уфимской губернии. Другая катаная шляпа с сформированным полушаровидным верхом и полями около 7 см, обшитыми узким черным кантом (№ 1002—15в), появилась в тот год в коллекции в результате посещения ученым челябинских аулов (дер. Сары Бала-Катайской башкирской дачи).

Старинная
шляпа-коллак
с позументом.
Из фондов ГМЭ

Помимо описанных встречались валяные шляпы с низким, по голове, верхом и широкими приподнятыми полями. Особенно они были приняты на крайнем севере (в частности, у пермских башкир) и на северо-востоке в верховьях р. Уфы

и по Аю. Есть сведения, что иногда такие уборы покупали на базарах у марийцев и удмуртов, которые слыли мастерами по изготовлению цельнокатаных шляп.

Большое сходство с южными колпаками с «разрезными» полями сохранял высокий головной убор с якоревидными полями, «подвернутыми,— по словам П. Небольсина,— на висках сверху и имеющими форму раздвоенного уха». По наблюдениям путешественника, побывавшего у оренбургских башкир, эти праздничные уборы шили из цветного бархата, преимущественно малинового, их поля подшивали белым плизсом. Украшением служил золотой позумент: кроме четырех продольных полосок (по швам верха), позумент шел вокруг тульи; между каждой парой полосок нашивалось по

к уборам, некогда имевшим распространение в иранском мире.

На севере Башкирии и в Пермской, Свердловской областях в 60-е годы нашего века сохранялись воспоминания о белых покрывалах *жыйгыса* — уборе почитаемых старших женщин. Судя по способу ношения («один конец ложится на голову, а другой перебрасывался спереди через плечо и спускался низко, почти до щиколоток»)⁵¹, это покрывало было одного рода с вышеописанным тастаром.

В северо-западных районах пожилые женщины четверть века назад помнили покрывала *өрлөк* в виде большой белой

Башкирский воин в остроугольной шапке. 1812 г. Из фондов ГИМ (г. Москва)

косынки, укутывавшей голову и плечи. Заслуживает внимания заявление Н. Попова о том, что некоторые пермские башкирки (каяновские и култаевские) носят на головах «белые косынки, по которым повязывают, сложив нешироко, разных цветов бумажные и шелковые платки». При этом

⁵¹ Материалы этнографической экспедиции. 1975.

«косынка, шею и грудь прикрывающая, выкладывается чешуйчато монетами...»⁵².

В фондах Государственного музея этнографии в г. С.-Петербурге и в Башкирском историко-краеведческом музее в г. Уфе сохранились большие прямоугольные накладки с овальным вырезом для головы и остатками ниток от пришитых монет-петровок, некогда покрывавших всю ткань. С. И. Руденко полагал, что они имели отношение к головным уборам⁵³; однако не очень ясно, как именно их носили.

Вызывает интерес высокая цилиндрическая шапка на берестяной основе (*тэйәс бүрек* — «шапка-туесок») — ритуаль-

Шляпа — характерный убор северо-западных башкир. Архив отдела этнографии ИИАЛ УНЦ РАН

ный убор, венчавший голову женщин-распорядительниц на весеннем празднестве «каргатуй» («карга туйы»). Основу шапки обшивали красной тканью и украшали речными раковинами, бляхами, монетами.

По мере отмирания старых обычаев уходили из быта и атрибуты, их сопровождавшие, в том числе и из состава одежды. Исчезновение и обеднение головных уборов было обусловлено и снижением материального достатка башкирских семей.

⁵² Попов Н. Хозяйственное описание Пермской губернии. С. 22.

⁵³ Руденко С. И. Башкиры. 1925. С. 146, рис. 132.

УКРАШЕНИЯ

Украшения, включавшие в свой состав множество самых разнообразных предметов, служили колоритным дополнением праздничного и повседневного башкирского костюма. Среди них были косолетки и косники, серьги, браслеты, кольца, бусы, ожерелья, нагрудники, нашивники персидии.

При изготовлении украшений отдавалось предпочтение серебру и кораллам. Использовались также сердолик, бирюза, перламутровые пластинки, морские раковины каури, желтый и коричневый янтарь, бисер, красное, зеленое, голубое шлифованное стекло. Эти материалы помимо декоративных качеств, обладали в представлении людей магическими свойствами. Серебро, бирюза, сердолик, кораллы, перламутр, янтарь издавна употреблялись мусульманами в качестве талисманов, оберегов. С ними нередко была связана охранная и усилительная магия, способствовавшая плодотворности. Корни подобных поверий отыскиваются в Идолологии древнего Востока. Красное и зеленое граненое стекло, возможно, заменило популярные на Востоке рубины, изумруд.

Этнографы неоднократно подчеркивали социальную-знаковую функцию украшений. Монеты, кораллы и другие предметы роскоши, нашитые на головные уборы и одежду, являлись показателем обеспеченности семьи, свидетельствовали об определенном месте человека в обществе.

Браслеты, кольца, серьги, косные подвески «суланы», пружки, поясные накладки, подвески на одежду, медальоны и бляхи для нашивки на ткань, изящные ожерелья изготавливались руками мастеров-ювелиров. Собственное ювелирное производство в начале XX в. в башкирских деревнях было незначительным¹. Большой сбыт находила продукция татарских ремесленников. Поступали также украшения с Кавказа, из Средней Азии, а иногда и с более далеких восточных рынков.

Сохранившиеся в музеях старинные украшения дают представление о традициях ювелирного ремесла у башкир. На пластинчатые серебряные фрагменты, фигурные накладки и кольца узор наносили чеканом и травировкой. Изредка применяли чернение и зернь. В северных районах владели филигранью. Распространены были вставки из шлифованного сердолика, бирюзы.

Ограниченным местным производством ювелирных изделий объясняется распространение у башкир составных украшений: способом нашивки монет, кораллов, раковин на плотную суконную или тканевую основу изготавливали различ-

¹ Ювелирное дело в Башкирии после завоевания XVIII в. по указу Петра II (1727-1730) было запрещено в Уфимской губернии.

ные ожерелья, воротники, нагрудники, нашивки, перья. Самостоятельно использовались сплетенная из кораллов сетка, ожерелья и фрагменты из кораллов. Этим родом украшений умели делать многие женщины, проявляя при этом незаурядный художественный вкус, богатство фантазии, выдумку.

Большинство украшений связано с женским костюмом. Из мужских — в фондах музеев сохранились перстни, поясные накладки и застёжки.

Самым ярким украшением женского костюма были нагрудники. Несмотря на дороговизну этих вещей (некоторые из них в конце XIX в. приравнивались по цене лошади или корове), они были многочисленны еще в начале нашего века. Довольно много их попало в музейные фонды. Назывались нагрудники по-разному: селтар, сакка, лажка, яга, мудынса, башкизеу, алмидзеу и пр. Каждое из названий было принято у определенной локальной группы башкир. За терминами нередко стояли разные виды нагрудных украшений: различались форма, соотношение кораллов и серебра, maniera расположения нашивок на ткани и пр.

Юго-восточный селтар, состоявший из «коралловой низки, перемешанной с деньгами... протыки вна серебренными бляхами», упоминает А. Игнатович в очерке, посвященном населению Бурзянской волости¹. Нагрудник был массивным, закрывал грудь и спускался ниже талии на 15—20 см. Плетенная из кораллов сетка занимала нижнюю половину украшения, она завершалась коралловой бахромой. Поверх сетки располагались две-три сложносоставные подвески «суалы». Грудь плотно зашивалась кораллами, образованными круги, полукругья, ромбы. В этот рисунок вписывались перламутровые пластинки, медальоны с сердоликом или гранатым стеклом, крупные монеты. Между низом и верхом нагрудника располагалось несколько рядов монет. Верхний край украшения, вырезанный по шее, обводился рядом монет или цепочками. Украшение удерживалось джамками и пришитым поясом.

В нагрудных украшениях юго-востока преобладали кораллы. Они сочетались с монетами. Нагрудники описанного вида, с тремя-четырьмя рядами монет у талии носили башкиры-бурзяне, тангауры, усуртансы, т. е. преимущественно в южных районах этой территории. Севернее, в Учалинском и Белорецком районах, количество монет возрастало. Уже у тамьянцев Абсалямовского района шивалось шесть-семь горизонтальных рядов монет, столбцы монет располагались по краям нагрудника. У башкир-телеццев и инзер-кайшцев (Учалинский и Белорецкий районы) монеты занимали центральную часть, число рядов доходило до двенадцати. Поверх плотной коралловой зашивки в верхней части и по краям нагрудника помещались сгруппированные по две монеты. В центре украшения среди монет оставались место для сетки из разноцветного бисера и бирюзы, и коралловая сетка завершалась бахромой. Особенностью инзерских и учалинских украшений (за ними закрепилось название лажка) были подкройные воротники в виде охватывающего шею полукруга ткани, обведенного кораллами.

У тамьянцев юга Белорецкого района (да Кагарменоло, Асангулово, Шигаево и др.) отличительным декоративным

¹ Игнатович А.
Башкирская Бурзян-
ская волость. Из
внх историческая и
географическая ста-
тистика, опубликована
до России. 1860—61
СПб. №1. Кн. 5
С. 46

элементом были небольшие узорные фрагменты из цветного бисера, вплетенные в коралловую сетку.

Нагрудники севера Учалинского района, Челябинской и Курганской областей были короче юго-восточных, их форма приближалась к трапеции. Четко выделялся полукруг, который Д. П. Никольский назвал «ожерельем»². Эта конструктивная деталь и дала название украшению *яга*, дословно: «воротник». В оформлении нагрудника использовались те же приемы, что и на юго-востоке: на основу прикреплялись коралловые нити, коралловая сетка, бахрома, металлические подвески. Но композиция была несколько иной. Преобладали

Женщины
в нагрудниках
селтар:
а—дер. Кусеево
Байманского
района, 1958 г.;

² Никольский Д. П. Башкиры: этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. С. 36.

металл. Кораллы обрамляли «воротник» и края нагрудника, слегка проглядывали в промежутках между монетами, свисали по низу бахромой. Для восточнозуральских нагрудников был характерен способ нашивки монет на тесемки-шнуры (*бау*), прикрепленные верхним концом в центральной части нагрудника. Обычно шнуров было пять — семь, редко больше. Таким способом достигался шумовой эффект при ходьбе и особенно в танцах. В верхней части грудки монеты нашивались ярусами, с боков — несколькими заходящими друг на друга столбцами. Помимо монет использовались ювелирные медальоны, перламутровые кружки, сердоликовые пластинки.

б—дер.
Кагарманово
Белоразского
района, 1963 г.

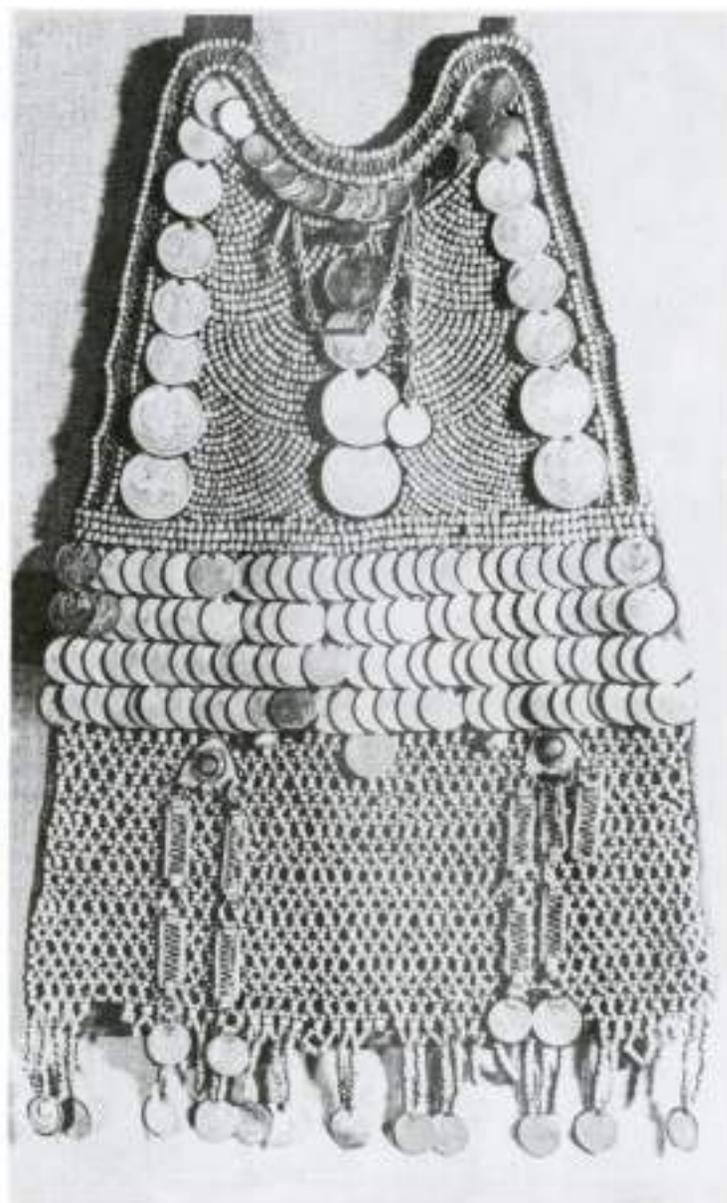

Их подбирали парами, располагая по обеим сторонам симметрично. На талии нагрудник придерживался поясом.

В прошлом веке и ранее нагрудник *яра* в восточном Зауралье носили вместе с наспинником (*иңһәлек*). Он зашивался мелкими монетами, бляхами, кораллами, раковинами-каури. Как и на нагруднике, прикреплялась коралловая сетка с бахромой. Завершался наспинник тремя язычками, покрытыми перламутровыми пуговицами, кораллами, бусами, монетками. С нагрудником это украшение соединялось лямками, с которых спускалось коралловое оплечье с бахромой.

Характерный комплекс восточнозауральских украше-

Нагрудные украшения южных и восточных районов:
а — юго-восточный нагрудник селтар;

ний — нагрудник с наспинником — можно увидеть на фотографиях С. И. Руденко; один из снимков опубликован в его книге³. В башкирских коллекциях Уфы и Ленинграда имеется несколько яг. Многие из них попали в музейные хранилища в 50—60-е годы нашего века. В тот период в деревнях Челябинской и особенно Курганской областей их имели многие женщины, надевая в праздники и на семейные торжества. Наспинники же ушли из быта к концу прошлого века. В музеях они относятся к редким экспонатам (БГИКМ, колл. № 3163; МАЭ УНЦ, Э—33—53). Как правило, на наспинниках, изготовленных полтора-два века назад, часть нашивок утрачена,

б — восточно-зауральский яг

³ Руденко С. И. Башкиры: опыт этноколической этнографии. Бит Башкир./Записки/Рус. Географическое общество. СПб, 1925, Т. 43, вып. 2. С. 145, рис. 131.

целых вещей нет. В 1972 г. в Альменевском районе Курганской области нам довелось по воспоминаниям женщин преклонного возраста сделать графическую реконструкцию старинного наспинника¹.

Женский костюм северо-восточной Башкирии дополнял сравнительно небольшой, чуть ниже талии, нагрудник — муйынса. Для северо-восточных, айских и юрюзанских деревень использование кораллов не было типично. Тканевую поверхность зашивали чешуеобразно монетами. Нижний ряд состоял из рублевиков, штампованных блях, выше помещались мелкие монеты. Край нагрудника мог быть обшит по-

и — забельский канал

¹ Архив отдела этнографии ИИЭЛ Уфимского научного центра.

Женщина
в нагруднике
яга. Дер. Мурзеево
Сафакулевского
района
Курганской
области, 1972 г.

зументом, цепочками, украшен перламутровыми или разноцветными стеклянными пуговицами. Имелись шнуры для закрепления «муйынса» на шее. Иногда среди монет прикреплялись ювелирные медальоны со вставками из синего, красного, зеленого стекла. В Мечетлинском районе (дер. Кутушево) мы обнаружили на нагруднике редкостную подвеску из когтей беркута в серебряной оправе. Большое внимание уделялось поясу нагрудника. Его узорно прострачивали, вышивали серебряной нитью, украшали аппликацией из разноцветных уголков, расположенных рядами вдоль пояса. В фототеке отдела этнографии ИИЯЛ Уфимского научного центра

представлены несколько северо-восточных нагрудных украшений.

Возможно потому, что украшения с берегов Ая, Юрюзани и верхней Уфы были менее красочны, чем южные и восточные, их не оказалось в старых музейных коллекциях. Лишь в конце 50-х годов в Государственном музее этнографии в г. С.-Петербурге появилось два таких нагрудника (колл. №№ 7175—6, 7175—42). В настоящее время «муйынса» есть и в музее археологии и этнографии Уфимского научного центра (колл. Э—22—12).

Среди башкирских нагрудников выделялся полуовальной

Женщина
с верховьев
р. Уфы.
Материалы
фольклорной
экспедиции,
60-е годы

формой юго-западный *сакал*. Он встречался в приуфимских районах, в бассейне р. Демы и у ток-чуранских (оренбургских) башкир.

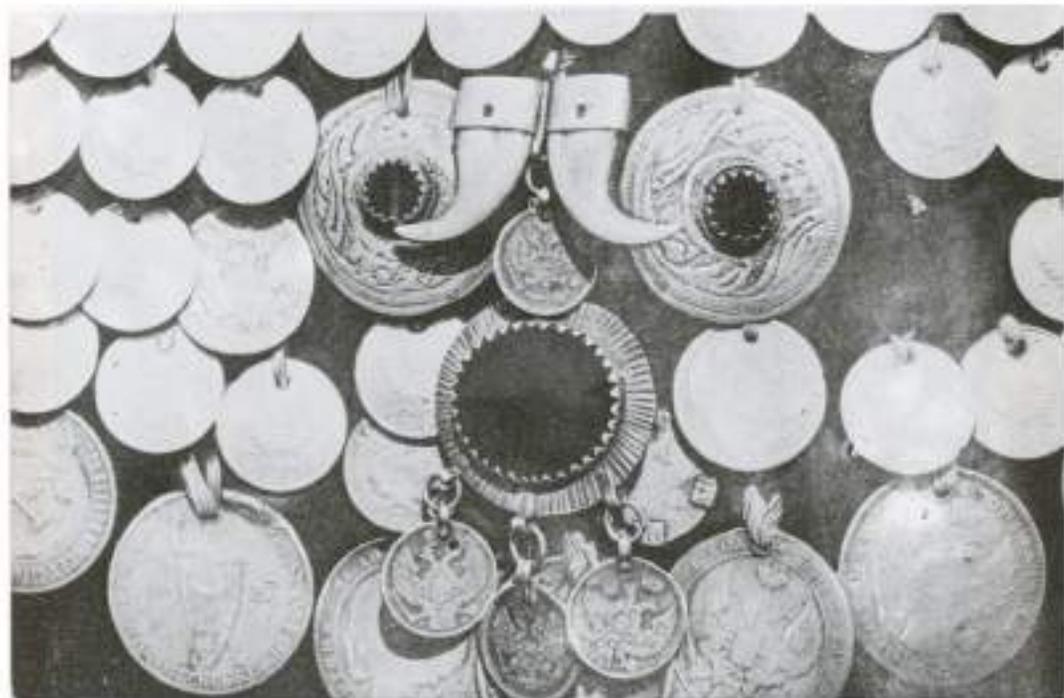
Размеры нагрудника были разными. Иногда он спускался ниже пояса. У небольшой группы башкир-минцев, расселившихся за р. Белой (Нуримановский район), нагрудник, напротив, был маленьким, сантиметров 20 в длину, едва прикрывал разрез на платье.

Предельно завершенным было художественное оформление нагрудника. Середина заполнялась монетами, куполо-

образными бляхами, медальонами. Край обрамлялся в несколько рядов коралловыми нитями; полоса кораллов обводилась витой цепочкой. К краю нагрудника прикреплялись бубенчики, сердоликовые шарики на металлическом стерженьке. Многие украшения (бубенчики, сердоликовые подвески, куполообразные бляхи, кораллы) привозились из Средней Азии.

Подвески
и когти беркута
на нагрудном
украшении.
Мечетлинский
район, 1977 г.

Демские нагрудники имеются в музеях г. Уфы (БГИКМ, № 6432—3; БГХМ, Б—197). Хранящийся в Государственном музее этнографии нагрудник, приобретенный в 60-е годы в дер. Азнаево Бижбулякского района, вместо кораллов обшит по краю штампованными бляхами; ряд крупных вертикаль-

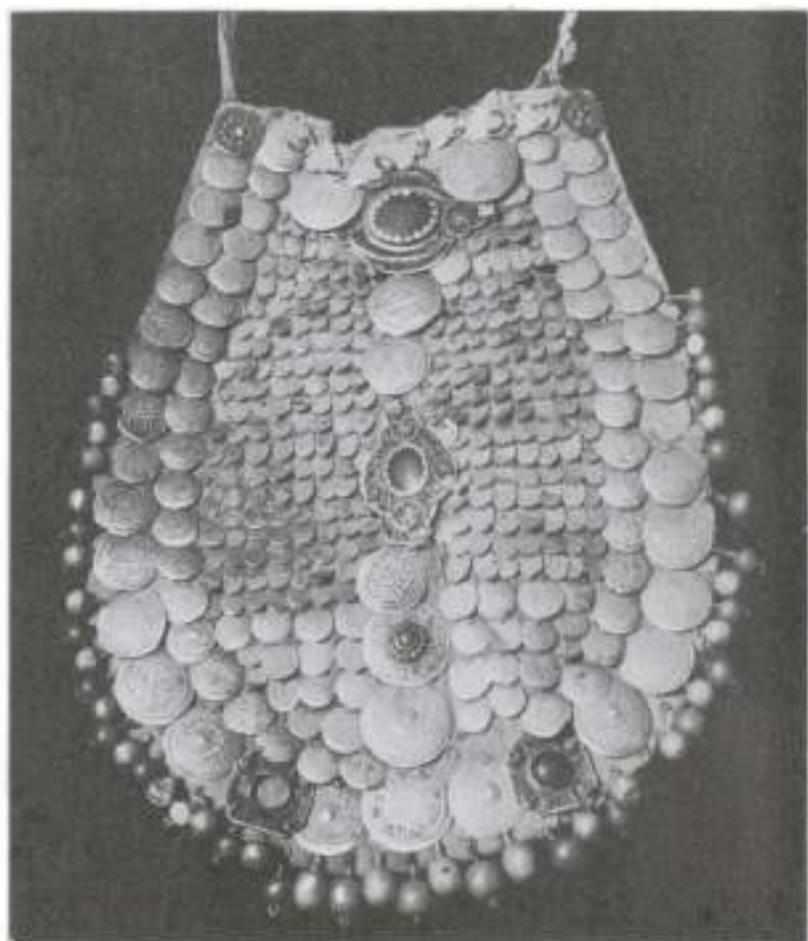
ных нашивок располагается по центру этого украшения. Его особенность объясняется отсутствием в последние десятилетия кораллов.

В правобережье Белой в долине р. Зилим у табынцев и лесных кыпчаков закругленный снизу нагрудник *haxal*, по сравнению с демским, имел более дробное композиционное построение. Сохранялось обрамление края кораллами, украшение бубенчиками и шариками, центральное же поле горизонтальной коралловой полосой делилось на две части. Нижняя часть, как и на Деме, была покрыта монетами и круглыми бляхами. Верх зашивался в определенном порядке кораллами. Между низками оставалось место для подвесок из крупных монет, сердоликовых пластин, перламутровых кружков. Обязательными были две крупные бляхи, прикрепленные симметрично с обеих сторон груди. Кораллами обводился пришитый воротник-ожерелье.

Ближе к Инзеру нагрудник, сохраняя тот же орнаментальный порядок, приближался по форме к восточным и южным прямоугольным украшениям; появлялась понизу коралловая бахрама.

Описанные нагрудники являлись украшением женского костюма в южной Башкирии, на северо-востоке, в челябинском и курганском Зауралье. Местами вместе с ними существовали и другие нагрудные украшения. Небольшой нагрудник *алмизеу* или *башкизеу*, обшитый позументом и покрытый столбцами монет, в Бурзянском, Баймакском и соседних районах носили в прошлом девушки; в последние десяти-

Негрудные
украшения:
а — хакал из
Бибилуякского
района;

летия он перешел в костюм пожилых женщин. Кораллы для него использовались редко, но иногда среди монет прикреплялись крупные бусины, перламутр.

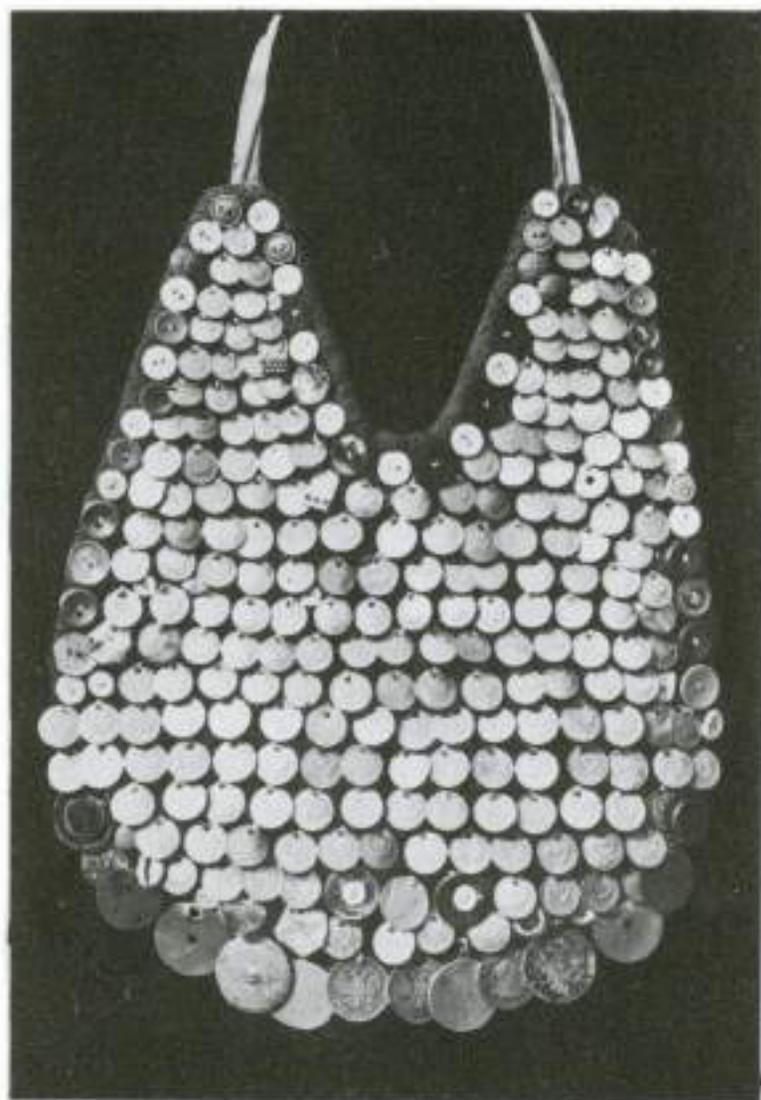
В 1962 г. в дер. Амишево Баймакского района у одной из молодых женщин мы увидели не совсем обычный нагрудник. На полуовальной покрытой монетами основе по центру выделялась вертикальная полоса из чередующихся рядов монет (по три в ряд) и кораллов. Внизу были прикреплены пять блях-

подвесок, в центре помещена крупная бляха со вставкой.

В оформлении башкирских нагрудников воплощались местные традиции. Однако каждое украшение, хотя и выполнялось по существующим образцам, было индивидуально.

В северных и западных районах нагрудным украшением были перевязи: *эмэйзек*, *дәуәт*, *хәситә*. Иногда они встречались много восточнее и южнее. Находясь на территории Исетской провинции, среди челябинских башкир, П. С. Паллас описал «широкое и спереди через плечо как будто орден висящее украшение», состоящее «отчасти из мелких денег, а отчасти из коральков»⁵. Украшение повязывали с левого

б — северо-
восточный
муйынса;

⁵ Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Русского государства. СПб., 1773. Ч. 1, кн. 1. С. 99.

плеча под правую руку. Изготавливая перевязь, на тканевую основу (в виде полосы или растянутого полукруга) нашивали медальоны, бляхи, крупные монеты, бусы, реже кораллы. Иногда эти украшения были широкими и закрывали грудь. Прежде их могли носить все взрослые женщины, но в нашем веке их сохранили лишь пожилые.

В украшениях-перевязях подчеркивалось их магическое, сакральное назначение. Среди нашивок, выполнявших декоративную роль, помещали кожаные и металлические футлярики с молитвами. В эпосе «Алдар и Зухра» одна из девушек, встретившихся Алдару, носила «дагуат» (*дагуат* — авт.) — му-

в — инзерский хакал

Женщина из
дер. Старое
Гумерово
Оренбургской
области
в старинной
одежде, 1963 г.

сультманский оберег, способный оградить от злых козней «нечистой силы». Это была молитва в футляре, нашитая на украшение под левой подмышкой*. «Дагуат» вручила девушке ее мать, получив его от святого человека, который сопровождал этот дар словами: «кто дагуат носить будет, того не коснется никакая неистовая рука»⁶.

В северо-западной Башкирии, где не существовало массивных нагрудников с серебряными и коралловыми нашивками, распространенным украшением, как в праздники, так и в будни, были ожерелья (*һырга*, *муйынса*) и «воротники». Для ожерелий использовали ювелирные медальоны и под-

* Такое разъяснение было дано первым переводчиком эпоса Р. Г. Игнатьевым (XIX в.).

⁶ Башкирское народное творчество. Уфа, 1987. Т. 1. С. 434, 516.

Женщина
в нагруднике
«алмизеву».
Дер.
Набуллино
Бурзянского
района, 1963 г.

вески, а также серебряные монеты, соединяя их металлическими кольцами и цепочками. Нередко ожерелье было широким, в несколько рядов, покрывало всю грудь. В других случаях оно состояло из ряда крупных монет, соединенных колечками или пришитых к шнурку. У пермских башкир молодые женщины носили нарядные воротники *яка сылбыры* с массивными застежками и нагрудными подвесками-медальонами на колечках. Эти украшения часто приобретались у казанских татар.

У северных и западных башкир, кроме ожерелий из металла, носили бусы из янтаря, граненого стекла или шифо-

ванных сердоликовых пластин. На остальной территории, особенно в восточном Зауралье и на крайнем юге, были распространены коралловые ожерелья. Это могли быть несколько коралловых нисок, свитых в жгут. Иногда коралловые нити перемежались с тонкими цепочками. В других случаях кораллы нанизывались попеременно с монетками. У состоятельных женщин ожерелья в несколько коралловых нитей дополнялись коралловыми кистями.

В XIX в. и ранее в некоторых деревнях был обычай надевать на платье пелерину из коралловых нитей, сплетенных в сетку. Такое украшение изображено на башкирской женщине в книге П. С. Палласа.

Женщина
с украшением-
перевязью.
Фотография
начала XX века.
Из частного
архива

Редким украшением надо признать *теркэмэ* — металлическую дужку с прикрепленными монетками, встреченную С. И. Руденко в деревнях центральной Башкирии⁷. Ее описание вызывает ассоциацию с шейными ожерельями и гривнами древнего, дотюркского, населения, оставившего археологические памятники по берегам средней и нижней Белой.

В работах дореволюционных авторов есть упоминания, что к косам башкирские женщины привешивали металлические подвески, «брякушки». Экспедиционные поездки последних десятилетий позволили в комплексе других украшений составить разностороннее представление о косниках. Многие из

⁷ Руденко С. И. Башкирия, 1925. С. 142.

В Шингова С. И.
Народная одежда
башкир. // Археоло-
гия и этнография
Башкирии, Т. 3,
С. 169, рис. 30.

Шейное
украшение
северных
(пермских)
башкир

этих украшений существовали в семьях до последнего времени. Наиболее редкие виды имеются в коллекциях, приобретенных С. И. Руденко.

В очерке «Народная одежда башкир» (1968 г.) показано распространение косников по территории расселения башкир⁹. Каждое из украшений было принято сравнительно на небольшом пространстве. Особенно разнообразны были девичьи украшения.

По обычаю девушки заплетали волосы в две косы, но старались скрепить их вместе. Косоплеткой служил длинный плетеный из шерсти или конского волоса шнур каралык, ко-

торый пропускали через основание кос. В южной и восточной Башкирии существовали специальные девичьи затылочные украшения елкалек, елкамес. Их делали на тканевой, суконной или кожаной основе, зашивали рядами кораллов, бисера, бусин, перламутровых пуговиц, монет. В горах и по восточным склонам Уральских гор они были полуовальной формы. Кое-где в юго-восточном Зауралье и по южным отрогам, а также у оренбургских и саратовских (камеликских) башкир кожаные или суконные позатылени имели треугольную форму. Описание такого украшения обнаруживается в статье итальянского ученого Соммье, жившего в конце XIX в. в дер.

Ожерелье
из кораллов

Ташбулатово (современного Абзелиловского района): «Я видел одну девочку, к косе которой (она достигала у нее только до плеч) был прикреплен кожаный треугольник, около дециметра по каждой стороне, вышитый красным бисером и металлическими украшениями и с бахромой из морских раковин...»⁹. В Гафурийском районе на затылке между косами помещалась трапециевидная накладка из красного или черного сукна, зашитая рядами бус. Отдельные экземпляры старинных «елкалек» можно увидеть в Государственном музее этнографии в г. С.-Петербурге (№ 1002—36а, 2881—448) и в Историко-краеведческом музее в г. Уфе (№ 6703—3).

В ранее опубликованных статьях по одежде¹⁰ было высказано предположение о связи девичьих позатыленей с масками, которые встречались в археологических памятниках Западной Сибири и Алтая. На погребальных кожаных «ли-

⁹ Проф. Соммье. О Башкирии // Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1891—92. Т. XIII, вып. 1. С. 22.

¹⁰ Шилова С. Н. Финно-угорский компонент в народной одежде Башкирии // Исследования по исторической этнографии Башкирии. Уфа, 1984. С. 18.

чинах» на месте глаз и рта нашиты пуговицы или бляшки. Тот же прием использован в оформлении хантыйских и башкирских позатыленной. По описанию пожилых женщин, нередко на башкирские полуovalные «елкялек» на месте глаз пришивали голубые стекла, на месте рта — сердоликовую пластинку, край обрамляли рядами кораллов, по низу пришивали бахрому. Украшение, имитирующее в наиболее архаичной форме «личину», по всей видимости, выполняло охранную функцию для девушки, вступившей в брачный возраст. Оберегом служили вставки из сердолика, кораллы, нашитые на ткань серебряные монетки.

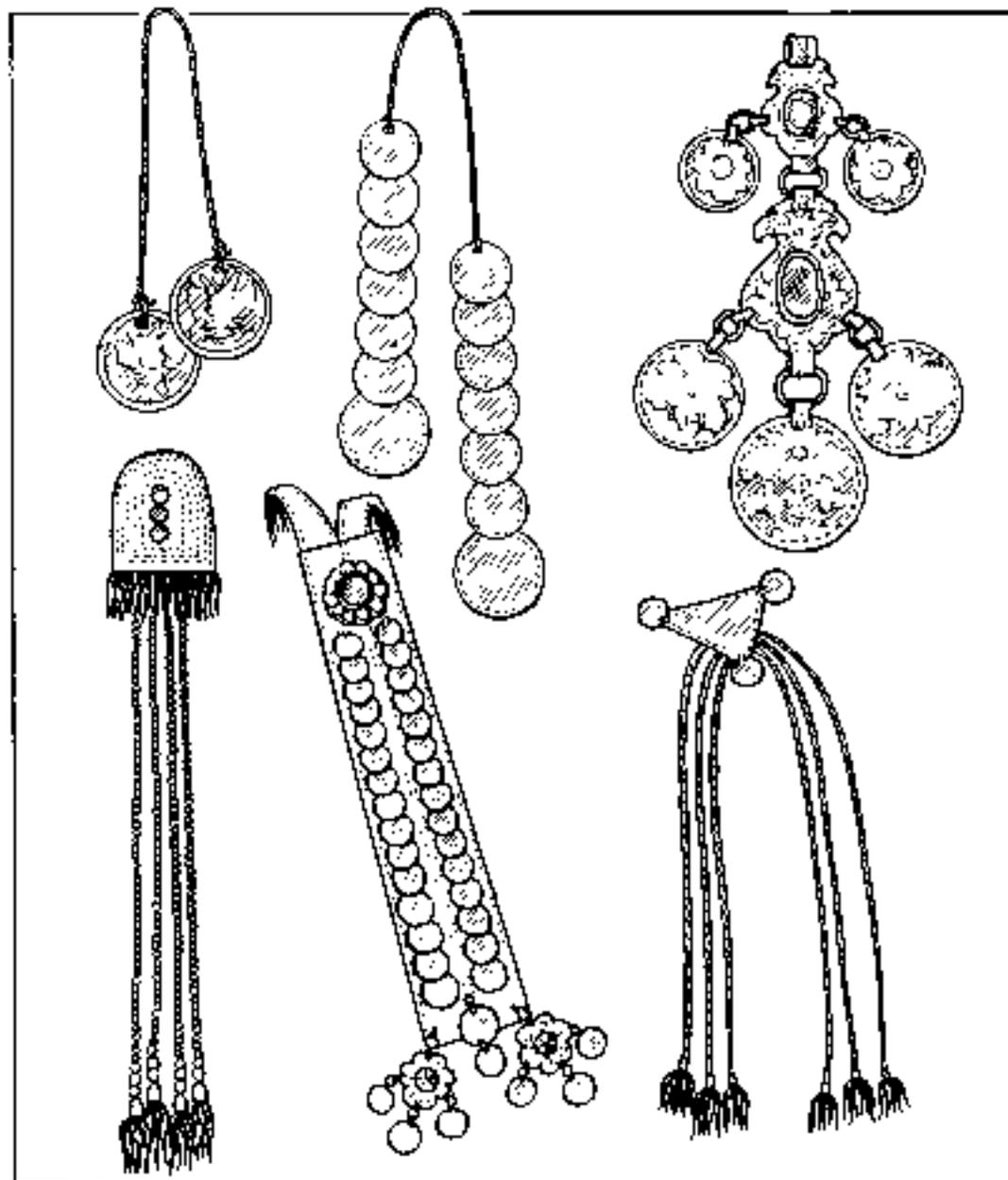
Женщина
с ожерельем
из кораллов.
Дер. Кувазово
Баймакского
района, 1971 г.

Плодным вариантом затылочных украшений-оберегов являлись ювелирные блахи (кэмбэз), усыпанные полудрагоценными камнями, в том числе бирюзой. Ту же роль могла играть бахрома с монетками. Оберегом могли быть также несколько крупных серебряных монет или кожаный футляричек с молитвой, пришитые к середине косоплетки, соединяющей косы на затылке.

Вместе с затылочным украшением девушки носили нарядные косоплетки из темной или цветной шерсти, украшенные кисточками, бусами. Косники (жаралык), в виде плетеной тесьмы или шнура с кисточками были особенно характерны

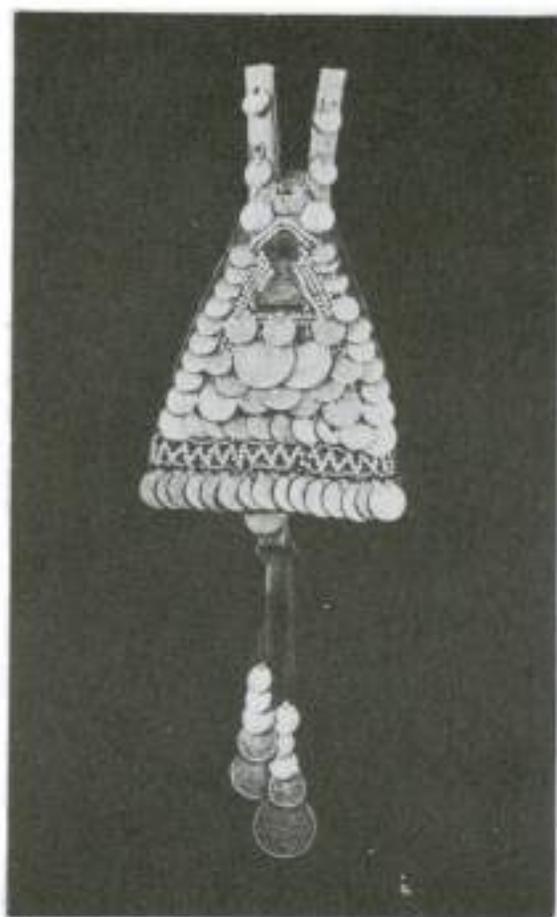
Косы
украшенные
и подвески

для челябинского и курганского девичьего костюма. Косоплетку пропускали через петлю затылочной бляхи или треугольного кожаного футляра-оберега.

У юго-восточных башкир вместе с елкаяк вплетали косники из бус—*сасмау*. Раньше вместо бус нанизывали высушенные и окрашенные в разные цвета крупные рыбы позвонки. В начале XX в. С. И. Руденко приобрел несколько украшений для волос. В верховьях р. Белой в дер. Махмутово (ныне Белорецкий район) был куплен «сасмау» длиной 40 см, из 12 нитей разноцветных (красных, розовых, синих) бус, заканчивающихся желтыми, зелеными, красными шерстяными

Затылочное
украшение
из кораллов.
Из фондов
БГИКМ

кистями; нити скреплены двумя узкими пластинами. В примечании отмечено, что такой косник носили по восточным склонам Южного Урала (ГМЭ, № 1002—36в). Происхождением из этих мест (дер. Абзаково) косник из четырех узорных тесемок с кисточками из разноцветной шерсти на концах — *жаралык* (№ 1002—36с).

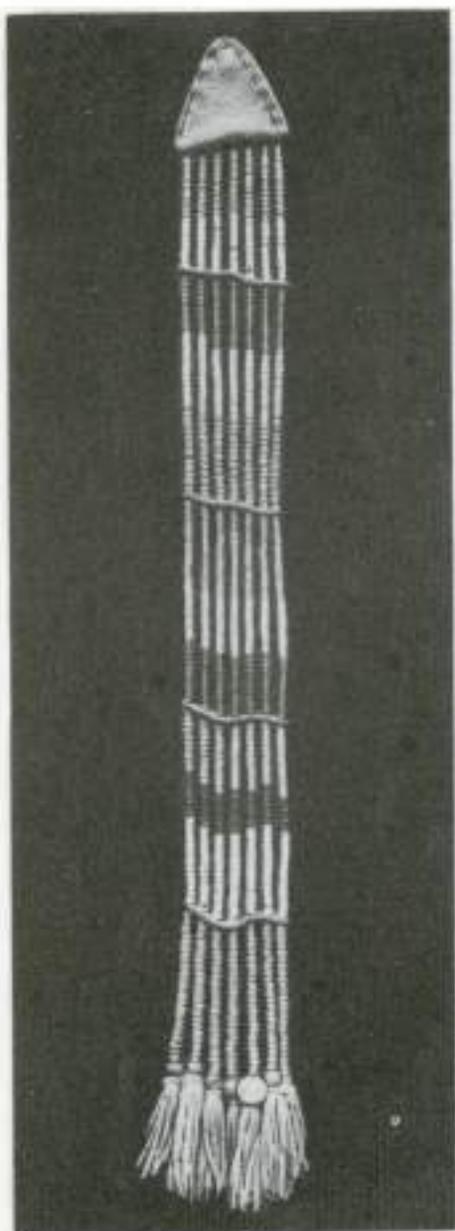
В дер. Уметбаево (Белорецкий район) С. И. Руденко были приобретены 3 косника из бус, пуговиц и монет с кисточками и наперстками и одна шерстяная косоплетка из тесьмы

(№ 2881—442, 443, 444, 445). В косниках по 3—4 низки бус, прикрепленных к тесьме или вдетых в металлическое кольцо.

В дер. Темясово Баймакского района в 1962 г. нами был обнаружен массивный накосник из разноцветных бус. Семь нитей с бусами были прикреплены к кожаному треугольнику; внизу они заканчивались кистями. Бусы нанизаны таким образом, что составляли орнаментальную ленту из квадратов. Низки скреплены металлическими пластинками.

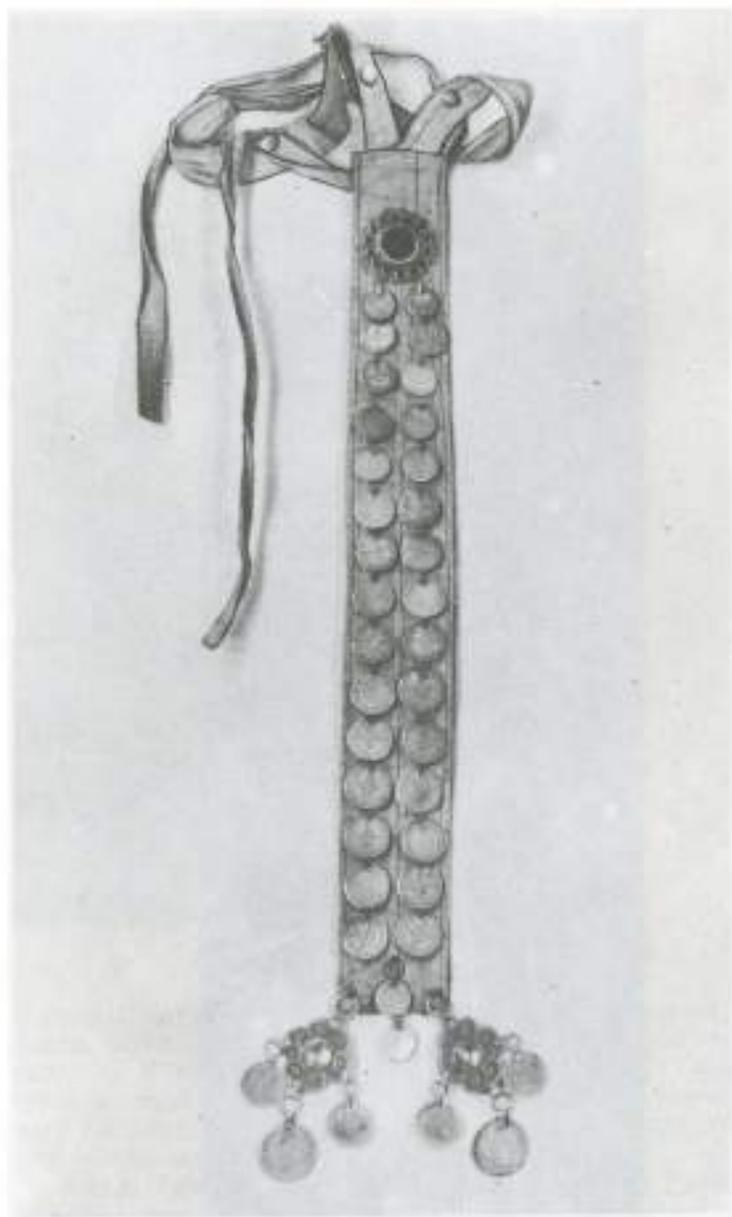
На юго-западе Башкирии, в бассейне р. Демы, и кое-где на севере было распространено косное украшение *сәскал* (*аркалык*) в виде полосы ткани, зашитой в два-три ряда мо-

Накосник
из бус.
Дер. Темясово
Баймакского
района, 1962 г.

нетами, с ювелирными подвесками суллы внизу. Оно имело петлю для закрепления на голове. В верхней части, приходящейся на затылок, располагалась крупная бляха со вставкой из сердолика или цветного стекла. Одно из названий этого украшения — «сэскал» переводится как «футляр, чехол для волос»; у некоторых тюрко-монгольских народов убирать свитые волосы в чехлы было традицией. У башкир сэскал прикрывал косу сверху. Иногда и этого не было, поскольку косы оставались под верхней одеждой; сэскал превратился в наспинное украшение. Северные «косные ленты» при длине 25—30 см имели ширину 10—12 см; юго-западные были вдвое

Накосная лента.
Из фондов ГМЭ

больше: их ширина доходила до 25 см, длина равнялась 60—70 см. Северный накосник с монетами был приобретен С. И. Руденко в 1906 г. у пермских башкир-гайнинцев (ГМЭ, № 1002—36е).

Взрослые женщины вплетали в косы тесьму с металлическими подвесками. Из-под платка, закрывавшего волосы, были видны тяжелые суллы или монеты, прикрепленные к концу тесьмы. Иногда это были рублевики или полтинники — *лумнык*, *тэцкэ*. В южной Башкирии, в Оренбургской, Челябинской областях были приняты косоцветки (*сас үргес*, *үрмес*): на тесьму нашивали по 5—7—9—11 мелких монет, завершая ряд крупной монетой или подвеской суллы.

Подвеска
для украшения
косничков

Вплетать косные шнуры с металлическими оттягивающими волосы подвесками стало устойчивой привычкой. Украшение было распространено среди пожилых женщин до последнего времени.

Серебряные подвески суллы были характерным украшением не только у башкир, но и у других, близких в культурном отношении народов: казанских татар, казахов, киргизов. У башкир они встречались повсюду, но в то время как на севере, западе и в центральных районах они служили косным украшением, на юго-востоке, в челябинском и курганском

Одежда курганских башкирок. 50—60-е годы. По материалам экспедиций. Худ. И. Ф. Кибальник

Костюм северо-восточных башкир. Старинное платье, украшенное ткаными узорами и вышивкой. Материалы экспедиции 1968 г. Худ. И. Ф. Кибальник

Зауралье их чаще прикрепляли к нагрудникам и головным уборам или нашивали на праздничную верхнюю одежду.

В конце XIX — начале XX в. в башкирских деревнях были распространены суллы из скрепленных колечками двух-трех фигурных пластин с выгравированным растительным орнаментом. К ним прикреплялись монетки, листовидные или ромбические привески. В башкирских коллекциях музеев страны таких подвесок сохранилось немало. В северных и западных районах, ближе к Татарии, встречались суллы из филигранных медальонов со вставками из сердолика или красного граненого стекла. Как и пластинчатые, они могли

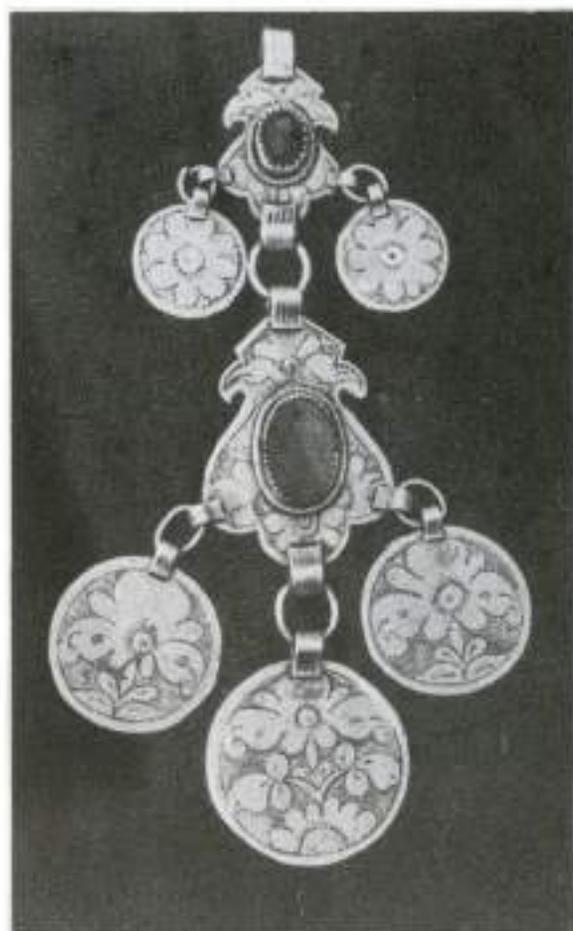
Ювелирные подвески. Из фондов МАЭ (г. Уфа)

быть разной длины: из одного, двух или трех центральных звеньев. Суллы, использовавшиеся как косные подвески, были парными.

«Серьги в ушах носят немногие башкирки, особенно в юго-восточной половине их страны», — отмечал в начале нашего века С. И. Руденко¹¹. Покрывала и платки — головные уборы замужних женщин, тщательно укрывавшие волосы и шею, — не располагали к ношению ушных украшений. К тому же многие шапочки, как женские, так и девичьи, имели околушные подвески, исключавшие ношение серег.

С. И. Руденко обратил внимание, что серьги, которые он

иногда видел у башкирок, нередко были работы казанских мастеров. Это ажурные украшения со вставками из полудрагоценных камней или шлифованных цветных стекол.

Население различало два вида серег: маленькие, в форме колечка или полулунницы с разъемной дужкой, и длинные с ювелирными или монетными подвесками. Первые были больше приняты в северной и западной Башкирии, вторые — в южной и особенно восточной. У челябинских и курганских

¹¹ Руденко С. И. Башкиры. 1925. С. 160.

башкир «длинные» серьги считались праздничными, нарядными, иногда они соединялись под подбородком цепочкой. Н. Попов на рубеже XIX в. свидетельствовал, что серьги являлись популярным украшением у шадринских* башкир¹². В экспедиции 1972 г. среди курганских башкир нами были встречены старинные серебряные серьги, состоящие из ромбического филигранного щитка с небольшой бирюзовой вставкой в центре. От щитка на колечках свисало по три монетки; к верху был припаян крючок. Подобные серьги с тремя монетками, подвешенными на колечках к подтреугольной пластинке, были приобретены в 1959 г. для Государственного му-

Браслет
с монетами,
серьги.
Из фондов ГМЭ

зея этнографии в Дуванском районе (№ 7175—39). Фигурные длинные серьги, серебряные и медные, упоминает в середине прошлого столетия В. М. Черемшанский. Судя по составу костюма, он имел в виду юго-западных башкир¹³.

Маленькие сережки назывались в народе *алка*, серьги с подвесками — *суклы алка* (*сук* — кисть), *хырга*. Словом «*хырга*» в восточном Зауралье обозначались не только длинные серьги, но и бисерные подвески у головного покрывала *кушьяулык*.

Серьги, соединенные подбородной цепочкой, не всегда воспринимались как ушное украшение. В некоторых случаях их прикрепляли к тесьме, перекинутой через темя.

Из ювелирных изделий у башкирских женщин особой любовью пользовались украшения для рук: **браслеты, коль-**

* ныне г. Шадринск — районный центр Курганской области.

¹² Попов Н. Описание Пермской губернии. СПб., 1813. Ч. 3. С. 23.

¹³ Черемшанский В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношении. Уфа, 1859. С. 156.

ца, перстни. Еще в 50—60-е годы нашего века в разных уголках Башкирии встречались мастера, изготавливавшие браслеты из монетного серебра. В то же время среди старинных украшений обнаруживается немало изделий работы казанских или даже рыбнослободских (русских)* ювелиров, а также перстни и браслеты, попавшие на Южный Урал из Казахстана и Средней Азии. Отчасти этим объясняется сходство в украшениях башкир, татар и некоторых восточных народов.

Вместе с тем, следует заметить, что общие ювелирные традиции на Южном Урале и в Приуралье, в корне близкие восточным, связаны не только с последним периодом. Начало

Браслеты

их формированию было положено в первом тысячелетии нашей эры. В археологических памятниках полуторатысячелетней давности обнаруживаются серебряные или посеребренные пластинчатые и витые браслеты, кольца с сердоликовыми вставками или со щитками, украшенными орнаментом, нанесенным насечкой или чеканом. Предполагается, что подобные украшения стали распространяться с продвижением групп кочевников из Азии в Восточную Европу¹⁴.

Древние традиции, затрагивавшие, как видно, не только форму изделий, характер и технику исполнения орнамента, но и обычаи, связанные с использованием украшений в костюме, пережив века, проявились в культуре современных народов. Как у многих тюркских и иранских народов (некоторые аналогии простираются до Индии), у башкир существовал обычай носить одинаковые, «парные» браслеты на обеих руках. Кольца надевались обычно на все средние пальцы рук, иногда по два кольца на палец. У башкир Оренбургской области встречались праздничные комплекты из двух или трех колец, соединенных цепочками с браслетом.

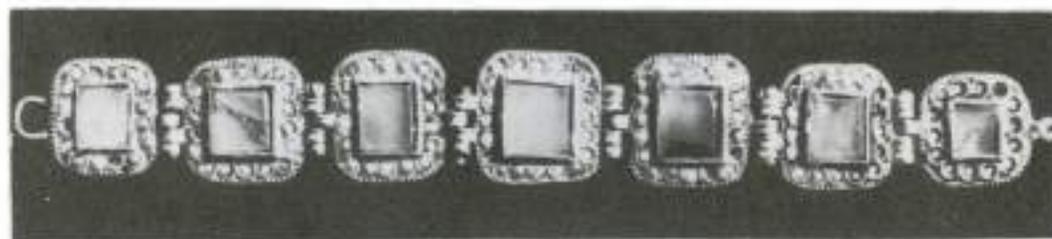
Самыми распространенными были пластинчатые браслеты (белазек, безюлек) с несомкнутыми закругленными концами. Они были шириной 1,5—2,5 см; в северных районах носили браслеты до 4—5 см и шире. Украшения охватывали запястье свободно. Основной орнамент располагался полосой по сред-

* Русские мастера, работавшие на местном рынке, выполняли ювелирные изделия по русскому образцу.

¹⁴ Мажитов Н. А. Курганы Южного Урала. VIII—XII вв. М., 1981. С. 11, 21, 45, 59—60, 63, 66, 68, 70, 82 и др.; Пашинин А. X. Курганы средневековых кочевников на Южном Урале // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984. С. 67, 66, 68.

ней линии пластины. Это мог быть растительный узор разной степени стилизации или арабская вязь, выполненные резцом или чеканом. Реже наносился штампованный узор. Фон заполнялся насечкой в виде треугольных, круглых углублений, точек или кружков. Узким бордюром (из таких же элементов, но более крупных) обводились края браслета. Иногда браслет имел гнезда для сердоликовых и бирюзовых вставок. В конце XIX — начале XX в. многие из браслетов с гнездами были татарского или среднеазиатского происхождения.

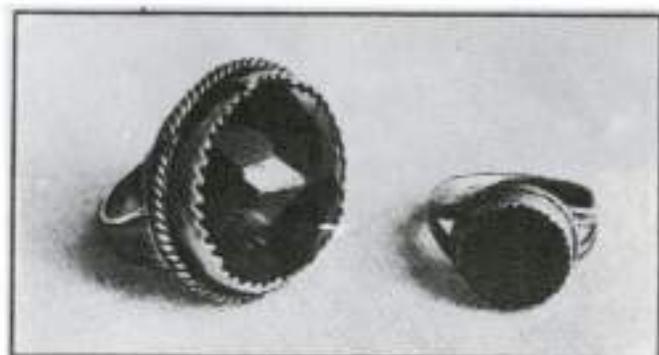
Браслеты.
Из фондов ВЭМ

Эффектно выглядели «звенящие» плоские браслеты с прикрепленными на колечках монетками. В южной Башкирии, помимо плоских, существовали витые браслеты из серебряных проволочек; к ним также прикреплялись парные монетки.

В богатых башкирских семьях, особенно в северных деревнях, можно было встретить браслеты из нескольких звеньев со стеклянными цветными вставками, сердоликом, бирюзой. «Поручни, из разных камешков сделанные», встречаются в описании быта шадринской группы башкир Н. Попова¹⁵. На

Перстни.
Из фондов МАЭ
(г. Уфа)

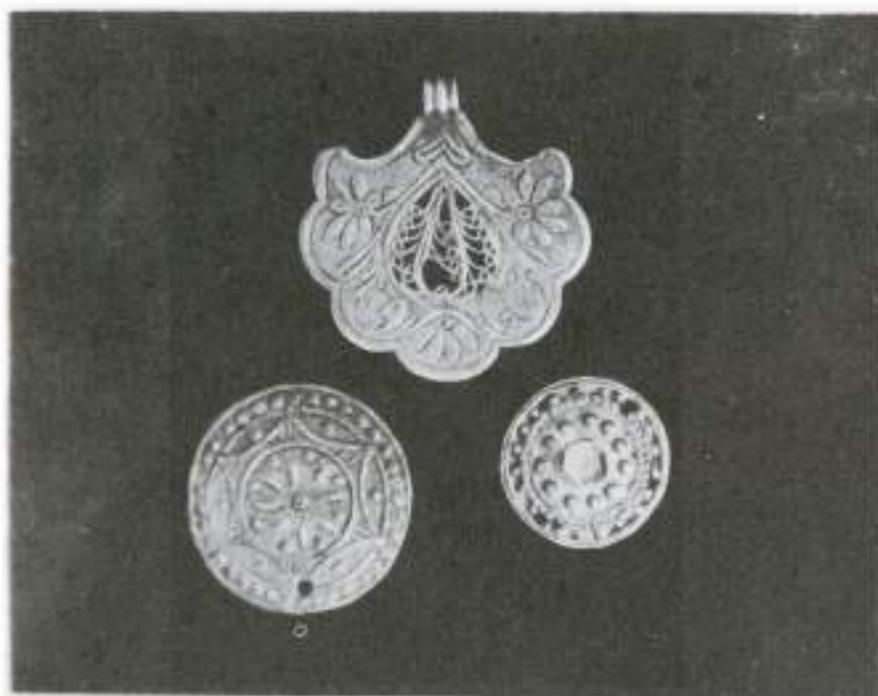
¹⁵ Попов Н. Описание Пермской губернии. С. 73.

руке они застегивались с помощью крючков. Помимо гладких, были изделия и филигранные — серебряные и позолоченные.

У южных башкир носили коралловые витые запястья.

В праздничном комплексе украшений, как правило, присутствовали перстни йөзөк. Плоский или слегка выпуклый ободок кольца расширялся или раздваивался перед тем, как присоединиться к щитку. Шлифованный щиток в форме овала или восьмиугольника с гравированным, реже черненым узором был обычным на старинных перстнях. Так же выглядели и мужские печатки. Ценились перстни с сердоликом,

Узорные
подвески
украшения
одежды для

опущенным в гнездо с зубчатым краем; зубы, загнутые к центру, придерживали круглую или овальную пластинчатую вставку.

Простые кольца (*балдак*) носили девочки и пожилые женщины. Их поверхность могла быть украшена бороздкой, насечкой в виде «елочки» или припаянным «жгутом». У девушек и молодых женщин встречались изящные колечки с «звенящими» монетками.

Пристрастие башкирских женщин к наручным украшениям не случайно. Объяснение ему отыскивается в восточных обычаях. Население Средней Азии, Ирана, Афганистана, Индии воспринимало браслеты как украшения, приносящие здоровье и счастье. Особая, охранный роль, как правило, приписывалась «звенящим» браслетам. Связь с идеологией Востока подкрепляется и использованием серебра, сердолика, бирюзы и других «заморских» материалов. «Сердолик — камень счастья» — называется статья В. И. Марковина, рас-

крывающего на археологическом материале влияние далекого Востока на народы Европы¹⁶.

В Среднем Поволжье и Приуралье активным проводником восточных традиций в конце I — начале II тысячелетия стала Волжская Булгария, влиявшая на формирование культуры местных народов, в том числе башкир. Однако обычаи, связанные у башкир с изготовлением и употреблением украшений, идут из необозримой дали веков.

Сохранившиеся благодаря усилиям собирателей и ученых ювелирные изделия и сложные украшения — лишь небольшая часть художественного наследия башкирского народа.

Застежка и
подвеска

¹⁶ Марковн В. И. Сердечки — камень счастья. // Материалы к исследованию по археологии СССР. М., 1963. № 130.

И. Г. Георги, проезжая по северу Башкирии в 70-е годы XVIII в., обратил внимание, что малосостоятельные люди в башкирских деревнях в будни ходили в лаптях «буши, мало принятой на остальной территории»¹⁰. В. М. Черемшанский засвидетельствовал, что башкирские лапти «более мягкие чем русские, и сделаны на одну ногу, но в прочности уступают»¹¹. Помимо лыковых, лесные башкиры изготавливали кое-где «из бересты поригни»¹².

Как отмечали очевидцы, держать ноги в тепле в любое время года — было безусловным правилом поддерживавшимся и мусульманским запретом обнажать тело. На ноги надевали чулки, «сделанные из холста или сукна, а чаще шерстяные»¹³. Носили также суконные или холщовые портянки.

Почти все упомянутые виды обуви дошли до наших дней. Полтора — два десятилетия назад в Восточном Зауралье, особенно у челябинских и курганских башкир, можно было встретить нарядную обувь с белыми гадючками из сукна: женщины надевали ее на свадьбу или в праздники. В отдельных деревнях Нижнечергинского района Свердловской области еще и теперь имеются люди, умеющие делать непримечательные «поршню» из лошадиной шкуры: их используют охотники при ходьбе на лыжах. В разных уголках северной и центральной Башкирии совсем недавно носили лыковые лапти, которые считались удобной обувью в пору сенокоса. У пожилых людей находят применение мягкие саночки ситек. Широко распространены резиновые галоши, в первую очередь глубокие, «узбекские». О суконных чулках в большинстве случаев сохранились лишь воспоминания, но вязаные чулки и носки имеются почти в каждом доме.

В составе ранних приобретений в музейных хранилищах Уфы и С.-Петербурга есть отдельные виды кустарных кожаных сапог и башмаков.

Существует ряд публикаций с описанием и даже изображением наиболее ярких с декоративно-художественной точки зрения экземпляров старинной башкирской обуви¹⁴. В монографии С. И. Руденко «Башкиры» дана общая характеристика обуви, принятой у башкир¹⁵. В 50—70-е годы в этнографических экспедициях Института истории, языка и литературы Башкирского научного центра были выявлены малоизвестные разновидности обуви, сделаны фотографии и зарисовки. Одновременно изучались музейные коллекции. Все это дает основание обобщить имеющиеся сведения.

Кожаные сапоги на твердой подошве ситек — обувь преимущественно молодых мужчин и женщин — носили с шерстяными вязанками или суконными чулками но чаще с портянками сызгану. Степень распространения сапог на территории была неодинаковой. Они были мало приняты в северной и центральной Башкирии. В бассейне Демы и в восточном Зауралье они считались обувью преимущественно мужской. У некоторых горных башкир (кузгуз-катайцев, кубалаев) они были праздничной обувью молодых женщин. В кожных и юго-восточных скотоводческих районах их носили в будни и праздники почти все население.

Праздничные сапоги шили из черной или подкрашенной кожи, с мягкими помпийками. На низ шла воловья или коневая кожа, верх магли делать из козляной или телачьей.

¹⁰ Георги И. Г. Описание Азии в Римском государстве. Обыкновенные сведения. СПб., 1799. Ч. 2. С. 172.

¹¹ Черемшанский В. М. Письма из Оренбургского и Пермского краев. СПб., 1854. С. 154.

¹² Назаров И., Описание Башкирии. С. 24. 25.

¹³ Мисюлевский Д. П. Башкиры. С. 53.

¹⁴ Арменская С. А., Бондренко Н. В., Кулева К. П. Декоративно-прикладное искусство Башкирии. Уфа, 1964. С. 114—127. Парфенов Александр Иванович. Башкиры. М., 1962. С. 25, 26, 125—127. Кузнецов Р. С., Вайбулатов Н. В., Шугаев С. И. Декоративное искусство Башкирского народа. Уфа, 1979. С. 41—63.

¹⁵ Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнографической монографии. Уфа, Башкир. Голос. Башкир. Голос. Этнографическая обсерватория. 1925. Ч. 1, кн. 3. Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографическая обсерватория. М., 1922.

Одежде северо-восточных башкир. Справа — костюм свахи. Материалы экспедиции 1977 г. Худ. И. Ф. Кибальник

Вышивка на традиционных нагрудных повязках. Музейные материалы. Худ.
И. Ф. Кибальник

Для башкирских сапог были характерны широкий носок, относительно прямой по всей длине, слегка приподнятой уступом на голени голенище. Шов располагался сзади. Обувь шили по одной колодке, одинаковую для обеих ног. Высота сапога доходила до колена. Носок сапога хрюкал отдельно, иногда он заходил на голенище спереди мыском. Задник в некоторых случаях вырезался вместе с голенищем. Праздничные сапоги, особенно женские, могли быть на высоком каблуке. Нередко каблук отсутствовал, но пятка укреплялась несколькими слоями кожи и на это утолщение заходила подошва.

На праздничные сапоги было принято набивать шпунты, подковки. На заднике дратвой или конским волосом обозначался несложный контурный узор; иногда это выкладывали тонкой крученой привадошкой.

До сих пор описания башкирских сапог в этнографических работах не было. В связи с этим здесь приводятся подробные данные о четырех парах сапог (двух женских и двух мужских) из фондов Государственного музея этнографии в С.-Петербурге:

№ 1234—14. Женские кожаные сапоги на высоких, 6 см. суженных к низу каблуках, на толстой (1,5 см) подошве. Выпуклые задники, выкроенные отдельно, украшены гвездами с большими медными шляпками и строчкой. Высота сапога 45 см. Голенище, длиной 34 см, сшито из мягкой кожи, ширина его в сложенном виде 18 см. В музейной описи отмечено, что подобные сапоги были распространены главным образом в горах по Инзеру и в верховьях Белой у башкир-кайтаев.

Данная пара была приобретена С. И. Руденко в 1907 г. в дер. Серменево Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии.

№ 29829. Женские сапоги из черной кожи на сплошной кожаной подошве (длина подошвы 24 см). На пятке утолщение из нескольких слоев кожи, на него заходит подошва. Носок широкий, круглый, соединен с голенищем внутренним швом. Высота сапог 41 см. Ширина голенищ от 17,5 до 19,5 см. Верхний край слегка приподнят на колене. В задний шов на пятку вделаны мелкие кораллы.

Сапоги приобретены в 70-е годы прошлого века в Челябинском уезде Оренбургской губернии для этнографической выставки в г. Москве.

№ 29815. Мужские сапоги с круглыми швами и невысоким, 2 см, каблуком. Голенища со швом сзади, выкроены вместе с задником. Высота сапог (без каблука) 43 см. Носок с небольшим мыском, заходящим на голенище. Подошва (длина 27 см) покрывает уступом каблук. В задней части, ближе к пятке, она укреплена двумя металлическими выдуками шпунтами.

Сапоги из той же коллекции, что и предыдущие.

№ 29816. Мужские сапоги из желтоватой кожи. Носок выкроен в форме полумесяца, голенище — вместе с задником; шов сзади. Носок нашит на голенище конским волосом редким приметочным швом. Пяточная часть укреплена несколькими слоями кожи, создающими видимость каблука. С внешней стороны по краю задника «каблука» околтурен помиской кожей, приметанной поперху редкими стежками. Высота сапог 39 см, длина подошвы 27,5 см.

Приобретены там же.

На фотографиях пачеда XX в. (ГМЭ), коллекция М. А. Круковского можно увидеть немало мужчин из башкирских селений в традиционной одежде и сапогах кустарной шарабитки. Для обуви характерны низкий каблук, широкие носы. Мягкие высокие голенища (верхний край прикрывает обычно кафтаном или халатом) сметка припущены «армошкой». Такая манера ношения сапог в конце XIX — начале XX в. стала своего рода модой.

Рисунки XVIII — начала XIX в. (иллюстрации в книге П. С. Палласа и в других изданиях этого периода, произведения западноевропейских мастеров с изображением башкир — участников Отечественной войны 1812 года) зафиксировали на мужчинах сапоги и несколько иной формы: узкие в ширине каблуке, с отрывными носами. В прошлом в Башкирии, как и в Средней Азии, они имели некоторое распространение в знатных слоях общества; имели с шелками, драгоценными камнями, ковровыми поясами и другими предметами роскоши, их привозили с Востока. Можно заметить, что обувь с заостренными носами была популярной и среди монголов, в свое время оказавших влияние на культуру тюркоязычных народов.

Сапоги с широкими прямыми носами были, по всей вероятности, исконно тюркскими. В их форме, как и в обычаях использования в быту, обнаруживается много общего у башкир, казахов, киргизов и других, близких по происхождению народов.

Во второй половине XIX — начале XX в. среди мужского башкирского населения пользовались спросом фабричные сапоги «Чиневники и достаточные башкиры носят сапоги русского изделия», — пишет в середине прошлого столетия Н. Казанцев¹⁶. О «русских сапогах» — распространенной обуви у башкир Красноуфимского уезда — можно найти сообщение в 80-е годы в пермской губернской газете¹⁷.

Из разряда низкой кожаной обуви на твердой подошве в башкирских селениях было распространено два вида.

Низкая кожаная обувь в виде туфель — башмаки (башмак, ката, хун калуш): для нее были характерны прикрывающий подъем глубокий носок, низкий задник, каблук. В северных районах Башкирии, в Челябинской и Курганской областях башмаки носили женщины и мужчины, причем надевали их не только на вязаный или суконный чулок, но и на сапожки ситек. Особых украшений на обуви не было, тем не менее она считалась праздничной, входила в состав свадебного костюма.

На значительной территории, включая южные и центральные районы, туфан-ката являлись женской праздничной обувью. Их принято было надевать на белые суконные чулки. Обувь отличала устойчивая форма, невысокий, около 3 см, каблук. У минцев, бурзян, усурган тигсаурян, кижинях кыпчаков обувь украшали выстриженным на заднике узором, цветными кисточками, узором из крученой проволочки, заклепками. На каблуки набивали медные подкладки, шпунты, гвозди с большими шляпками.

Пара праздничных женских туфель сохранилась в московской коллекции Государственного музея этнографии в С. Петербурге (№ 29826). Они были изготовлены в прошлом столетии и приобретены в Челябинском уезде Оренбургской

¹⁶ Казанцев Н.
Описание Башкир
стр. 124—125.
¹⁷ Пермская г.
Башкирское ведомо-
сти 1867 № 5.

губернии. Их отличает подквадратный носок, прикрывающий подъем ноги мысовидный выступ. Высота задника 6,5 см. Он уплотнен слоем кожи и оторочен по краю кожаной полоской зеленого цвета. На внешней стороне по бокам задника нанесен контурный узор в виде сдвоенных наклонных линий, за ними выстроена полурозетка. Пяточная часть уплотнена слоями кожи, на которые находит подошва. При соединении деталей применены внутренние швы. Другие кожаные туфли (ГМЭ, № 2881—429), из дер. Уметбаево (Белорецкий район), имеют толстую в несколько слоев подошву и высокий наборный каблук.

Кожаные:
а—туфли;
б—башмаки

На севере и северо-востоке в некоторых зажиточных семьях, помимо уличных, имелись узорные комнатные туфли кауеш с верхом из мягкой кожи или бархата. Нередко у них были несоединяющиеся задник и носок. Такие туфли, как правило, изготавливались татарскими мастерами.

В северо-западных районах, по соседству с Татарией, башмаки с глубокими головками, почти без задников, служили уличной обувью мужчин. Мужские кожаные туфли (*калуш*) имеются в фондах бывшего краеведческого музея г. Уфы (БГИКМ, № 3215). Они приземисты, со слегка удлиненным носком, низкими задниками; спереди они прикрывают подъем ступни. В примечании отмечено, что эти башмаки — татарской работы.

Нужно заметить, что мелкая обувь из плотной, тщательно выработанной, кожи в Башкирии была привозной. Татария — один из центров ее производства, но лишь в последние века она являлась активным поставщиком кожаной продукции. В средневековье и в древности традиции изготовления подобной обуви были связаны с арабским и иранским Востоком. Под его влиянием низкие кожаные башмаки стали повседневной и праздничной обувью в Средней Азии, на

Кавказе. Здесь выросли своеобразные центры их изготовления (Хива, Новый Ургенч и др.), снабжавшие отчасти и Поволжье. Под влиянием разных ремесленных школ время от времени менялась форма калош, высота каблука, форма носа; появлялись туфли без задника. Привозили обувь всевозможных фасонов из Ирана, Турции, с Кавказа. Попадал импорт прежде всего в состоятельные семьи.

Особенностью, присущей башкирам и татарам, как и тюркам Средней Азии (узбекам, уйгурам, туркменам и др.), было ношение мелких кожаных калош с сапожками — ичигами. У пожилых людей (в первую очередь, мужчин) такая обувь

хранилась и использовалась в торжественных случаях: в ней шли в мечеть, в гости. При этом, заходя в помещение, калоши оставляли у порога. Позже вместо кожаных распространились резиновые калоши.

Почти по всей Башкирии и за ее пределами использовалась глубокая, до щиколоток, обувь на небольшом каблуке, с широкими носами. Она напоминала сапоги с урезанными голенищами. В конце XIX — начале XX в. такая обувь часто фигурировала под названием *жуцьсы калуш* — «калоши с голенищами». Она являлась уличной обувью мужчин и женщин, в первую очередь — пожилых. Носили ее, как и мелкие калоши, с шерстяными вязаными, суконными, войлочными чулками, надевали на ичиги.

В некоторых северных районах, а также у отдельных групп центральной Башкирии и в Зауралье глубокие кожаные калоши (*ката*) служили рабочей мужской обувью. Напро-

тив. на юго-западе, в бассейне р. Демы, украшенные подковками, цветной строчкой, тиснением, металлическими накладками, обшитые по краю красным сукном глубокие башмаки, как и мягкие, являлись праздничной обувью женщин.

Подобной обуви не знали тюркские народы Средней Азии. В то же время она была распространена в южных, центральных и восточных губерниях России — причем не только у тюркского, но и финно-пермского и славянского населения. Из письменных источников известно, что еще в XII—XIV вв. на Руси существовало производство женских глубоких башмаков «котов»¹⁴. Эта обувь относилась, по-видимому, к рядуу самостоятельной славянами и домонгольской время у скотоводческих племен. Она находила большой спрос в России и в более позднее время. С веками ее производство территориально расширилось. Изготовленные на восточноевропейских фабриках «коты» в XVII в. доставлялись в большом количестве на центральные и местные ярмарки, шлозились в Сибирь; затем и там было налажено собственное производство¹⁵.

Праздничные фабричные «коты» украшались цветным сукном, сафьяном, декоративными блестками, бусинами, бубенчиками. Возможность приобрести парадную женскую обувь фабричного изготовления объясняется ее широкое распространение в XIX в. у башкир, особенно в приуральских районах.

Мужские глубокие калоши нередко шили в башкирских деревнях местные сапожники. На них рыхдовалась кожа домашней выделки. Пара кожаных калош сохранилась в составе коллекции, приобретенной в 1907 г. С. И. Руденко в юго-восточном Зауралье (№ 1234—13, дер. Исыяново близшей Буралинской башкирской дачи Орского уезда). Их характеризует широкий и довольно шеский, более 3 х см, каблук с металлическими подковками. Верхний край отвернут и прикреплен приметочным швом. Выступающая пяточная часть украшена фигурными металлическими накладками. В примечании сказано, что такая обувь в начале XX в. встречалась среди башкир повсеместно. Ее надевали на мягкие сапожки. Очевидно поэтому башмаки шились достаточно просторными.

Отдельные экземпляры глубоких калош башкирской работы нам приходилось встречать в сельских краеведческих музеях южной и юго-восточной Башкирии. Отличал их тот или иной декоративный элемент на заднике: это мог быть прикрывающий шов треугольник кожи, металлические пластинки в середине и по бокам запяточной части, в редких случаях тисненый узор в виде зигзага, слочки, перекрывающихся линий.

Мягкие сапожки ситек были известны во многих башкирских аулах. Эта обувь носла в себе элемент престижности: ее носили пожилые люди (чаще — мужчины) из зажиточных семей. Сами шили ее редко, предпочитая покупать на ярмарках изделия казанских, оренбургских, среднеазиатских мастеров. Приходили они также из Дагестана и Закавказья. Мужские сапожки обычно были черными, женские — цветными, красными, зелеными, коричневыми. Встречались нарядные желтые, белые, украшенные кожей мозаикой, цветной строчкой, контурной вышивкой. Иногда узор покрывал всю поверхность сапога.

¹⁴ Мокшалева Г. С. Историко-этнографический очерк культуры и быта населения в Урало-Восточной Сибири. — Доклад на Всероссийском съезде этнографов 1924 г. № 2. С. 58. Впервые П. М. Мещеряковская «Обувь XIII—XIV вв. Древней восточной Руси» — журнал «Историческое обозрение», № 11, 1902 г. С. 38—40.

¹⁵ Власов О. И. Ремесло в Сибири. Западная Сибирь. Ученые зап. Казан. ун-та. Сер. Филол. и ист. науки. 1964. Т. 66. № 1. С. 107—108.

С. И. Руденко говорил о позднем распространении этой обуви среди башкир, о ее нехарактерности для них в прошлом²⁰. В начале XX в. в Башкирии было немало населенных пунктов, где эту обувь не носили. И все же создается впечатление, что у целого ряда кочевников, особенно кыпчакского происхождения, она существовала искони.

Многие исследователи подчеркивают активную роль татар в распространении в XIX в. ичигов не только в Поволжье, но и в Казахстане и Западной Сибири. В Татарии существовали центры по производству ичигов, в первую очередь узорных; кроме ремесленных мастерских обувь производили два

Женские ичиги.
Давлекановский район, 1969 г.

²⁰ Руденко С. И. Башкиры. 1955. С. 142.

²¹ Гупова Ф. Татарская национальная обувь (искусство кожаной мозаики). Казань, 1983.

²² Ангилева К. И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе, 1962. С. 231; Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в XIX—начале XX в. М., 1976. С. 158; Томилов Н. А. Этнография саркоказанского населения Томского Приобья. Томск, 1980. С. 144.

крупных предприятия²¹. Большой популярностью в западной и северной части Башкирии пользовались казанские ичиги с богато орнаментированными голенищами. Вместе с тем небезосновательно предположение, что у ряда тюркских народов (киргизов, ногайцев, западносибирских татар)²², наверняка и у башкир, раньше были свои разновидности мягких сапог.

В ряду кочевничьей обуви ичиги представляются кожаными чулками. Не случайно повсюду их носили с обувью на твердой подошве — кожаными калошами или башмаками. Очевидно, и в далеком прошлом в быту скотоводов они считались роскошью. В той или иной форме мягкие сапожки надолго сохранялись в быту кочевых племен тюркского про-

исхождения. Для них использовались козловая и баранья кожа мягкой выработки. Существовали и более простые варианты сапог: из материала менее качественного, однотонные. Известно, что у башкир-юрматынцев по берегам Демы встречались ичиги с суконным верхом.

Обувь с суконными голенищами представлена у башкир несколькими видами.

Наиболее самобытны сарыки (сарык) с головками из грубой, домашней выделки, кожи и длинным суконным верхом, закреплявшимся под коленками плетеными шерстяными шнурками. В конце XIX в. их носили по восточным склонам

Вышитые
женские
сарыки.
Курганская
область, 1972 г.

Уральских гор и в зауральских степях — в Челябинской и Курганской областях. Надевали их на суконные чулки или портянки. У женщины они входили в состав свадебного и праздничного костюма; белые голенища украшали цветной аппликацией. В горных районах сарыки применялись в качестве мужской рабочей обуви.

Мастерами по изготовлению сарыков были женщины. Кожаная часть выкраивалась в виде двух полуовалов, большой выполнял роль подошвы, меньший — носка. Два небольшие (до 3 см) подрезы помогали сформировать жесткий прямоугольный задник, при этом боковые кусочки кожи накладывались друг на друга, а средний закрывал шов; подошва по бокам слетка заходила наверх. Кожу сшивали конским волосом или конопляной дратвой большими наметочными стежками: по заднику выкладывался гребенчатый или рядный узор. Голенище выкраивалось из сложенного по длине куска сукна, шов приходился сзади. Высота голенища составляла 40–46 см, ширина — около 23 см.

На мужских, а также на рабочих женских сарыках на голенище на месте мыска и по бокам нашивались язычки кожи, над ними помещался узор из треугольников-амулетов (*бетегу*).

С вышивки на праздничных женских сарыках и другой суконной обуви восточных башкир в этнографической литературе последних десятилетий писалось неоднократно²¹. Основным способом орнаментирования голенищ была сухонная аппликация, в некоторых случаях она сочеталась с двойным тамбуром. Орнаментальная композиция могла вырезаться из сукна паликом и нашиваться на задник обуви в определенной последовательности. Не чаще орнамент выполнялся ленточками, прикрепленными с обеих сторон, декор приобретал особую рельефность.

В основе рисунка на заднике обуви была яркая композиция. Она подчеркивалась полукругом из треугольников, двусторонних завитков, «гребенки» и других элементов, соединенных в линии. Внутри арки и вокруг нее помещался тонко разработанный орнамент. Иногда внутреннее поле имело дополнительную цветную фону. Элементами орнамента являлись линии с завитками на концах, составлявшие при пересечении ромбическую сетку, турбулентную решетку и другие комбинации. В зависимости от сложности и плотности узора различались в народе простые сарыки — четырех- и шестикускарные²², а также богато орнаментированные восьми-, десяти-, двенадцатикускарные.

Вышитые сухонные голенища, как и сама обувь, представлены довольно хорошо не только в музеях Уфы, но и Челябинска, Кургана, Учалов, а также в Государственном музее этнографии С.-Петербурга. Их можно увидеть и в башкирских деревнях Челябинской и Курганской областей. Из множества подобной обуви не найти и двух пар с абсолютно одинаковым узором. Изготовление сарыков каждый раз становилось для мастерицы увлекательным творчеством.

Образцы вышивки на голенищах обуви дают представление не только о допустимых сочетаниях кускарных узоров в единую композицию, но и показывают разную технику оформления задников голенищ.

Целесообразно привести данные, касающиеся обмеров сарыков женских и мужских:

№ 7175—3б. Женские сарыки из Государственного музея этнографии. Приобретены в 1959 г. в дер. Нов. Соболево Ардяинского района Челябинской области. Высота голенища 40 см, ширина в сложенном виде 23 см. Высота вышивки на заднике 27 см. Верхний полуовал кожи, образующий носок,

²¹ В данном случае узор — неотъемлемый элемент армянской женщины на заднике обуви, включенный в традиционный ромб.

²² Руденко С. И. Башкиры. 1935. С. 197, 292—297; Демьянская С. А. Башкирские М. В. Кулиев Р. Г. Девять тысяч лет в истории Башкирии. С. 125–126; Фрунзе И. И. Вышивка в Декоративном искусстве Башкирского народа. С. 80—81.

имеет высоту 13 см, ширину на подъеме ноги 14 см. Нижний вытянутый полуовал — шириной в средней части 16 см, длиной 28 см, из них 2,5 см загибается назад, формируя задник, 25,5 см образует подошву; способ формирования задника традиционный. Голенщик над задником присборено, за счет этого вышитая часть выглядит объемно.

№ 6490. Мужские сарыки из Башкирского историко-краеведческого музея. Приобретены в 1971 г. в башкирском Зауралье (дер. Казаккулово Учалинского района). Высота голенщика 33 см, ширина в сложенном виде 22 см; сверху белое голенщике обшито черным сатином. Высота носка 11,5 см.

Новые лапти.
Нуримановский район, 1970 г.

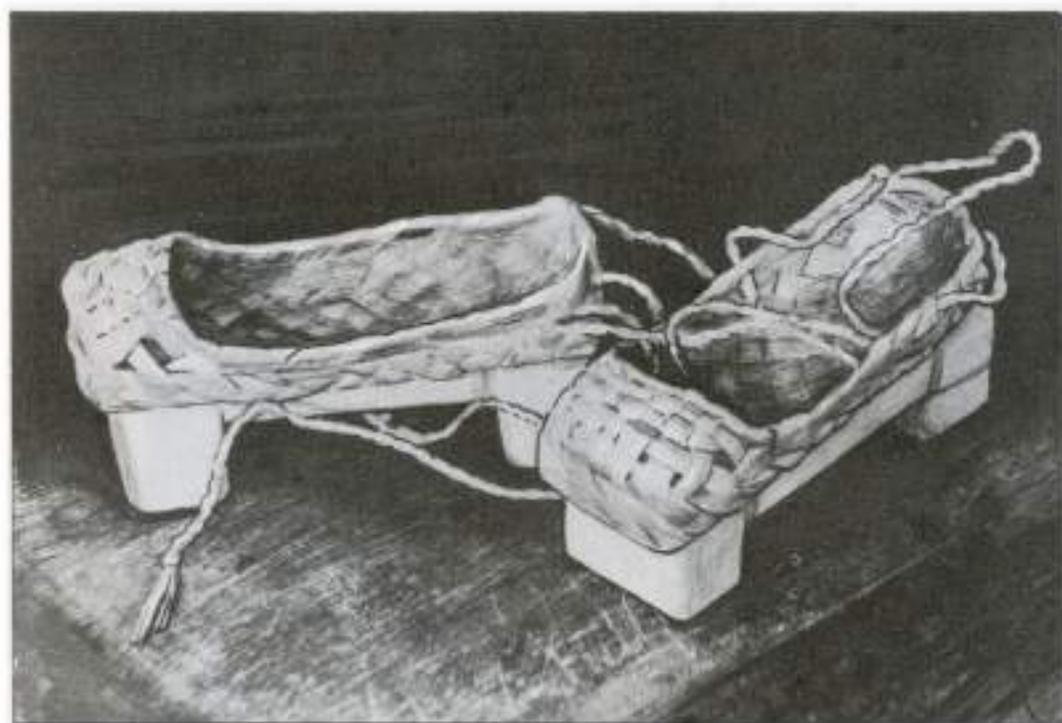

Длина подошвы 26 см; ширина в средней части 11,5 см. Над подошвой к сукну пришито 4 полуовала — язычка; высота переднего 16,5 см, заднего 13 см, боковых — 7,5 см. Кожаная накладка на заднике украшена «елочкой». Все швы располагаются поверху, выполнены грубыми стежками. Можно заметить, что эти сарыки значительно ниже женских челябинских.

Искусство аппликации у башкир перекликается с традициями тюрко-монгольских кочевников, на которых в свое время оказала влияние художественная культура населения древнего Алтая и всего юга Сибири. Вместе с тем аппликация и вышивка на суконных голенщиках башкирской обуви в восточном Зауралье настолько своеобразна, что с полным правом можно говорить о длительном самостоятельном ее развитии и формировании в высокое по уровню мастерство.

В некоторых группах деревень на основной территории Башкирии появились местные излюбленные приемы украшения сарыков. В Учалинском и Абзелиловском районах распространенной деталью на женских сапогах стал двусторонний завиток («интеграл»); несколькими рядами таких завитков окружали арку, иногда заполняли центральное поле, почти не оставляя фона. Образцы подобных сарыков имеются в Учалинском краеведческом музее. В горных районах, ближе к Инзеру, голенища украшали поперечными цветными полосами, рядами треугольников, уголков, орнаментом «гребенка» и др.

Лапти
на «подставках»,
Белебеевский
район, 1969 г.

Основным украшением детских сарыков (ГМЭ, № 3075—1) стали полосы аппликации у их верхнего края. Использованы зубчатые линии и мотив «бегущей волны»; край нашивок обведен тамбурным швом. В нижней части голенищ нашиты кожаные язычки, ромбы и треугольники-амулеты.

В ряде деревень на стыке Учалинского и Абзелиловского районов кожаные треугольники и ромбы покрывали значительную часть голенища и служили главным декоративным средством украшения не только мужских, но и женских сапог.

В фондах Башкирского историко-краеведческого музея имеется редкий экземпляр обуви — сарыки с короткими холщовыми голенищами на подкладке, украшенными поперечными узкими ленточками синего, красного и зеленого цвета. Сзади шов голенища укреплен полосой ткани.

Одновременно с сарыками в ряде районов существовала другая обувь с суконным верхом — *бышым* или *ишем ката* («башмаки с голенищами»), *ката*. Ее особенностью был кожаный низ на твердой подметке и с каблучком. В зависимости от высоты суконного, реже холщового голенища можно выделить несколько разновидностей этой обуви.

Праздничные женские *ката* восточного Зауралья с длинными белыми голенищами, закрепляемыми под коленками плетеной тесьмой, по форме голенищ и их орнаментации идентичны женским сарыкам этой территории. Такие сапоги являлись обувью молодых женщин и девушек; они имелись

Лапти
и суконные
чулки.
Кармаскалин-
ский район,
1970 г.

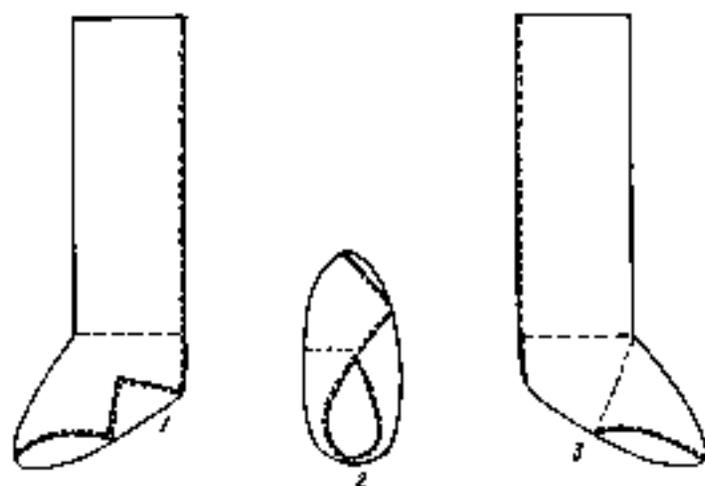
только в состоятельных семьях. Кожаный низ украшался цветной строчкой, тиснением, бисером, монетками, металлическими накладками, шерстяными кистями — теми же средствами и приемами, что и женские туфли.

В бассейне Инзера и Сима были приняты в качестве женской обуви низкие *ката*, с голенищами 15—20 см высотой. Чтобы они держали форму, голенища подбивали войлоком. Украшали голенища поперечными разноцветными полосами из красного, зеленого, оранжевого, синего сукна. Цветная полоска прикрывала вертикальный задний шов. Кое-где такую обувь обшивали по краю цветной тканью, мехом. Надевали ее на суконные чулки, в свою очередь украшенные аппликацией.

У тамбашцев и тангауров Абзелинского района сапоги с кожаным низом на твердой подошве и высокими суконными голенищами, украшенными четырьмя полуovalами кожи, служили самой распространенной обувью мужчин.

Преимущественно мужскими были башмаки с небольшим холщовым или суконным верхом на вдержке; использовалась не только светлая, но и темная ткань. Эта обувь встречалась на северо-востоке Башкирии и в центральных районах, на юг и восток от Уфы. Она выполняла роль перчатки в период распутия или рабочей: надевалась на лесоразработки, в сенокос.

Панрой
суконный чулок

Меховая обувь из шкуры лошади, коровы, а в прошлом также оленя или лося принадлежит к наиболее архаическим видам обуви, распространенным некогда у населения приуральской зоны. Она была приспособлена к условиям тунги. Ее изготовление не требовало сложного раскроя, поскольку использовалась часть кожи с кожными султанами животного, ворс оставался снаружи. К краю пришивалась полоса ткани, в подгиб вставлялась веревочка. Верх затягивался вокруг ступни. К началу нашего века такая обувь (*хымдырх*) сохранилась у башкир в качестве рабочей (в ней ездили в лес за дровами за сеном) или охотничьей, промысловой и использовалась при ходьбе на лыжах. Ее могли надевать и мужчины, и женщины. Известна она была у северо-восточных и северных башкир. Отдельные воспоминания о таком роде обуви сохранились в предгорьях у тамбашцев и в горах у бурзян. Степные скитоводы-кочевники ее не знали. Зато у тюркских народов, живущих севернее (коми, манси, хантов), она существовала в разных вариантах.

Как и в сарыки, в нее клали сухую траву и надевали на суконный или холщовый чулок.

Очевидно в прошлом, помимо короткой обуви, была и длинная, с суконными голенищами до колен. Именно о ней

Девушка из северо-восточных районов в праздничной одежде. Конец 50-х годов. Худ. Г. И. Мухаметшин

Вышивка двойным тамбуром на фартуке. Челябинская область. Экспедиция
1972 г. Худ. В. М. Шутова

и писал Н. Попов в «Хозяйственном описании Пермской губернии»²¹. У северных башкир сохранился термин *бышым кынйырак* — «кынйырак с голенищами».

К обуви, вошедшей в быт башкир в Приуралье, относятся лапти (*сабата*). Областью распространения обуви из размягченных полос древесной коры издавна являлась зона произрастания лиственных лесов, прежде всего липы. Это была средняя часть Восточной Европы, включавшая и Приуралье. Лапти носили не только русские крестьяне, но и финноязычное население Поволжья (мордва, марийцы, удмурты), а также коми и коми-пермяки. Тюркские племена, как видно, пе-

Узорные чулки.
Караидельский
район, 1963 г.

²¹ Попов Н. С. 17.

реняли лапти у местного населения, продвигаясь в зону лесов Прикамья и Поволжья. Большой популярностью в последние века эта обувь пользовалась у чувашей. Наряду с кожаной обувью носило ее татарское население; в XIX в. кое-где в Татарии лаптиплетение стало промыслом, в которой были включены целые деревни²⁵. Несколько иная картина наблюдалась у башкир.

На значительной территории, включавшей восточное и юго-восточное Зауралье, южные отроги Уральских гор, степные пространства юго-запада республики и Оренбургской области, лапти в прошлом не носили. И все же неправильно было бы считать, что лапти для башкирского костюма не характерны. Существовала значительная по площади область, охватывавшая бассейн западного Ика, нижней Белой с впадающим в нее Быстрым Танышем и ряд более восточных районов до берегов Караидели, где плетеная из лыка обувь являлась у большей части населения не только повседневной, но и в исключительных случаях и праздничной. Южнее и восточнее этой полосы пролетала зона, куда входил северо-восток современной Башкирии, приуфимские и забайкальские районы, а также крайний запад республики, где лапти надевали на сенокос и в жатву. Не всем этом пространстве плетеную из лыка обувь умели делать сами. Были башкирские мастера по изготовлению лаптей кое-где и в горных районах: в окрестностях Белорецка и других при заводских поселениях, в аулах на юге Буздякского района. Однако в торах плетеная обувь не входила в обязательный состав народного костюма; ее появление у местных башкир могло быть связано с развитием лесоразработок и горнозаводского строительства в XVIII—XIX вв. и вовлечением в эти работы мужского башкирского населения, женщины в горных аулах лаптей не носили.

По берегам Демы, Уршак и Ашкадара лыковую обувь не делали, не было сырья, но для сельскохозяйственных работ лапти покупали на окрестных базарах у чувашей, татар, русских, мордвы из соседних деревень или у башкир изобилующего южной линией Приуралья.

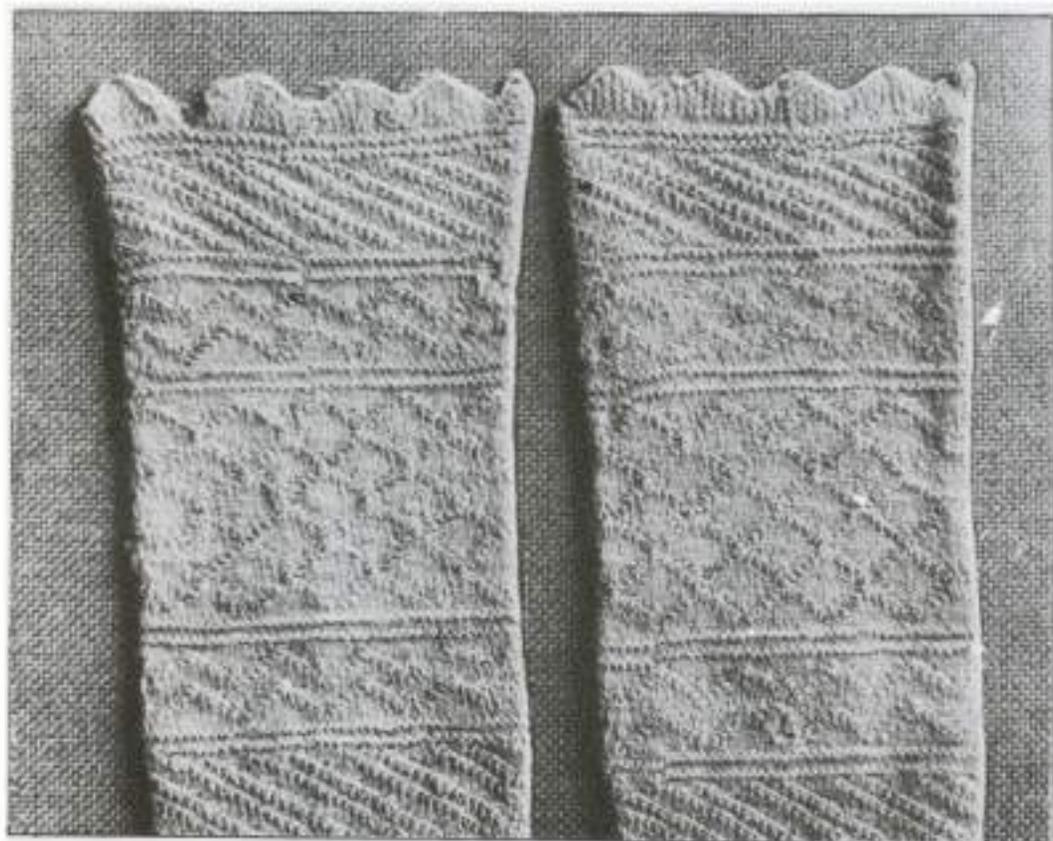
Для лаптей, распространенных среди башкир, было характерно кривое расположение полос лыка на подошве, прижим на «личики». Прямой носок имел подтреугольную форму, приподнимаясь в середине небольшим выступом. Сплетенная в два слоя подошва сдвигалась вверх, образуя выступ, напоминающий «косичку». Основание лапта было приближено к прямоугольнику; четко обозначены углы у задника и на передке. Низкие борты не превышали 4 см, глубина головки около 5 см. Плетли лапти от головки, в 7 лыковых полос. Оборы были мечалыны; их забирали в борты при плетении, формируя край. В средней части боковых сторон оставляли по отверстию, через которые пропускали оборы, надевая лапоть. Перекрестив оборы на подъеме ноги, обхватив длинным концом триколку, их завязывали снаружи. Лишь в некоторых северозападных деревнях на мужских лаптях могли быть длинные оборы, но и они не доходили до колен. К башкирским лаптям близки лапти, распространенные у татар и чувашей. Вместе с тем техника плетения лаптей у всех этих народов близка марийской. У марийцев башкирами и татарами были заимствованы не только главный принцип изготовления обуви от головки, но и логкое перекручивание

²⁵ Воробьева И. И. Материальная культура татар Поволжья. Сб. «Татарская культура», 1910 г. № 2, 325.

полос в начале работы, за счет чего многие башкирские лапти, более глубокие, чем марийские, кажутся сплетенными неплотно. Большая глубина головки лаптей у тюркских народов Поволжья явилась усовершенствованием, естественным при обстоятельствах, когда сплетенная из лыка обувь стала использоваться прежде всего в качестве рабочей.

На крайнем юго-западе Башкирии, где мордовскими поселенцами было основано немало деревень, в башкирские аулы попадали с базаров лапти, изготовленные мордовскими мастерами. Люди старшего поколения вспоминают, что в 20-е гг. носили лапти из 9—12 лык, но сами их делать не умели.

Узор на чулках.
Нуримановский район,
1982 г.

Вместе с лаптями некоторыми северо-западными башкирами от волжско-камского населения были заимствованы холщовые онучи *ыштыр*. Носили лапти также с вязаными или суконными чулками.

В бассейне Ая и по берегам его притока Ика башкирское население, изготавливая лапти, укрепляло подошву берестяными полосами. Сочетание бересты с лыком практиковалось на крайнем севере Башкирии и в Пермской области при изготовлении лаптей с небольшим тканевым верхом, затягивающимся вокруг ноги на шнурок (*бьшымлы сабата*). Их носили женщины и мужчины, надевая летом и зимой. Один

экземпляр такого рода обуви, приобретенный у байинцев, имеется в С.-Петербурге (ГМЭ. № 1002—24). Использование бересты у северных башкир не случайно: береста являлась основным материалом при изготовлении плетеной обуви на всем севере России.

Типично сатарскими надо признать лапти, укрепленные на дощечках, вырезанных в виде скамеечки, реже в форме подошвы. Их называли *кутармале габита* — «лапти на подставках». В них было удобно ходить по двору и улице в грязь. Такие лапти носили молодые женщины в некоторых северозападных башкирских деревнях.

В заключение хотя бы вкратце стоит остановиться на особенностях башкирских чулок. Существовало несколько их разновидностей: войлочные (*кейез ойок*, *байлак*), сухошные (*гула ойок*), холщовые (*килдер ойок*), шерстяные вязаные (*байлам ойок*). У мужчин, кроме того, были портянки. В последние десятилетия распространились шерстяные вязаные носки.

Сравнительно редким видом чулок, даже в прошлом столетии, являлись войлочные. На Южном Урале их носили бурзяне, тангауры и усергане. У названных башкирских племен они были самой распространенной домашней и уличной обувью; выходя за пределы дома, на них надевали кожаные каалоши. Особенно нарядно выглядели такие чулки у усерган, их украшал цветной задник, верхний край был расшит разноцветными узорами, выполненными цветным сукном. В далеком прошлом войлочные чулки были, очевидно, распространены у многих кочевников Европы и Азии.

Как видно, с кочевым бытом были связаны и чулки, сшитые из сукна, хотя появление последних предполагало овладение навыками ткацкого производства и искусством сложного кроя. Как и войлочные, их носили мужчины, реже женщины в кожаной и восточной Башкирии. В северных районах домашнее сукно изготавливали не во всех хозяйствах: не хватало овечьей шерсти. Однако навыки изготовления суконных чулок не были утрачены; в некоторых аулах их можно было встретить в 50—60-е годы нашего века. Иногда по типу суконных здесь шили холщовые чулки.

Зафиксировано два варианта суконных чулок. Более просты дельнокроевые чулки из полотнища ткани, сложенного пополам по ширини (задни и заднего) снизу кпереди на конус. В этот шов вставлен небольшой, около 12 см, каплевидный следок (БГИКМ. № 3448). Весь чулок был около 60 см при ширине 20 см. В другом варианте к прямому голенищу пришивался поперечный кусок ткани для стопы; как и в первом случае, подошву формировал маленький следок. На пятке углы заготовки закладывались друг на друга, образуя утолщение.

В горной Башкирии и в восточном Зауралье существовали праздничные белые чулки с красной обшивкой и полосой аппликационного узора из завитков «кускарма» [*китилы кускар*] по верхнему краю; иногда сверху пришивалась полоса ткани, вышитая сметной гладью, тамбуром.

По данным С. И. Руденко, в начале XX в. по всей Башкирии носили вязаные чулки, белые и коричневые; причем женщины надевали их чаще мужчины²⁸. Их сочетали с мягкой кожаной обувью и лаптями.

На крайнем севере, в северо-восточных районах республики и в пограничных районах Челябинской и Свердловской областей в 50–60-е годы прошлого века были модными белые чулки с рельефным узором на паголенках. Вывязывались линии зигзагов, ромбическая решетка, одиночные и строгие горизонтальные полосы и другие симметричные узоры. Носили такие чулки с резиновыми галошами, собирая на шнуровке «гармошкой». Узорные чулки были хорошо видны, поскольку подол платья подтыкали на боках за пояс.

К новым видам обуви, появившимся в башкирских деревнях лишь в последние века, относятся валенки. Их покупали у русских, удмуртов или марийцев, а также у татар. Появились в северных и зауральских деревнях и башкирские мастера-лимокаты. В начале века большой любовью у населения северных районов пользовались валенки, украшенные цветными нашивками и кисточками. Иногда узор из цветной шерсти был вывален в однотонную основу. Такие валенки назывались «кукмарскими» по названию фабрики на юге Удмуртии (г. Кукмары), выпускавшей народную обувь. Они имеются в коллекциях Башкирского историко-краеведческого музея.

О ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЯХ В ОДЕЖДЕ

При стилевом единстве народного костюма, однотипности одежды, одинаковости покроя и декоративных средств у башкир, как и у любого народа обнаруживается немало территориальных различий. Они видятся отчетливо в маршрутных этнографических экспедициях, рассчитанных на охват нескольких административных районов, а то и прилегающей территории соседних областей. Именно так из года в год в течение трех последних десятилетий проводились полевые исследования Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Результатом уже первых этнографических поездок, проведенных в конце 50-х годов, явилось описание одежды северных башкир, затем населения восточного Зауралья челябинских и курганских групп¹. Более подробная характеристика костюма северо-востока Башкирии была дана в очерке, написанном после обследования деревень по берегам рек Ай и Юрюзань². Накопление этнографических сведений позволило в середине 60-х годов составить карты распространения наиболее ярких в этническом плане элементов народного костюма: женских головных уборов, украшений некоторых видов обуви, праздничной верхней одежды, одежды из узорчатого халата. Карты были опубликованы в одном из томов серии «Археология и этнография Башкирии»³. Анализ картографического материала позволил надежды локализовать комплексы в башкирской народной одежде и дать их характеристику. Выводы относились к концу XIX — началу XX в., но имели глубокую историческую основу.

Локальные комплексы в одежде соотносятся с этнографическими группами башкир, сложившимися в течение последнего тысячелетия под влиянием природно-хозяйственных, культурных и политических факторов. Об этнографическом районировании, его принципах имеются подробные сведения в работах Р. Г. Кузеева⁴. С учетом достижений в советской истории, этнографии, языкознании Р. Г. Кузеев в конце 60-х годов внес коррективы в разделение территории проживания башкир на области и подобласти, проведенное в начале нашего века С. И. Руденко. Нужно отметить, что многие исследователи единодушны в выделении основных этнографических групп башкирского населения: северо-западной, северо-восточной (айско-юрюзанской), восточно-зауральской, юго-восточной, юго-западной; иногда отдельно говорится о центральных (горных) башкирах, Оренбургских и иртызско-

¹ Шинкаев С. И. Женская одежда и украшения башкир Архангельска в этнографическом альбоме Уфа, 1947 г. С. 263—264.

² Кузеев Р. Г., Киббулатова И. В., Шинкаев С. И. Этнография башкир (этнографический очерк) Уфа, 1961 г. Глава XX в кн. «Археология и этнография Башкирии» т. 1, С. 224—249.

³ Шинкаев С. И. Материальная культура башкир бассейна Юрюзань и среднего Ая. Археология и этнография Башкирии Уфа, 1972 г. С. 86—93.

⁴ Шинкаев С. И. Народная одежда Башкирии. Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1963. Т. 3. С. 160, 162, 166, 169, 172, 174, 176.

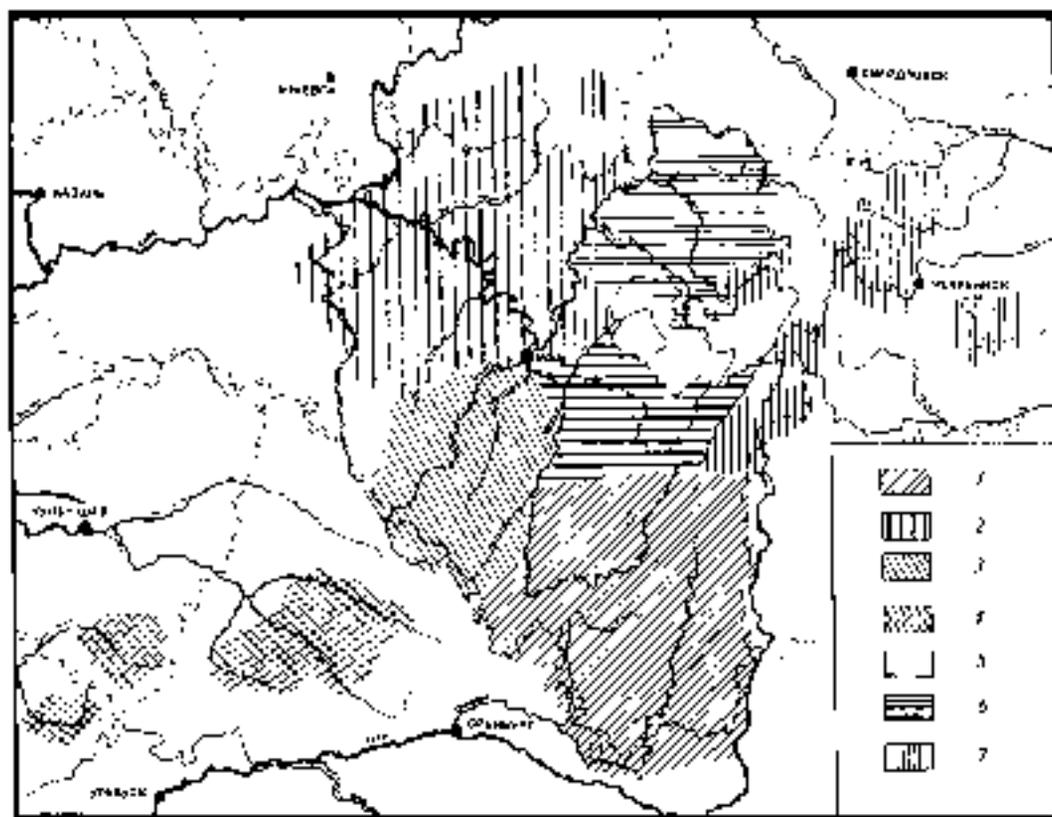
⁵ Шинкаев С. И. Башкирские костюмы и украшения XIX—начала XX в. в развитии этнографического районирования. Итоги науки и техники. Серия «Ученые труды Академии истории материальной культуры АН СССР» № 1962 год Уфа, 1966 г. 80—84. Были подробно изложены в кн. Археология и этнография Башкирии т. 1 С. 165—182.

⁶ Кузеев Р. Г. Этнография башкир. Группы башкир в XIX в. в истории этнографии башкир. Археология и этнография Башкирии т. 1

Основные этнографические группы башкир (на основе различий в одежде):
 1 — юго-восточная;
 2 — северозападная;
 3 — юго-западная;

мельких башкир относят к юго-западной области, однако исторически их правильнее было бы считать самостоятельной этнографической группой, в культуре которой перемешались юго-западные (преобладающие) и юго-восточные элементы. Постр этнический состав этого населения; в памяти старшего поколения в 60-е годы сохранились воспоминания о родственных связях с той или иной деревней в отрогах Уральских гор, в бассейнах средней Белой или Демы.

Цельным кажется культурный облик восточно-зауральских (челябинских и курганских) башкир, хотя и они отличаются сложностью этнического состава, а культурные ана-

4 — самаро-уральская;
 5 — северовосточная;
 6 — цыгулпанская (миллеровская);
 7 — восточно-зауральская

1 — Паймурзин С. М. Башкирская энциклопедия

2 — Кузнецов П. В. Башкирская энциклопедия

логии связывают их то с северо-востоком Башкирии, то с юго-восточными (преимущественно, горными) районами. Предполагается, что значительная часть челябинских и курганских башкир переселилась в Сибирь с Урала¹.

В основе культурного своеобразия этнографических групп лежали родо-племенные особенности. Имевшие в материальной культуре на протяжении II тысячелетия определялись интенсивностью хозяйственного развития: сочетанием скотоводства с земледелием, степенью перехода к орошаемости, расцветом домашних производств, вовлечением населения в активный товарооборот. Эти процессы затрагивали башкирскую территорию неравномерно. Южные и восточные, как

степные, так и горные районы, долгое время оставались скотоводческими. Внешние рыночные связи осуществлялись здесь более активно. Покупные кустарные и фабричные ткани определяли колорит костюма башкирского населения этих мест. На севере больше использовались материалы домашнего изготовления, конопляные, крапивные холсты. На развитие ткачества у северных башкир, бесспорно, оказало влияние местное финно-угорское население. Ранние этнические контакты с населением Прикамья и нижней Белли отчасти изменяли состав костюма, способствовали появлению новых видов одежды и украшений.

Таким образом, бытовой уклад этнографических (территориальных) групп формировался в зависимости от конкретных обстоятельств.

Народный костюм, по сравнению с другими сторонами материальной культуры, в своем развитии проявлял определенную консервативность. Этим объясняется тот факт, что отдельные его элементы обнаруживают весьма древние истоки.

В литературе неоднократно привлекалось внимание к территориальным различиям в материальной культуре и, прежде всего, в одежде башкир. В книге П. С. Палласа отмечены особенности костюма челябинских башкир — Исетской провинции. О населении среднего Забалья писал И. И. Лепехин, о приталинских башкирах — И. Г. Георги (XVIII в.). Северно-восточные уезды на рубеже XIX в. описал Н. Попов. Быт горных бурзян представлен в очерке А. Игнатовича (1863 г.), низер-катыйцев — в статье А. Берхольца (1898 г.). О населении южных и юго-восточных районов сообщали П. С. Назаров (1890 г.), С. Г. Рыбаков (1897 г.) и др. Исчерпывающие данные о распространении тех или иных видов одежды по территории расселения башкир содержатся в монографии С. И. Руденко (1925 г.).

Интересно отметить, что некоторые сведения (правда, довольно общего плана) о существовании в прошлом различий в одежде башкирских племен можно обнаружить в эпических сказаниях. Когда богатырь Аблай с берегов р. Сакмары попал в кочевку Масембая в верховьях Белой Гилы «Кара юрта», местные девушки сразу заметили в нем пришельца: «Ах, свет, одежда твоя говорит нам, что ты чужак»⁶. В сказании «Алдар и Зухра» геройня, встретив владника, прибывшего на просторы западной Башкирии из-за Уральских хребтов, еще не зная, откуда он, включает по его барской доле и обуви, что он «из степного народа»⁷. В повествовании «Алдар и Зухра» бий Кидряс, занимавший земли по р. Уфе и кочевавший летом у озера Кандры, видя прибывающих на обыкновенное им празднество соседей, дает им следующие характеристики: «Эти башкиры мои соседи, кочующие по берегам Кармасана, степи у них просторные и скотоводство великое. Овцы их приносят длинную и белую, как снег, шерсть, и для того видишь их одянутых в белую одежду... Гостей с реки Бирь он отреккомендовал как «великих звероловцев», обратив внимание на то, что каждый из них в шапке, сшитой из шкуры молодого медведя. Когда со стороны р. Демы показались всадники в красных кафтанах, Зухра, дочь Кидряса, заметила, что они охотятся в степи, двигаясь на лошадах ножами и лисиц, оттого-то у них шапки из черно-бурых лисиц. Северные жи-

⁶ Башкирское по
рассказу старейшего
Эпоса Уфа, 1907 г.,
С. 156.

⁷ Там же, с. 375.

тели, среди которых были и тайники. Были представлены как охотники на куниц и белок. «Их убивают там такое множество, что на всяком увидишь куницу шубу»¹⁰. Даже если допустить, что в период эпохи в какой-то мере налагя поэтический восторженный настрой неизвестного собирателя фольклора приведенный текст интерпресен как рязский литературный источник — своего рода документ, поскольку он записан, судя по посвящению, на рубеже XIX века или в самом его начале.

Многолетние экспедиционные поездки свидетельствуют, что население хорошо представляло особенности не только своего костюма, но и одежды ближайших соседей. Различия воспринимались не столько как территориальные, сколько как родовые/племенные. В ходе сбора материала по специальной программе¹¹ нередко можно получить любопытную информацию. При выяснении территории распространения видов одежды, головных уборов и украшений, нередко ответы: «У нас такого убора (или иного элемента костюма) не было. Так одевались соседи»: кавказцы (в других случаях: тамьянцы, кашаки и пр.).

Этнографами сделано немало не только по выявлению локальных различий, но и по обобщению всего собранного материала. В работах по декоративно-прикладному искусству писались о художественных особенностях народного костюма в районах Башкирии и за ее пределами¹². В монографическом очерке, посвященном башкирской одежде в конце 60-х годов была дана краткая характеристика территориальных костюмных комплексов¹³. За последние 20 лет были уточнены границы распространения многих деталей костюма, выявлены новые варианты головных уборов, украшений, обуви.

Описание каждого из территориальных комплексов возможно сделать лишь обобщенно; внутри выделенных территорий существовало множество вариантов одежды. Даже в пределах небольшого района или внутри деревни, при сохранении общей декоративной традиции, было сильно индивидуальное творчество. Следуя из района в район, можно обнаружить, как на смену одним украшениям и головным уборам постепенно приходят другие. В пограничной зоне они сосуществуют, даже новый вид становится преобладающим. Внутри больших территорий иногда выделялись небольшие районы со своими особенностями — прежде всего, в декоре и в оформлении украшений. Одновременно другие признаки (распространение узорного ткачества, домашнего сукноделия, отдельные виды одежды и обуви) были распространены на значительном пространстве, захватывая два-три этнографических района.

Выделенные локальные комплексы названы в соответствии с теми территориями, на которых были распространены: северный (охватывал западный Ик, междуречье Ика и Белой, Белой и Уфы, прилегающие районы Татарстана и Пермской области); северо-восточный (северо-восток Башкортостана: бассейны Юркзана, Ая, восточного Ика; соседние районы Свердловской и Челябинской областей), юго-западный (бассейн Демы, Уршак, левобережье Белой от впадения в нее Нугуша до устья Демы); юго-восточный (на большей территории, ограниченной с севера Стерлитамакско-Белорецким трактом, включающей горы, степные Зауралье, а также

¹⁰ Там же, с. 286—288.

¹¹ Методическое руководство Башкирской Программы для этнографического исследования. Уфа, 1975 (Одежда и украшения). С. 27—37.

¹² Акманганов С. А., Бибурдеев М. В., Кузнец Р. Г. Декоративно-прикладное искусство Башкирии. Уфа, 1964; Кузнец Р. Г. Шубы, лапы и т. п. Шигаев С. П. Декоративное искусство Башкирского народа. Уфа, 1979.

¹³ Шигаев С. П. Народная одежда Башкирии. С. 165—162.

соседние оренбургские районы по р. Урал); центральный (бассейн Зильма, Игера и верхний Белой), восточный (север Учаловского района, Кунашакский, Аргаяшский, Сосновский и другие районы Челябинской области, Сафакулевский и Альменский — Курганской), самаро-иртисский (токуранские и иргиз-камеликские башкиры).

Наиболее далеки по характеру северо-западный и юго-восточный комплексы, представляющие две этнографические группы башкир, сформировавшиеся в весьма различных природно-географических и исторических условиях.

Северо-западный костюмный комплекс характеризовало широкое использование при изготовлении одежды коннозавских, а затем хлопчатобумажных тканей домашней выработки. Они шли на женские платья и фартуки, мужские рубахи, штаны. Из домотканины в узкую полосу шили верхнюю одежду *сыба* (*гыба*).

Северо-запад отличался узорными бранями холстами. Выполненные в процессе ткачества разноцветные розетки располагались на клетчатой пестряди. Узор был сконцентрирован на рукавах платьев и рубах, в низу подола. В начале XX в. тканые платья и фартук составляли на северо-западе праздничный комплект. Так одевались молодые и средние лет женщины. Для мужчин и пожилых женщин привычной будничной и праздничной одеждой была обшитая позументом безрукавный камзол.

Покупное и домашнее сукно употреблялось для чекмешей — теплой мужской одежды. У женщин на зиму имелись валяные пальто *сырма* (*гырма*), реже шубы. Распространенной верхней одеждой был приталенный бешмет. Праздничные бешметы было принято шить из среднеазиатских тканей. Украшением женских холатов был позумент и ювелирная застёжка.

Кроме обычных головных уборов — платков и шалей — на северо-западе в прошлом носили белые покрывала *кыйык-са*. Невестки ходили в кумачовых платках с белыми узорами (*боркянесек*, *француз яулык*). В конце XIX — начале XX в. на северо-западе характерным убором были колпачки. Здесь существовали все виды колпачков, маленькие плоские, полуовальные, длинные мешкообразные. В числе последних — их холлах, сшитый из белой ткани или связанный из белых ниток. Первые два вида носили девушки и молодые женщины, последний закрепился в конце XIX — начале XX в. в costume старух.

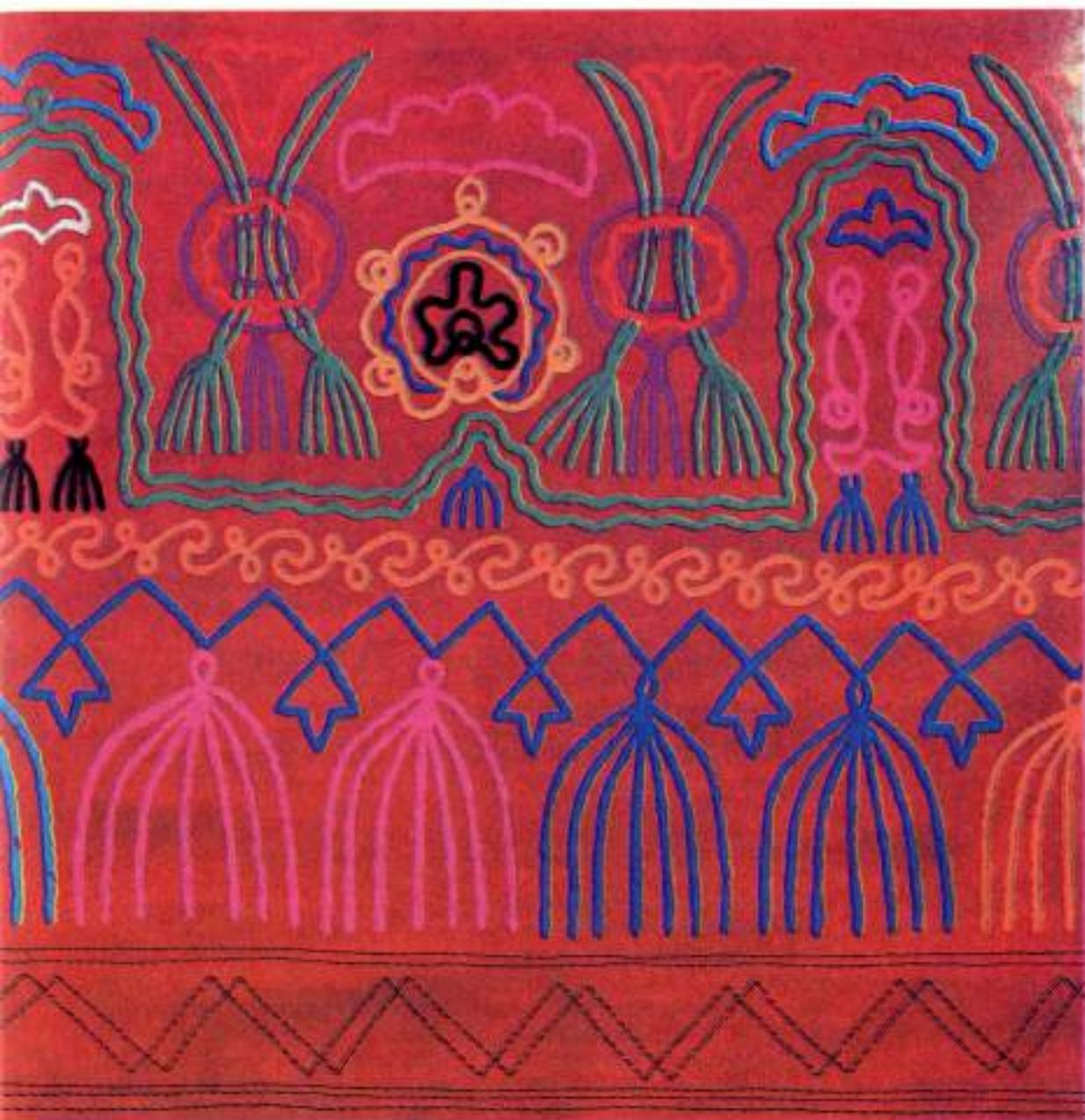
В междуречье Белой и Уфы в старину молодые женщины и девушки надевали шапочку с монетами и бусами (*тыкля*). Девичьи уборы в некоторых северных районах служили венчики с монетами (*мондайга*), к ним прикрепляли округлые подвески из цепочек с монетами. Самостоятельно существовала накрашенная полоса с ювелирными бляхами и другими металлическими нашивками (*саскал*, *аржалык*), имевшая петлю для закрепления на голове.

Головными уборами мужчин являлись разной формы тюбетейки, стеганые шапки, иногда отороченные мехом, катаные шапки.

Распространенной обувью были лыковые лапти. Их надевали с портянками, вязаными или суконными чулками. Совершенно носили кожаные башмаки (*кун колдуш*, *башмак*).

Вышитые свадебные кисеты. Экспедиционные и музейные материалы. Худ.
И. Ф. Кибальник

Из украшений были приняты ожерелья из монет и блях *мульниса*, *сырпа* — узкие, под шею, или закрывавшие в несколько рядов всю грудь. Носили крупные бусы из янтаря или граненого стекла. Существовали ошейники воронихи с узорной застежкой и нагрудными подвесками. Небольшие нагрудники *гушлек*, *мульниса*, сходные с северо-восточными, встречались лишь в Пермской области и в Аскинском районе Башкирии, т. е. за территории, близкой к северо-востоку. Косником служил шуток с мелкими или крупными монетами, иногда к кошплетке прикреплялись узорные подвески *суалы*. Среди ювелирных изделий (серьги, застежки, подвески) преобладали изделия, выполненные в технике филигранны, со вставками из бирюзы.

Юго-восточный костюмный комплекс существовал на значительной по площади территории, но отличался редкостной целостностью.

При изготовлении одежды широкое применение в нем находили покупные ткани. Одежда отличалась яркостью, окрашивались даже домашние холсты. Еще в первом десятилетии нашего века платья шили традиционным туникообразным покроем, в наиболее старинном варианте цельнокроеные.

На платья надевали тканевый или суконный халат (желт, *сакмен* или кафтан). Камзол здесь не стал общепринятой одеждой. Более популярным был приталенный *келекей*. Его носили мужчины и женщины; мальчики надевали кафтанчики лет с пяти.

Для юго-востока было особенно характерно обилие и разнообразие верхних одежд. Халаты служили повседневной и праздничной одеждой в любое время года. Их надевали в праздник, не запахивая. В отрогах Уральских гор невестки, выходя из дома, забрасывали тканевый элемент или суконный *сакмен* на голову.

В юго-восточном комплексе праздничные и свадебные халаты, в первую очередь женские, выглядели очень декоративно. Их вышивали, украшали аппликацией, отделывали позументом, цветным сукном, нашивали на них монеты, медальоны, подвески, кораллы, бисер. В некоторых южных районах женские элемент имели эполеты с позументной бахромой.

Шубы из лисьего, волчьего меха, отделанные мехом выдры, составляли праздничный наряд. Для зимы шили тулупы, полушубки из овчины. Зимней одеждой могло быть также стеганое пальто *келе* из пластов овечьей или верблюжьей шерсти.

Разнообразными были мужские головные уборы: меховые шапки с узкой или широкой опушкой, меховые и суконные *малахай*, войлочные «колпаки». Тюбетейка являлась головным убором в домашних условиях. На праздники или в гости поверх нее надевали меховую шапку.

Женщины носили всевозможные платки, самотканые шапки. В качестве убора пожилых сохранялось покрывало *тестар*. «Символом» юго-восточного костюма надо признать *кашмау* — оригинальный головной убор, покрытый кораллами и серебром.

Женский костюм украшали большие прямоугольные нагрудники *селтар*, зашитые монетами и кораллами. Кроме них

существовали более скромные украшения: «коротники» из монет, нашитых на полужирт ткани («модлек»), позументные нагрудники с монетами («амигдеу, башкизеу»). Были популярны ожерелья из кораллов и коралловые запястья. Во всех деревнях можно было встретить девичий косник с бусами («сегмау»). Его носили с замысловатым украшением «кажелех («ел-кәмәс»). Влюбленные женщины вплетали в косу тесьму с нашитыми монетами.

На юго-востоке дальше, чем в других местах, сохранились мастера по выработке серебряных украшений — в первую очередь, браслетов и колец. Приняты были пластичные браслеты с травировкой. Особой любовью пользовались ювелирные изделия с сердечковидными вставками. Распространены были «хоченящие» кольца и браслеты.

Обувью являлись сапоги, мошки и глубокие балмаки. Кожаную обувь носили преимущественно с суконными чулками, иногда украшенными по краю аппликацией, вышивкой.

В пределах выделенной территории на севере было заметно влияние соседнего низерского комплекса, наблюдались также некоторое сходство с восточно-зауральским. В Бурзянском районе и на севере Абзелиловского вместе с кожаной существовала обувь с суконными голенищами. Употреблялось низерское название нагрудного украшения («лижал»), хотя форма его отличалась традиционной юго-восточной.

Центральный костюмный комплекс. Платья, рубахи и нагельную одежду в бассейне Инзера и на верхней Белой шили как из светлого холста, так и из ярких фабричных тканей. Верхней одеждой женщин и мужчин служил елан. В отличие от юго-восточной, женский елан украшали лентами, позументом; характерными были подчеркнутые позументной лентой боковые «разрезы». Мужчины, особенно пожилые, нередко надевали темный бешмет.

Женскими головными уборами были белые покрывала тастар, красные «французские» платки, кашемировые и шелковые шапки. Девушки и молодые женщины носили на голове ободок с околушными кистями и наслишником из бус. В отдельных деревнях в излучине Инзера в составительных семьях носили шлемовидный жашмау, близкий к юго-восточному. Пожилые надевали на тастар меховые шапки.

Мужчины носили туботейки и меховые шапки с опушкой. Малахзов здесь не знали. В прошлом распространенным убором были войлочные «колпаки» с разрезными полями.

Примечательностью центрального комплекса следует признать обувь жито с войлочными голенищами, украшенными разноцветными суконными полосами. У мужчин они были низкими, едва прикрывавшими ступню, у женщин — до щиколоток и выше. Носили и кожаные сапоги.

Женский нагрудник лижал, прямоугольной формы, имел в середине поле из мелких монет; среди монет помещалось небольшое «оконце», затянутое бисерной сеткой. На запад, к р. Белой, нагрудник приобретал округлую форму, приближаясь к юго-западному; однако в его оформлении проявлялись свои, присущие этому району особенности.

Как и вкюду на юге, были популярны ожерелья из кораллов. Переключались с юго-восточными девичьи косники из шерстяной тесьмы с кистями и бусами; имелись и подтылени.

Юго-западный (демский) комплекс. В конце XIX — начале

XX в. для одежды на юго-западе употреблялись разнообразные материалы. В домашних условиях изготовлялись холст, пестрядь, в северной части встречалась браное тканье. Дюмотканина использовалась на платья, фартуки, мужские рубашки, штаны. На верхнюю одежду халаты и камизы покупали сукна, шелка, плотные фабричные материалы.

Верхней одеждой мужчин и женщин служил *салам*. Женские праздничные халаты шили не только темными (как на юго-востоке), но и цветными: употребляли зеленые, разных оттенков синие, желтые, бордо, вишневые и другие ткани. Верхняя одежда женщин шилась несколько короче чем на юго-востоке. Халаты кроили пригладенными, расклеившими в полах; на талии их скрепляли пряжкой. Украшением служили подумиште, цитиция строчка, мелкие монеты. Согласно принятым в этих краях обычаям, монеты помещали вразброс по полям одежды, покрывали ими спинку на лопатках, располагали по бокам у проймы и у подумишта на талии. У мужчин *салам* был темным. Нередко его надевали на бешмет. Теплой одеждой служили чекмени и шубы. У женщин цветные чекмени выполняли роль свадебной и праздничной одежды.

Основным, а порой и единственным видом обуви являлись кожаные башмаки *ката*, глубокие и мелкие. Их надевали на сукоштные или вязаные чулки. Праздничные женские *ката* украшались аппликационными кожными накладками, крученой проволокой, металлическими заклепками, цветными кисточками, строчкой. Пожилые состоятельные мужчины и женщины носили *ичиги* с калошами. На сенокос и в жатву надевали *лапти*, но сами их не делали, покупали у чувашей, мордвы или у забальских башкир.

У мужчин преобладали стельные головные уборы: меховые островерхние *малахан*, шапки с оторочкой разной ширины. Помимо пологих *тюбетеек*, носили высокие фески с кистью. Летом надевали *шюада* на низкую *тюбетейку* каланую шляпу.

Женские головные уборы мало отличались от юго-восточных. Совсем недавно здесь можно было встретить на пожилых женщинах покрывавший голову и плечи белый *хашир*. Головным убором состоятельных женщин считался коралловый *кшмау*. В то же время в нижнем течении р. Демы и в заводных деревнях девушки и молодые женщины носили небольшие колпачки со стеклярусом и монетками, подобные северо-западным.

Оригинален набор юго-западных украшений. Необычна форма полусферического нагрудника *саккал*: характерная для него манера нашивки в других местах не повторялась. Вместе с ним носили нашивное украшение *гаскал*, иногда довольно широкой. С нагрудником сосуществовали разнообразные ожерелья из монет, кораллов, а также массивная перевязь, зашитая монетами. Коралловые ожерелья в виде сетки, с кистями по краю закрывали иногда всю грудь, плечи и спину женщины.

Косная тесьма украшалась монетами (их нашивали в одних случаях по две, в других — по 5—7 в ряд) или ювелирными подвесками. Сохранилась воспоминания о девичьем нашивке из монет — *мадлайса*.

Как видно из описания, основу юго-западного костюма составляли южные степные черты, во многом он близок юго-восточному. В то же время в деталях проявляется связь и с

северо-западом. Сочетание разнохарактерных черт определяло его своеобразие.

Самаро-иргизский комплекс. Основа его была скотоводческая. Больше применены находила одежда из сукна и меха: чукмены, шубы, тулупы, меховые и войлочные уборы. Вероятно близостью к сторожевой линии, причастностью к казачьей службе объясняется популярность среди банкирского населения приталенной одежды казаков.

Меховая шапка являлась распространенным головным убором в любое время года. Женщины носили платки и шали. Праздничным убором взрослых женщин был коралловый *хашмау*.

Обувью являлись кожаные калоши, ичиги, кожаные сапоги.

Соединение культурных традиций выходцев из юго-восточных и юго-западных районов выразилось прежде всего в комплексе украшений. Зачастую здесь надевали одновременно два нагрудника: под подбиродком помещали полукруглый *ракал*, чуть ниже сетчатый *селтар*. От последнего сохранялась иногда лишь нижняя часть — коралловая сетка; она становилась в ряде случаев самостоятельным украшением.

Северо-восточный комплекс во многих чертах перекликался с северо-западным. На северо-востоке носили платья и рубашки из пестроткани с браным узором. Именно здесь были приобретены имеющиеся в фондах музеев нарядные женские штаны. Приданной одежды молодых женщин в начале XX в. был фартук. В бассейне Ая для украшения платьев и фартуков широко применялась вышивка: *тамбуруна* и *строчевая* (перевить).

Пожилые на платье надевали украшенный позументом камзол. Верхней одеждой женщин и мужчин являлся темный бешмет. Женские халаты нередко шили из среднеазиатского полушубка. Край полочек и подол женских бешметов украшал узкий позумент. Преимущественно мужской одеждой являлись чукмены. Просторные черные чукмены с большим шалевым воротником служили зимней одеждой. Женщины шили для себя ватные пальто — *сырма* (*лырма*), *капо*. В холода носили шубы, овчинные или из лисицы меха.

Как и везде в начале XX в. распространенными головными уборами были платки и шали. Невестки ходили в покрывалах *кушьяулык*. Под платок на волосы надевали колпачки: маленькие плоские или мягкие с округлым верхом. Околыш расшивали бисером, металлической нитью, жемчугом. Старые женщины под платком носили стеганные шапки *тулай*; их допоясывали иногда позументной налобной лентой. Prestижным убором, который могли иметь только в богатых семьях, были шапки из меха выдры. В мужском костюме тибетейки сочетались с меховыми или ватными шапками, с кашемиром шляпами; особенностью последних были приподнятые поля.

Примечательность северо-восточного комплекса — обувь с невысоким тканевым верхом: кожаная, меховая или лыковая. Лапти здесь плели не только из лыка, но и из размягченной бересты. Только на северо-востоке умели делать *быктым* *лы жылырдак* — обувь из шкуры лошади или коровы с холщовым или суконным верхом. Покупали также фабричные кожаные башмаки, сапоги и мягкие ичиги. Обувь носили с вязаными, холщовыми или суконными чулками, сапоги — с портянками.

Украшения изготавливались в основном из серебра. Наряду с ювелирными изделиями (кольцами, браслетами, маленькими и длинными серьгами, косными подвесками), широко применялись мелкие и крупные монеты. Спущенным чешуйчатой зашивкой тканевой основы составляли нагрудники мушкетера, широкие перевязи. Одну-две монеты прикрепляли к косоплетке. У пожилых женщин встречались бусы.

В восточном (зауральском) комплексе платья и рубахи были сходны с подобной одеждой на северо-востоке Башкирии. В качестве верхней одежды женщины носили темные халаты елан, мужчины — кафтан казакей. Одеждой обихода были чакмечи. Для зимы во многих семьях имелись шубы. Особенно ценились женские шубы из лисьего меха. Носили также вапран палыт кпны, бинмет.

По-видимому, в прошлом на севере Челябинской области, как и в соседней Башкирии, женскую одежду (платья и фартуки) шили иногда из браного холста. В XX веке повсюду была принята вышитая одежда. Вышивали платья и фартуки, мужские рубахи и пояса. Фартук присутствовал в костюме молодой женщины: он мог быть и будничной, и праздничной одеждой. Существовали праздничные комплекты женской одежды, вышитые тамбуром, счетной гладью или украшенные «шпанкашей»¹⁴.

Праздничное платье пожилых женщин дополнялось камзолом безрукавкой с позументом и монетами. Женские халаты обшивались только позументом. В нашем веке у челябинских и курганских башкир елан редко включался в праздничный костюм, чаще он служил сезонной одеждой.

Для восточно-зауральского комплекса была характерна обувь с высокими расшитыми на заднике голенищами сапог и кот. Носили сапоги и ичиги с калошами.

Декоративно выглядело покрывало невесток кушъяулык. Его край украшала вышивка. Подбородник, покрытый монетами, и околоушные кисти составляли обязательный комплект украшений: нередко к подбороднику прикреплялись нагрудная ленточка с вышивкой, шерстяные кисти. Под покрывало на голову надевали цветную повязку баш байрамес, молодые — клопачик с бисером.

В старину носили вышитый тастар с налобником. Мэнеря вышивки этих вещей («косой стежок», счетная гладь, роспись) в других районах Башкирии была мало известна.

Сохранились воспоминания о выском уборе *башкейем* из кораллов и серебра; он имел широкую наспинную полость.

Среди женщин и мужчин распространенным убором были меховые шапки *хам бурек*. Из овчины шили мужские шапки с узкой оторочкой и уборы с наушниками.

Нагрудник *яга* из монет и кораллов с подвесками *бау* был типичен только для восточного Зауралья; его носили с наспинником *идюлек*. Существовали также коралловые ожерелья с монетками. Распространены были перевязи. В косы влетали цветные тесьмы с кисточками. Кое-где в Челябинской области знали девичий косник из бус. Как и на юго-востоке носили его с позатыленным елкалек. Взрослые женщины имели косоплетки с монетами.

¹⁴ Поэтически описаны в книге «История культуры Башкирии» (Уфа, 1964), т. 2, стр. 104. В работе «История культуры Башкирии» (Уфа, 1964), т. 2, стр. 104. В работе «История культуры Башкирии» (Уфа, 1964), т. 2, стр. 104.

Таким образом, каждый из территориальных комплексов характеризовался рядом признаков. Одни из них были узко-локальными, присущими небольшой группе, другие обнаруживались и на соседних территориях. Сочетание специфического с широко распространенным каждый раз порождало оригинальный вариант. Местное своеобразие подчеркивалось определенными декоративными традициями.

Комплексы, выделенные с помощью картографирования элементов башкирского костюма конца XIX — начала XX в., к нашему времени стали историческим сюжетом. Изучение народной одежды в наши дни, хотя и выявляет некоторые местные особенности, целостной картины дать не может. Всякий разговор о различиях в народной одежде сводится сейчас к выяснению степени сохранения традиционного в тех или иных частях республики. Настоящее же представление о существовании этих различий можно получить из старых литературных источников, музейных коллекций, из этнографических работ.

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА В ПРАЗДНИКАХ, ОБЫЧАЯХ И ОБРЯДАХ

Одежда — часть материальной культуры, тесно связанная с духовным миром людей, их мировоззрением, эстетическими и религиозно-магическими представлениями. Неудивительно, что оформлению праздничного костюма уделялось большое внимание, а идеальным предметом отводилась особая роль в обычаях и обрядах — особенно в тех из них, которые были связаны с переходом человека в новое возрастное или семейное положение.

На праздники и гуляния надевали лучшие наряды, доставали из сундуков старинные украшения, яркие платки и шаали, новую обувь. Для башкирского костюма, в первую очередь праздничного, была характерна особая декоративность, свойственная народам, культура которых формировалась под влиянием восточных традиций. Из привозных среднеазиатских, персидских шелков, западных тонких сукон шились широкая одежда богатых женщин и мужчин. На платья и рубашки, помимо кустарных и домашних тканей, шли российские кумачи и ситцы. Красный цвет был особенно популярным у людей молодого и среднего возраста. Красными были платки и покрывала молодых женщин. Полотнища кумача с вышивкой использовались в качестве свадебных покровов. Красные тона были ведущими в аппликационных узорах на одежде и обуви в старинной вышивке. Красным сукном обшивали полы праздничных халатов. Красный цвет преобладал и в домашних материалах.

Вместе с тем, к началу нашего столетия в башкирском декоре утвердилась богатая цветовая палитра. Она затронула и производство домашних тканей, развитое в северных районах Башкирии и в башкирских деревнях на территории Татарии, Пермской, Свердловской областей. Домотканщина из разноцветных ниток, составляющих при переплетении клетку или полоску (в фине преобладал красный или оранжевый цвет), украшалась в процессе тканья небольшими розетками или гирляндами брачного узора, выполненными нитками желтого, зеленого, белого, черного, синего цвета. То же многообразие цветов наблюдалось и в вышивках — особенно в тамбурных, риз-прикрашенных на гшири-вогтоки и в восточном Зеруалье.

В книге «Декоративное творчество башкирского народа»¹ декору народного костюма посвящена отдельная глава. Можно заметить, что декоративная основа оформления одежды многосоставная: при изготовлении одежды использовались и получили самостоятельное развитие разнохарактерные

¹ Кузнецов Р. Г. Исследования Н. В. Шамшурова С. Н. Делюговича о творчестве башкирского народа. Уфа, 1973.

Праздничная одежда северо-восточных районов. Сабантуй в дер. Арсленово Назелетровского района Челябинской области, 1959 г.

приемы: художественное тканье, вышивка и плетение, узорная аппликация и своего рода мозаика из кусочков тканей, коралловое и бисерное шитье, изготовление оригинальных украшений на тканевой основе. Особняком стояло ювелирное ремесло, имевшее у башкир славную, но не очень счастливую историю*.

Праздничный костюм, впитав художественные традиции народа, представлял их в целом виде, в гармонии, в стилевом и колоритном единстве. В этом и заключалась сила его эмоционального воздействия, его роль в создании приподнятого торжественного настроения на майдане или в гостевой церемо-

нии. Особой красочностью отличалась одежда молодых людей. Женщины из состоятельных семей надевали на себя полный комплект серебряных и коралловых украшений, сложные и дорогие головные уборы. У писателя В. Н. Львова, жившего в Башкирии в начале нашего века, есть описание гостевого приема — своеобразного «пиршества», которое проводилось в усадьбах перед началом полевых работ: «На земле, на постеленной белой кошме, сидело человек 12—15 башкирок в необыкновенно оригинальных красивых праздничных костюмах. Блестящие, украшенные кораллами и серебряными монетами головные уборы, такие же серебряные красивые нагруд-

* Об этом подробно сказано в разделе «Украшения».

ники, черные бешметы с серебряными позументами на спине, яркие цветные платья, красные, синие и зеленые сафьяновые сапоги — все это вместе представляло такую своеобразную и гармоничную картину, что я не сразу мог опомниться от удивления. Хотя я уже видел их праздничные костюмы, но в массе они производили несравненно более сильное впечатление»².

Праздничная одежда пожилых мужчин и женщин выглядела скромнее. Здесь редко использовались яркие ткани. Платья и рубахи шили светлыми; на камзолы и халаты шли ткани темных расцветок. Очень сдержанно применялись де-

На наргатуе.
Куншакский район
Челябинской области, 1959 г.

коративные средства. С годами все реже надевали большие нагрудники и головные уборы из кораллов и серебра. Украшением женского праздничного костюма служили позумент, ювелирная пряжка-застежка на камзоле или халате, косые подвески «сулпы», браслеты и кольца.

Говоря о башкирском праздничном костюме, нужно заметить, что не существовало раз навсегда принятого комплекса одежды, который необходимо было иметь для торжественных случаев. Имелись местные различия в составе костюма, в преимущественном использовании тех или иных декоративных средств. На подбор вещей и их внешнее оформление влияло общественное представление, которое устанавливало своеобразный «эталон»; он и определялся как обычай. Но обычаи время от времени, с появлением новых материалов и привозных товаров, менялись. Нельзя не учитывать и разницы в материальной обеспеченности семей. Имущественное неравенство в обществе с наибольшей наглядностью проявлялось в одежде людей на празднике.

Не было вещей, которые определялись бы как исключительно праздничные. Многие из них, если имелся достаток

² Львов В. Н. Шанс-синергизм башкирской народной литературы. Уфа, 1965. Т. 3. С. 548.

в доме, поносив на праздники, начинали надевать и в других бытовых ситуациях. Необходимо также иметь в виду, что украшения из кораллов и серебра воспринимались в народе не столько как роскошный наряд, но больше как предметы, способные оградить от неблагоприятных внешних воздействий. На юго-востоке (Зилаирский район, 1971 г.) пожилая женщина рассказывала, что она выходила раньше доить кобылиц, надев все украшения, в том числе и тяжелый нагрудник из кораллов и серебра селтәр. Поскольку доили каждые два часа, переодевалась она пять-шесть раз в день. В Абзелюловском и Баймакском районах все работы за пределами

Пожилые
мужчины —
распорядители
сабантуй.
Курганская
область, 1972 г.

дома, особенно связанные с уходом за скотом, с заготовкой сена, с посевом или жатвой, исполняли в традиционном наборе серебряных украшений, имевшем в целом вес 4—6 кг. Если не было у женщины дорогих украшений, их мог заменить нагрудник из позумента или камзол, зашитый монетами на полочках и понизу. В платье традиционного покроя и таком камзоле выходили на праздник.

Практически складывалось несколько комбинаций одежд в их праздничном сочетании. В юго-восточном регионе помимо платья и халата елән, а также наброшенных на голову шали или чекменя, исторически традиционного наряда, могли выходить на праздник в кафтане кәзәкәй или камзоле, покрыв голову платком и шалью. В восточном Зауралье роль верхней одежды выполнял в праздники елән, позже камзол, а в 50-х годах нашего века праздничный комплект молодых женщин здесь составляли платье и фартук. Еще в первые десятилетия этого столетия фартук был включен в праздничный наряд на севере Башкирии. Распространение новых одежд сопровож-

далось вытеснением старых. Женские чекмени во второй половине XIX в. стали выходить из употребления даже на юге Башкирии из-за недостатка животного сырья и дороговизны фабричных сукон. Их заменили небольшие в объеме казакей, вошедшие в повседневный и в праздничный костюм. Стали шить даже свадебные казакины, употребляя для них покупное белое сукно, атлас.

Участницы
сабантуй.
Беймакский
район, 1964 г.

Говоря об особой роли народной одежды в обычаях и обрядах, следует, по-видимому, подробно остановиться на

свадебной одежде. Свадьба и по своей значимости в жизни человека, и по обрядовому содержанию занимала центральное место в цикле обрядности. Костюму в ней было отведено значительное место. Он выполнял не только практическую роль, но и нес смысловую, знаковую нагрузку. Правда, затрагивал он не все моменты продолжительного свадебного действия, а только центральные: обряжение (одевание) девушки перед переездом в дом жениха; появление и пребывание ее в доме мужа. Одежда входила составной частью в систему «платы» за девушку и в обряды, включавшие обмен подарками роднящихся сторон. Она составляла значительную часть приданого.

По сравнению с праздничным костюмом, одежда жениха и невесты отличалась более сложным и обильным составом. Женский свадебный костюм, кроме платья, включал несколько верхних одежд. В северных районах на камзол на-

³ Лепехин И. И. Дневные записки путешественника по разным провинциям государства Российского, ч. 3 // Полн. собр. ученых путешествий по России, СПб., 1822, т. 4, с. 149.

Женщины из дер. Магадеево Буззянского района, 1963 г.

девали тканевый бешмет. На юге камзол невеста готовила к свадьбе не всегда; обязательными здесь были темный елэн и светлый суконный халат. Во второй половине XIX в. один из халатов заменился приталенным кафтаном. Примерно тот же состав верхней одежды включался и в мужской костюм. На севере он был иногда более сложным, чем женский: поверх бешмета надевали просторный елэн.

В источниках XVIII—XIX вв. обрядовая мужская одежда не описана. Особенности женской свадебной и послесвадебной одежды отмечены мимоходом. И. И. Лепехин сообщает лишь об одной детали свадебного костюма девушки: платке

⁴ Набоков П. Рассказы прозаика. СПб., 1834, с. 275.

⁵ Туркин А. Г. Степное / Башкирия в русской литературе. Уфа, 1965, т. 3, с. 504.

⁶ Лепехин И. И. Дневные записки... С. 172; Рыбаков С. Г. Музыка и песни уральских мусульман с очерками их быта // Записки Имп. Академии наук, СПб., 1897, Сер. В, т. 2, № 2, с. 279.

или «кружевной сетке», закрывавших ее лицо в момент прощания с родными и подругами перед отъездом в дом мужа¹. Обязательным дополнением платья молодой женщины была нагрудная повязка⁴ — *тушелдерек*, *күкрәксә*. У южных и восточных башкир на платье надевали нагрудник из монет и кораллов и богатый халат или кафтан⁵. Многие исследователи подчеркивали особую роль головного убора для молодухи: чаще всего, это был большой платок или покрывало, краем которых закрывали лицо при посторонних⁶.

Из большого числа одежд выделялось несколько предметов, присутствие которых считалось обязательным в свадеб-

Головные украшения еляляк и коски с монетами. Из фондов БГИКМ (г. Уфа); шерстяная носоплетка с кистями, Челябинская область. Экспедиция 1972 г. Худ. В. М. Шутова

Ювелирные украшения. Рисунки И. Ф. Кибальник, М. Д. Кузнецова. По экспедиционным материалам

Женщина
в традиционном
головном уборе
невесток.
Северо-
восточные
районы.
Начало XX в.
Фототека ГМЭ

ном комплекте. Их приобретению или изготовлению придавалось первостепенное значение.

У челябинских и курганских башкир, в Учалинском и ряде северо-восточных районов Башкирии девушка заранее готовила покрывало замужней женщины *жушъяулык* со всем сопровождающим его набором украшений. При однотипности уборов на большой территории в их декоративном оформлении проявлялись незаурядный вкус, творческая индивидуальность их владелиц; особенно разнообразными были покрывала женщин из курганских сел.

На севере Белокатайского района в 1959 году, перечисляя

приданое, нам называли белые дмотканые штаны, платье с оборками, вышитый передник, нагрудник из монет (*муьынса*) с узорным поясом, белые чулки ажурной вязки. В между-речье Белой и Уфы во второй половине XIX — первые десятилетия XX в. свадебный наряд включал вещи, сотканые руками девушки: украшенные браным орнаментом платье и фартук.

В Курганской области уделялось большое внимание вышивке на платье; она была видна из-под халата. Когда стали исчезать праздничные халаты, появились новые комплекты свадебной одежды — платье и фартук, украшенные на подоле тамбурной вышивкой или счетной гладью, иногда аппликацией.

На юго-востоке и юге Башкирии для свадьбы готовили нарядные халаты *елэн* и *сэкмэн*, украшая их позументом,

красным и зеленым сукном, вышитыми и нашитыми узорами. Обязательными на них были солярный орнамент рогавидные мотивы, разноцветные «клетки».

В вышивке шерстью или шелком применялись молочный бисер, кораллы, перламутровые пуговицы, нашивались серебряные пластинки и сердолик. Белый свадебный чекмень из фондов Государственного музея этнографии (№ 1002—147) опубликован в книге «Декоративное творчество башкирского народа»⁷. На белое тонкое сукно домашнего изготовления нашиты красные треугольники, узоры «рога барана», красная и зеленая бахрома. Двойным тамбуром вышиты красные-зеленые «солнца», по своей конфигурации приближенные к многолучевым звездам. В центре узоров прикреплены маленькие перламутровые пуговицы. Халат обшит по краю красным сукном и козументом.

Нередко чекмень выполнял роль головной накладки. Подражая восточным обычаям, его набрасывали на голову по верх платка или шааля. Рукава, более узкие, чем обычно, скреплялись на спине. Если не было суконного халата, роль головной покрывала принадлежала ткацкому ваху.

Со свадьбой у башкир, в отличие от соседних славянских и финно-угорских народов, не была связана такая смена головных уборов. Соблюдался строго лишь один обычай — не показывать волосы и шею. С этой целью на невесту набрасывали платок, шааль или покрывало хушьяулах. В Мелеузовском районе неподалеку от с. Сергеевка сохранилось место, где, по преданию, невеста с подругами, верхом на конях, встречала жениха. Увидев всадников, девушки пускали лошадей скакать. Жених должен был догнать любимую на скаку накинуть ей на голову *тосгар*⁸.

Вместе с платком или покрывалом до рождения одного-двух детей молодая женщина продолжала носить «девичьи» уборы — колпачок с бисером, налобную повязку или головной ободок. Могла шпатель также прежние косички с бусами и шерстяными кистями. В большинстве районов уборы из кораллов и серебра (*кашмау*) начинали надевать ближе к 30 годам, когда появлялись «один-два» детей. В связи с этим можно вспомнить, что Алдар, герой эпоса «Алдар и Зухра», раздаяя при посещении дома молодой жены подарки, обращаясь к Зухре, говорит: «У меня... женских уборов много, но прошу тебя ими не украшаться до тех пор, пока не родишь мне сына»⁹. А лишь у отдельных башкирских групп (в частности, у бурзян в Баймакском и Кумертауском районах) *кашмау* было принято надевать на невесту во время свадьбы.

В ряде мест существовал обычай «благословения *кашмау*» (*кашмау котлау*), когда девушка или молодая женщина собирала на угощение пожилых женщин, чтобы завершить оформление младежского убора. Приглашенные срезали со своих украшений монеты и дарили их с благопожеланиями. Часть монет переносилась на *кашмау* с девичьего наконечника *созкол*¹⁰.

Желательны в свадебном наряде были украшения из серебра и кораллов. Часто нагрудники переходили от матери к дочери. Свидущие люди могли по нагруднику определить, из каких мест взята женщина в жены. Если родители девушки были бедны, выйдя замуж, она старалась собрать монеты и другие украшения, чтобы в конце концов изготовить себе нагрудник. Пока не набиралось необходимого количества

⁷ Там же, № 41—42.
⁸ Башкирские сказания и легенды Уфа, 1985, С. 21.
⁹ Водочерский по родному краю-Уфа, Уфа, 1937, Г. 1, С. 404.

¹⁰ Обычай «благословения *кашмау*» описан в книге Там же, № 41—42.

кораллов и серебряных нашивок, могли носить скромные украшения: ожерелья из монет, кораллов, нагрудники из лент и позумента.

Ичиги (ситек) с калошами в конце XIX и в первые десятилетия нашего века были наиболее престижной свадебной обувью в северной и западной Башкирии. Наряду с ними свадебными могли быть кожаные башмаки или резиновые галоши, которые надевали с вязаными или суконными чулками. В южных районах старались приобрести сапоги или фабричные башмаки. В восточном Зауралье к свадьбе готовили расшитую праздничную обувь с белыми суконными голенищами — *сарык*, *ката*.

Традиционный
наряд молодой
женщины
у забельских
(гафурийских)
башкир.
Фотография
конца 20-х
годов XX в.

Обращает на себя внимание присутствие в женском свадебном костюме полта, китя и пятидневном быту, как у башкирско-скотоводов-тюрков, подполсывание женской одежды у башкир не было принято. Обматывание фигуры девушки поверх надетых на нее одежды длинным кушаком или полотноцем имело, как видно, символическое значение: оно означало не только переезд в новый круг людей, иногда на значительное расстояние от дома, но и переход из одного социального положения в другое в разряд независимых женщин.

В экспедиционных дневниках, хранящихся в отделе этнографии Института истории, языка и литературы, можно найти немало вариантов свадебной одежды, описанных по воспоминаниям людей преклонного возраста. Здесь приводятся отдельные выписки.

Байнакский район, дер. Темясово (этнографическая экспедиция, 1962 г.).

Платье невесты украшалось на подоле складочками-защипами и аппликационным узором в виде зигзага, вписанных углов, треугольников. На платье надевали бархатный кафтан кашекой и темный елан, украшенный кораллами, бирсером, монетами, узорами-солнцами. Камзол в свадебном костюме присутствовал редко. Штаны были из красного кумача, ситца. На голову покрывали ярким ситцевым платком «француз яулык», на него шаль. Сверху на голову набрасывали чокмень из белого или зеленого сукна. Фигуру обматывали поверх одежда красным длинным кушаком с кистями.

Под верхнюю одежду на платье надевали нагрудник из кораллов и монет селтар; если его не было, костюм дополняли нагрудником башкирцу из позумента с несколькими стамбцами монет.

Свадебной женской обувью считались сапоги на каблуке. Девушки из богатых семей надевали кити и калоши.

Свадебную одежду женщина носила, пока она не изнашивается. С мечиц килец ходила, тщательно укутываясь и закрывая лицо, а затем более активно включалась в домашнюю работу.

Хайбуллавский район, дер. Мамбетово (этнографическая экспедиция 1970 г.).

На платье невеста надевала камзол и вышитый елан. На голове были платок и шаль. Сверху девушку покрывали нарядным чокменем и обвязывали красным суконным поясом «шириной в полторы ладони». В дальнейшем женщина, выходя на улицу, набрасывала на голову елан и его краем закрывала лицо от посторонних.

Тяшминский район, дер. Чукраклы (этнографическая экспедиция 1969 г.). На свадьбу было принято надевать платье с широкой оборкой, пришитой пониже груди, на него полукруглый нагрудник сатал. Сверху надевали халат елан с монетами и позументом; камзола могло не быть. Подол елан подтыкали за пояс, которым подвязывали халат. Головным убором невесты служили платок и нарядная кашемировая или шелковая шаль.

Гафуринский район, дер. Кулакцово (экспедиция 1978 г.). На праздничное платье невеста надевала прямоугольный нагрудник из кораллов и серебра (накол), сверху елан, обшитый позументом и редкими монетами на подоле. Девушку подпоясывали, обертывая несколько раз кушаком, или наде-

вали ковровый пояс с ювелирной пряжкой. На голову прикрепляли маленький девичий колпачок и набрасывали кашемировую шаль. В редких случаях на платок надевали головной убор *кашмау*.

Кунашакский район Челябинской области, дер. Ибрагимово (экспедиция 1972 г.). Невеста наряжалась в платье с двумя оборками понизу, надевала камзол с монетами, сверху темный елэн с позументом. На голову покрывала *кушъяулык* с подбородной тесьмой с монетами и околоушными подвесками *пырка*. Краем его закрывала лицо. Сверху на девушку набрасывали шаль. На ногах были новые узорные *сарык* или

Традиционный костюм молодой невесты у башкир Курганской области, 1972 г.

Традиционный
костюм
молодой
замужней
женщины.
Дер.
Петрушкино
Кузнецкого
района
Челябинской
области, 1963 г.

сапоги *ката* с белыми суконными голенищами. Кто был богат, на платье надевал нагрудное украшение из кораллов и серебра — *яга*.

Невесту обряжали в традиционный костюм жены старших братьев — *еңгә*. Происходило это на третий день праздничной трапезы, перед переездом в дом родителей жениха. В Зауралье этот обряд, на котором присутствовали и подруги невесты, сопровождался традиционными причитаниями *сеңләу*. В других случаях исполнялись такмаки-кушлеты, весе-

ды: или парадательные. Кульминационным становился момент, когда на девушку набрасывали шаль или халат и надевали пояс. В закутанном состоянии, в сопровождении одевших ее женщин и подруг, девушка прощалась с родственниками, садилась на приготовленную телегу или на лошадь и вместе с женихом и его провожатыми отправлялась на новое место жительства. Когда она входила в дом мужа зюловка или другая младшая родственница принимала с ней поже.

Первое время, находясь в новых условиях, молодуха сторонилась домашних, в первую очередь старших мужчин, закрывая лицо концом покрывала или платка. Во многих северных и центральных районах обязательной принадлежностью не только домашнего, но и праздничного костюма килем в конце XIX — начале XX в. становился фартук.

В ряде мест центральной Башкирии и восточного Зауралья описан обряд замены девичьего убора на женский. В Нуримановском районе (дер. Старо-Кулево) на второй день по церемонии в дом мужа молодая отправлялась к местному роднику за водой. Ее сопровождали девочки — младшие родственницы мужа. Туда килем шла в платке и шали. Перед тем, как зачерпнуть воду, она бросала в родник монету. В этот момент одна из девочек набрасывала на нее заранее приготовленный хушьяулык. По подсчетам несколько лет это покрывало служило ее главным головным убором, пока не изнашивалось два-три платка. Ближе к нашему времени этот срок постепенно сокращался, пока обычай не отошел в прошлое.

Иногда смена убора происходила постепенно. Вместе с покрывалом замужней женщины повязка продолжала носить девичий коллачок. Ближе к 30 годам вместо коллачка появлялась на лоб маленький платок. В холодное время поверх покрывала хушьяулык набрасывала шаль. После 35 лет полностью переходила на платки и шали.

Костюм жениха, как и костюм невесты, включал основные, считавшиеся традиционными виды одежды. К такой одежде на севере относились башмет, на юге — елан и сакман, в демском бассейне — елан и *башмет*; в восточном Зауралье — елан. На большей территории, в южных и восточных районах, в XIX — начале XX в. свадебный мужской костюм включали *казакед*. Приталенный, наломкивающий по покрою казачий мундир, он был непременной принадлежностью костюма не только жениха и дружки, но и всех присутствовавших на свадьбе молодых мужчин. Поверх него талию затягивали широким ковровым поясом *камер* с серебряными украшениями и массивной пряжкой. На кафтан надевали темный халат елан, обшитый красным сукном и позументом, иногда вышитый. На юге существовали свадебные цветные чекмени.

В северных районах Башкирии, у челябинских и курганских башкир, жених одевался в одежду, сшитую для него девушкой. Это могла быть вышитая тамбуром или счетной гладью (последнее — в Зауралье) рубашка, тканые узорные штаны (на севере Башкирии), кумачовый с расшитыми концами кушак. Иногда девушка готовила жениху нарядную тубетейку с вышитыми бисером узорами, цветными кистями.

В Кумертауском районе (1970 г.) пожилые женщины отмечали особую красоту жениховой одежды: юнша нәдү-

вад белый чукмень с цветными нашивками на концах рукавов, по низу подола и по краям полочек, тканые штаны, шапку с меховой оторочкой или белую войлочную шляпу, поверх чукменя — красный ситцевый кушак. Обувью были сапоги с аппликацией или вышивкой.

В дер. Темяново Баймакского района [1962 г.], по словам людей старшего поколения, в прошлом жених надевал на рубаху казакей, затем елан. И та, и другая верхняя одежда была из плотной хлопчатобумажной темной ткани. Казакей был наглухо застегнут на пуговицы и подпоясан комар — широким поясом с серебряной застежкой. Елан пуговиц не имел, но была у него фигурная пряжка *катырма*; ее могли и не застегивать. На голову надевали любетейку, поверх — шапку, отороченную мехом выдры (жимо бурек). На ноги надевали сапоги или ичиги с галошами.

В конце 50-х годов в экспедиции в Курганской области мы встречали молодых, одетых в праздники и традиционный костюм, бывший их свадебной одеждой. В сборнике «Археология и этнография Башкирии» (1962, т. II) помещена цветная фотография молодой супружеской четы из дер. Куйсан Сафакулевского района Курганской области¹⁰. Женщина в красном платье с лентами, камзоле с монетами, с нагрудным украшением яга, с головной повязкой и покрывалом *кушь-яулык*. На мужчине вышитая по воротнику и нагрудной планке белая рубаха, красный пояс с вышитыми концами, зеленая любетейка с узорами. Все эти вещи были изготовлены его женой в канун свадьбы.

В Государственном музее этнографии в г. С.-Петербурге имеются белые «жюныш» чулки с красной аппликацией по краю лаголенок (холл. № 1002-5д). Узор характерный, роговидные фигуры, мотив «волны», треугольники. Чулки вывезены в 1906 г. из дер. Сары (Челябинская обл.); они были приготовлены как свадебный подарок жениху.

Примечательно, что среди вещей, которые преподносили по договоренности жених и его родня невесте и ее родителям, преобладали вещи покупные: верхняя одежда или ткань на нее, головные платки, шали, кожаная обувь, галоши. Это могли быть также украшения: браслеты, кольца, бусы, ожерелья или серебряные монеты и определенное количество кораллов для нагрудника. В некоторых случаях дарили головной убор: меховую шапку, коралловый кашмиру, покрывало *кушь-яулык*. Впоследствии женщина могла их переделывать на свой лад, дополнять нашивками.

Девушка готовила подарки своими руками: ткала, шила, вязала, вышивала. Обычно для преподнесения в те или иные моменты свадьбы заготавливалось несколько платьев, рубах, штанов, фартуков, плетеных шнурков и подвязок, поясов, хисетов, платочков, чулки, варежки или перчатки, шарфы.

В свадебном обиходе речного казана в качестве выкупа за девушку помимо скота, денег входила и свадебная одежда. В Иглинском районе (дер. Нижние Лемезы, записано в 1975 г.) для невесты приводили два платья, безрукавный камзол, плюшевый бешмет, две шали, ожерелье из монет, ичиги и галоши. В Архангельском районе [1961 г.]¹¹ отец жениха дарил будущей невестке елан с позументом, камзол из среднеазиатской хустарной ткани, бешмет, платье, галоши. В Гафурийском районе (1961 г.) — несколько платьев, елан, фартук, ков-

¹⁰ Табл. 2
¹¹ Табл. 11
Восстановлено

ровый пояс. В Татышлинском районе (1959 г.) в состав калыма было принято включать тканевый бешмет с галунами. В Караидельском районе (1968 г.) помимо халата покупали чересплочное украшение *лэйкә*. В бассейне Демы (Альшеевский район, 1969 г.) жених должен был подарить невесте бархатный или тканевый цветной (желтый, вишневый, синий) елан с позументом; перед свадьбой сестры невесты нашивали на его спинку и полочки монеты. В Баймакском районе (дер. Темясово, 1962 г.) всю одежду для невесты, в том числе и чекмень, который набрасывали на девушку перед проводами в дом мужа, привозил жених. В Кунашакском районе

Свадебный
елан.
Мелеузовский
район, 1958 г.

Челябинской области (1972 г.) от имени отца жениха передавали чекмень из тонкого покупного сукна (*бустау сәкмән*), шапку с мехом выдры (*жама бурек*), 10 рублевых серебряных монет и определенную меру (*бер сирек*) кораллов для нагрудника *яга*. Б. Юлуев, описывая свадьбу юго-восточных башкир, в число *калыма* включал и головной убор с кораллами *кашмау*¹².

Во многих районах Башкирии и за ее пределами помимо одежды для невесты в «выкуп» входила также шуба для ее матери (*инә тун, баса тун*), которая преподносилась якобы в знак благодарности за воспитание девушки — «плата за

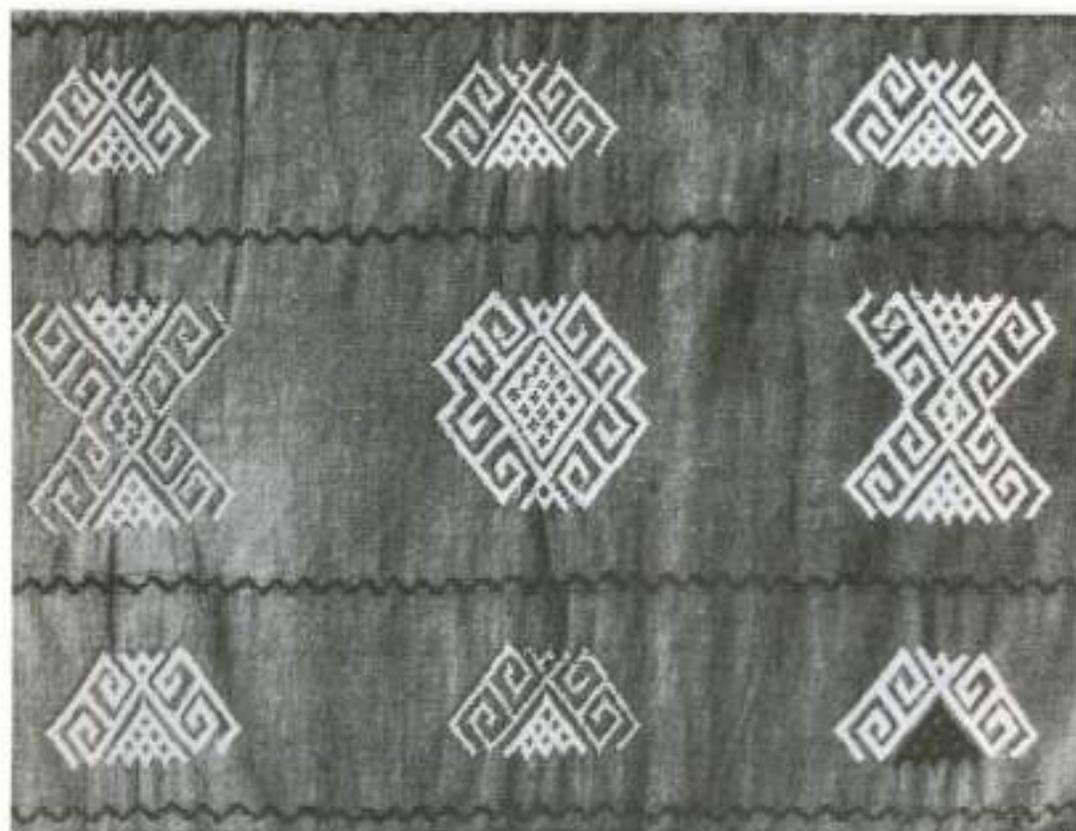

¹² Юлуев Б. К. этнографич. Башкир // Этнографическое обозрение. 1892. № 3—5. С. 217.

молоко». В Баймакском районе, по воспоминаниям информаторов (1962 г.), это была щегольская праздничная одежда, сшитая из лисьих лап, узко отороченная мехом выдры, крытая среднеазиатским шелком. В дальнейшем она становилась праздничной одеждой, ее могли надевать и в летнее время. На северо-востоке в бассейне Ая для таких шуб употребляли и белчий мех. Иногда их шили из шкурок ягнят, оторачивая лисьим мехом или мехом выдры. Когда не было шубы, преподносили отрез тонкого сукна на чекмень или покупали готовый елан¹³.

Перечень всех необходимых вещей специально оговари-

Фрагмент
вышивки
на кумачовом
поясе жениха.
Курганская
область

вали в период сватовства при определении размеров калыма. Необходимую одежду для невесты и ее матери привозил отец жениха перед совершением религиозного обряда «никах». В ряде мест этот обряд, соединявший брачащихся и дававший право на встречи молодых, отстоял от собственно свадебного торжества на значительный срок. Возможность встреч с невестой в этот промежуточный период жених получал после одаривания ее родителей: матери — платьем и платком, отца — штанами и рубахой¹⁴.

Отправляясь со своими родственниками на главное свадебное празднество «туй», мать жениха везла сундук с гостинцами, где, кроме сладостей, содержались мелкие вещи — по-

¹³ Материалы экспедиции 1971, 1972, 1973 гг.

¹⁴ Экспедиция 1977 г. (Мечетлинский район), запись автора; Кузнец Р. Г., Бисбулатов И. В., Шипова С. И. Зауральские башкиры // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1962. Т. 1, С. 258.

Вязаные
жениховские
перчатки —
подарок
невесты,
Карaidальский
район, 1963 г.

дарки, вручавшиеся новой родне при знакомстве. В их числе было множество нагрудных повязок, головные платки, плетеные шнурки для скрепления ворота и подвязки для чулок и обуви. Раздача подарков происходила в доме невесты; для этого ее мать собирала своих родственниц на торжественный чай. Хозяйка получала от матери жениха главный подарок — платье с нагрудными нашивками и платок¹⁵.

Определенными правилами и обычаями регламентировались состав подарков и порядок их подношения и со стороны невесты. Выше упоминалось об обычае изготовления невестой части свадебной одежды для жениха. На севере Башки-

¹⁵ Зетисано Н. В.
Башбулатовым у че-
лябикских башкир,
1959 г.

Жанниховские
тканые штаны,
подарок
невесты.
Северо-восток
Башкирии.
Из фондов ГМЭ
(С.-Петербург)
и БХМ (г. Уфа)

рии это были тканые штаны и рубаха; на северо-востоке — штаны с браными узорами и вышитая тамбуром рубаха; в восточном Зауралье — вышитая рубаха и широкий кушак. В ряде мест было принято дарить жениху узорные чулки или портянки, перчатки или рукавицы, вышитую тибетейку, кисет, вышитый носовой платок. Эти вещи юноша получал при первом посещении невесты. Он надевал их каждый раз, приезжая на свидание с ней, наряжался во время основного свадебного торжества, затем продолжал носить в праздники после свадьбы.

Иногда количество вещей для жениха было внушительным.

В 1961 г. Галиакберова Закира, 70 лет, из дер. Нижние Лемезы Иглинского района вспоминала, что, выходя замуж, она приготовила для своего мужа 5 рубах (2 ситцевые, 3 домотканые с узором), 5 пар перчаток, узорные штаны, связала шарф, носки, вышила тибетейку с позументом¹⁶.

В фондах музеев С.-Петербурга и Уфы сохранилось немало вещей из мужского свадебного костюма. Это рубахи,

¹⁶ Закира Н. В.
Биебулатова.

нарядные штаны, пояса, перчатки и другие вещи, в свое время изготовленные как подарок невесты.

В музее этнографии в г. С.-Петербурге имеется старинная жениховская рубаха *селтәрле кулдәк* (№ 1002-21) из белого льняного холста домашнего изготовления, с красными широкими ластовицами и широким (15 см) отложным воротником, украшенная по низу рукавов и подола тремя рядами прошивок — мережкой, — которая и носила название *селтәр*, т. е. «сетка, кружево». Длина рубахи 115 см, ширина в поясе (в окружности) 155 см. Ширина ровных по всей длине рукавов в сложенном виде 26 см. Покрой традиционный туникооб-

разный с боковыми клиньями-вставками, расширенными книзу; прямой нагрудный разрез. Приобретена в 1906 г. в дер. Тулбаш (Сосновка) Осинского уезда Пермской губернии. В 1959 г. в дер. Верхне-Кудашево Татышлинского района была приобретена для ГМЭ (№ 7175-26) жениховская пестрядинная рубаха (желто-красное сочетание полос, образующих клетку), сделанная в 1928 г. как свадебный подарок.

Во всех музеях Уфы и в ГМЭ в г. С.-Петербурге имеются вышитые свадебные рубахи, изготовленные в середине нашего века. Излюбленным на них является тамбурный многоцветный узор на воротнике и планке. Интересен комплект, состоящий из красной вышитой рубахи и пояса из дер. Юламаново Челябинского уезда Оренбургской губернии, приобретенный в 1912 г. (ГМЭ, колл. 2881-436). Рубаха туникообразного покроя с ластовицами вышита гладьевым настилом шелковыми нитками разных цветов на воротнике, обшлагах и по низу подола; имеет отложной воротник, ворот скреплен плетеными шнурками. В том же стиле вышит на концах кумачовый пояс; его длина 280 см, ширина 60 см (№ 2881-393).

Вышитые
фартуки —
свадебный
подарок.
Из фондов ГМЭ

Декоративны жениховские тканые штаны с северо-востока Башкирии, украшенные по пестрядинному полосатому или клетчатому красному полю квадратиками, ромбами, зигзагами. Реже на них имитирован растительный узор. Все они сшиты на старинный лад — с прямоугольной, соединяющей прямые штанины серединой. Такие штаны есть в ГМЭ (№ 2881-441, 7175-29), в Башкирском историко-краеведческом музее (№ 5828, 6128-4, 6190), в Башкирском художественном музее (колл. Б-201, Б-340).

Большое количество всевозможных вещей готовила невеста и ее родители для родителей и родственников юноши. Состав вещей и порядок дарения здесь сохранялись те же, что и на

Украшение
костюма
девочки
пушками
и кисточками.
Дер. Азнално
Сафакулевского
района
Курганской
области, 1942 г.

первом этапе брачной церемонии, проходившем в доме невесты. Свекрови могли дарить платье, платок. В первые десятилетия нашего века почетным подарком на севере Башкирии и в восточном Зауралье считался вышитый фартук. У одной из пожилых женщин в дер. Соркино Кунашакского района Челябинской области в 1972 г. хранилось 4 вышитых фартука — подарки ее четырех невесток. Нарядные фартуки невеста могла дарить и старшим сестрам мужа.

Пожилым женщинам было принято дарить нагрудные повязки тушелдерек. Их заготавливали 15—20 штук. Не менее почетным считалось получить вышитый кусочек холста —

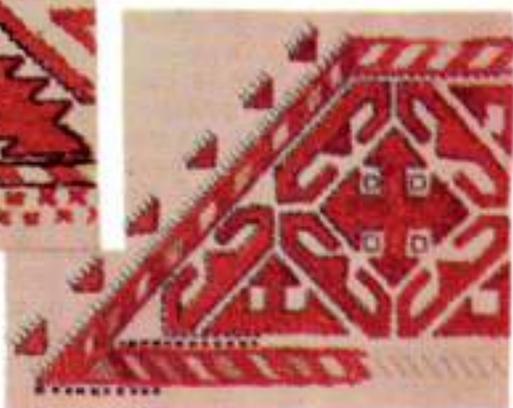
так называемый «хараус». Младшим женщинам и девушкам раздавали плетеные шнурки с кистями, платочки и другие мелкие предметы.

Сундук со сладостями и специальными подарками (*курес*) вез и передавал родителям жениха *арсый* — человек, сопровождавший на новое место жительства девушку, или жена ее старшего брата — *енгэ*. В доме жениха инсценировалась «продажа подарков». Для этой сцены невестой были заранее заготовлены комплекты вещей, состоявшие из нагрудной повязки, харауса, вышитого кисета и пасмы ниток. Эти традиционные наборы вывешивались для обозрения, затем по-

Вышитые узоры на херлеусах. Из фондов БХМ им. М. В. Нестерова. Худ. Г. И. Мухометшин

очередно, по принципу старшинства, назывались имена женщин и каждая из них, получая подарок, привозглашала свою плату за него. Что-нибудь из домашней скотины или серебряные деньги, которые затем использовались молодой для украшений. Обычай «придажи» наборов свадебных вещей существовал на юго-востоке Башкирии, в Челябинской и Курганской областях. В Абзелаловском районе мы заблудили его в 1977 году. Кое-где ему следуют и поныне, правда, исполняется он теперь в полусутягивой форме. В 1987 году в деревнях Рыскужино, Утянково, Казманько нам было подарено множество таких свадебных комплектов для Музея археологии и этнографии Уфимского научного центра РАН.

Порядок одаривания новой родни мог иметь некоторые особенности по районам. В ряде мест подарки младшим сестрам и родственницам мужа калем раздавали, вернувшись первый раз с родника: это могли быть платки, передники, лоскутки ткани, нитки¹⁷. Прежде чем начать общаться с кем либо из родственников, женщина должна была одарить его вещью. Наиболее значительные подарки получали свекровь, свекор и старшие родственники. В качестве подарков выступала одежда: рубахи, платки, перчатки и др.

Во всей восточной Башкирии в качестве ритуальных и наиболее почетных подарков информаторы неизменно называли продолговатые вышитые кусочки ткани — «хараусы» (*harausy*), ценились старинные «хараусы» из конопляного холста, вышитые красно-коричневым шелком. Эту традицию объяснить трудно, поскольку «хараусы», по крайней мере на протяжении настоящего столетия, не имели в быту практического применения. Есть литературные свидетельства об использовании их в прошлом в качестве налобной повязки¹⁸. Но в нашем распоряжении имеется и другая информация. В 1971 г. в Баймакском районе (дер. У-е Иткулово) о «хараусах» рассказывали следующее. «Вышивали продолговатые кусочки ткани и прикрепляли их к нагрудной повязке тушелдерек. Невеста дарила этот подарок матери жениха. Если у свекрови была дочь, она оставляла «хараус» ей и та дарила его во время своей свадьбы будущей свекрови. Самые ценные «хараусы» с нагрудниками из свадьбы «продавали», обряд исполняли сном невесты. Первой имела право выкупить подарок свекровь, затем ее сестры и другие пожилые родственницы¹⁹.

Более определенно о связи каруга с нагрудником можно судить по записям Р. Г. Кузеева, сделанным в 1958 г. в горной Башкирии: «Хараусы — дорогая вещь, они были только в богатых семьях. Во время свадьбы вместе с тушелдерек их дарили матери жениха и ее пожилым родственницам; молодые получали только нагрудники. Были случаи, когда «хараусы» нашивали на тушелдерек. Такой подарок был особенно дорог, так как означал, что ничто не мешает мать жениха своей материю. Отдельно от нагрудной повязки «хараус» не дарили (дер. Атикчино Бурзянского района). «Во время свадьбы мать невесты дарила «хараусы» пожилым родственницам жениха, они нашивали их на тушелдерек в качестве украшения. Деды рассказывали, что до Пугачевского восстания «хараусы» ходили вместо денег и очень ценились» (дер. Нижне-Сарменеве Белорецкого района). В Аргаяшском районе Челябинской области в 1959 г. нам рассказывали, что мать девушки гото-

¹⁷ Об иск. украш. швейц. в родничке Абзелаловского района.

¹⁸ Зайна С. В. Свадебный обряд.

¹⁹ Зайна С. В.

вила в качестве подарка для матери жениха платье с нашитыми на грудь «хараусами». Иногда «хараусы» были нашиты на плечиками и дар платок.

Видимо, благодаря вышитому узору, этот предмет играл магическую роль в сближении людей разной родовой принадлежности.

Нужно заметить, что еще большее распространение в качестве знака, символизирующего сближение людей, выражающего их симпатии, имели нашивки-помануты нагрудные повязки. ими обменивались женщины не только на свадьбе. Тучекурдек заготавливали пожилыми женщинами для раздачи на их предстоящих похоронах. Нагрудные повязки дарила роженица женщинам пришедшим ее привести после появления на свет ребенка.

В нашем веке самым популярным подарком во всех семейных обрядах стали фабричные головные платки.

Немало интереснейших свидетельств использования тех или иных вещей из числа одежды в обрядах содержится в фольклоре.

В сказании «Кара-юрга» дочь Масим-бая Мактымхыду в знак своего расположения дарит батыру Абляю серебряром вышитый пояс «камар» [каждый свой стан опояшу им] и серебряное кольцо с сердолком. Из контекста ясно, что эти вещи взаимно: свадебный створ¹⁶. В предании «Махуба» отец девушки обещали отдать дочь в жены батыру, сумевшему стрелой попасть в перстень, в знак исполнения своего обещания опоясывает победителя Айбулата «Как подтверждение своего обещания даю тебе свой пояс. Пусть ты будешь им подпоясан, когда придешь ко мне женихом». Сама Махуба в знак согласия дарит джигиту шильный вышитый платок. В ответ Айбулат надевает на ее руку перстень¹⁷. В сказании «Таштугая» поклявшиеся друг другу Кенхылау и Байтубах решают соединить свою судьбу и в знак этого юрпа дарит девушке медный перстень с сердолком.

В рассказе Н. А. Крашенинникова «Визити смерти», в сюжете которого использован фольклорный материал, упоминается свадебный перстень, «голубой, как небо». Его подарил сын хана Корима девушке после свадебного створа с ее отцом. Возвращение перстня незадолго до свадьбы расценивается ханом как оскорбление и влечет за собой месть¹⁸.

В эпосе «Алдар и Зухра» Алдар, впервые приехав в аул Зухры, чтобы узить ее в жены, привозит подарки. Отцу и матери Зухры после обряда «никах» он дарит множество шелковых и бумажных материй да сверх того тестю — кармазинный кафтан с персидским кушаком, а теще — персидский «хажбу» [хажмау — авт.]. Молодому Итбаю, способствовавшему этой свадьбе, подарил он кичкулю кольцогу с поясом, локотниками и нарукавниками, а на голову — стальную сетку с серебряной бляхой наверху. Старейшине Балтасу рысью доху. Набожному Кушбаю — два белых халата и тонкую ткань на чалму¹⁹.

В свадебных и семейных обрядах пояс входил в костюм не только жениха и невесты, но и присутствовал с определенным значением в одежде их близких. В эпосе «Алкомыша» нет свадебного пира. Судьбу героев решает их схватка в борьбе. Молодые живут на горе в шатре, от всех в отдалении. Лишь в ожидании ребенка Барсыхылау решает познакомиться

¹⁶ Башкирский эпос о расколе татар-кыпчак. Т. 1. С. 159, 204.

¹⁷ Башкирский предание о свадьбе. С. 226.

¹⁸ Там же. С. 212.

¹⁹ Башкирский эпос о старейшине Балтасу. Т. 2. С. 135, 140.

²⁰ Башкирский эпос о расколе татар-кыпчак. Т. 1. С. 407, 408.

Алпамышу со своими родными. Характерно ее обращение к отцу: «Вставай, отец. Вставши, пояс затяни, отец. Женюха я в дом пришла с собой». Но то же обращение она адресует и матери мужа, когда Алпамыша, после длительного отсутствия подвояется на пороге родного дома: «Вставай, свекровка... Затяни-ка свой пояс, свекровка. Алпамыша, краса страны, твоя любовь, возвратился — взгляни, свекровка»²¹.

Очевидно, пояс играл магическую роль во многих традиционных обрядах и общественной значимости «Пояс потуже я повязал, что есть мочи к тебе прискакал», — говорит богатырь Яик, спешивший на помощь Уралу²². В эпосе «Кузыкурляс и Маякхылу» легендарный конь-тузлар передает сэрью принадлежавший его отцу пояс «камар» с серебряными узорами. Собираясь в далекий и опасный путь, Кузыкурляс, надев выдровую шубу, подпоясался «серебряным поясом»²³. Заятуляк получает украшенный серебром и драгоценными камнями ковровый пояс от своего отца, убедившегося в возмужании сына²⁴.

Наиболее ценными вещами из состава мужского костюма одаривали победителей в конных скачках, борьбе и других состязаниях. У автора начала прошлого века П. М. Кудряшова есть красочное описание «воинских игр» на конях: «Уж батыры у самой цели, где шапки и кушак висели...», в примечании к этому сказано: «Во время конских скачек башкирцы выставляли на том месте, к которому скакать должно, длинный шест и вешают на оный разные вещи, как-то, шапки, кушаки, холаты, кафтаны и проч. Первый, прискакавший к шесту, получает эти вещи себе в собственность»²⁵.

В эпосе «Куз-Курляч» для победителей-борцов определены подарки: кармазинный кафтан; иракский персидский кушак; шитая хораллами и бобром отороченная любетейка; зимняя черню-бурая шапка. Нарядный кафтан, обшитый красным сукном (кармазином), — первую премию — получает в ханской ставке Куз-Курляч. После победы Куз-Курляча в скачках хан одаривает его богатым персидским кушаком²⁶.

Кармазинный кафтан и «черных лисиц шапка» были в числе премий на скачках в эпосе «Алдар и Зухра»²⁷.

В эпосе, легендах и преданиях отразился, без сомнения, наиболее ранний пласт материальной и духовной культуры народа.

Как уже неоднократно упоминалось выше вместе с развитием костюма развивалась, хотя и замедленными темпами, обрядовая одежда. В нее вводились новые элементы, разномыслились сочетания одежд, менялись покрой рубах и халатов. В начале XX в. под влиянием городского костюма распространились сборки на платье, стали более узкими рукава, нагрудный разрез закрывался планкой. Приталенная верхняя одежда заметно потеснила просторные халаты. В башкирский быт, в первую очередь в мужской костюм, все решительнее стали входить фабричные вещи.

В то же время именно в праздничной и обрядовой одежде, особенно женской, до начала нашего века прослеживалось сохранение некоторых древних традиций.

²¹ Там же, с. 232.

²² Там же, с. 111.

²³ Там же, с. 251.

²⁴ Там же, с. 179.

²⁵ Там же, с. 179.

²⁶ Нуровия Т. М.

Аварамов. Башкирская народная одежда.

Искусство и эстетика. Уфа, 1961.

Г. 1, с. 82.

²⁷ Башкирская народная одежда.

Г. 1, с. 297, 325, 328.

²⁸ Там же, с. 297.

БАШКИРСКИЙ КОСТЮМ В МУЗЕЯХ

В настоящее время традиционную одежду в путешествиях по башкирским деревням встретить маловероятно. Одежда сельских жителей почти не отличается от городской. Случаев сохранения и использования традиционных убирфов, украшений, традиционных какатов, рубах и других вещей, даже в качестве праздничной одежды, наблюдается все меньше. Сценический же костюм, включая и тот, который создается в народе, представляет значительную стилизацию старины. У подрастающего поколения может создаться иллюзия, объединяющее представление о национальном костюме.

В этой обстановке чрезвычайно важно сбережение и изучение подлинно народного костюма в фондах музеев. Музейные хранилища, особенно те, что закладывались в прошлом столетии, стали наиболее достоверным источником, дающим возможность не только прикоснуться к глубинным народным традициям, но и уловить их истоки, проследить их видоизменение на протяжении по крайней мере последних полутора веков.

В настоящей главе дается обзор наиболее крупных собраний башкирской одежды в государственных музеях страны и за рубежом. Сделана попытка дать научную оценку этим коллекциям. Говорится о составе коллекций, перечисляются наиболее интересные с исторической точки зрения экспонаты, называются некоторые обстоятельства приобретения вещей, упоминаются имена собирателей. Этот материал должен помочь молодым исследователям-ученым, художникам и другим работникам искусства, обратившимся в своем творчестве к башкирскому народному костюму, ориентироваться в многочисленном и многообразном историческом наследии, нередко сокрытом от широких масс во вместительных подвалах старинных зданий, отданных под музейные владения.

Самое богатое собрание башкирской одежды хранится в Государственном музее этнографии (ГМЭ)¹ в г. С.-Петербурге.

Первым приобретением здесь стал «костюм башкира», купленный в 1905 г. у художника А. В. Дмитриева-Кавказского (колл. 751). В его составе 6 вещей: рубаха, кумачовые штаны, расклешенный в полах кафтан с короткими рукавами, расшитая серебром тюбетейка, меховая шапка с узкой бархатной оторочкой. Костюм, по-видимому, принадлежал че-

¹ Бывший государственный музей этнографии императорского двора в Москве.

донецку из западной Башкирии, население которой в своей культуре обнаруживало немало общего с татарами. Не случайно при регистрации коллекции было, в частности, помещено: «шапка... татарского фасона». Однако такие головные уборы носили и среди башкир.

Основной башкирского этнографического раздела в ГМЭ стали дореволюционные приобретения С. И. Руденко, совершившего по поручению Этнографического отдела Русского музея несколько поездок по Башкирии.

В 1906 г. С. И. Руденко побывал в башкирских деревнях Осинского, Шадринского и Екатеринбургского уездов Пермской губернии (часть современной территории Пермской и Свердловской областей), в Челябинском, Верхнеуральском и Орском уездах Оренбургской губернии (башкирские районы Челябинской области и юго-восточная Башкирия), в Златоустовском и Стрелитамакском уездах Уфимской губернии. Из более чем двухсот привезенных вещей третью часть составляла одежда. Особенно много экспонатов в тот год было куплено у северных башкир-тайницев. Ученым были приобретены наиболее характерные для этой этнической группы вещи: белая холщовая рубашка с пришивками, клетчатый дамский фартук, верхняя холщовая в полоску мужская и женская одежда, *шыба* (сыба) — белый женский козлак, вязаные белые варежки, мужская шапка с широким околышем из лисьих лап, лыковые сапожки с холщовым верхом на вдержке, обувь *жылдыр* из жеребьей шкуры, *цахосник* в виде узкой полосы ткани с пришитыми серебряными подвесками, налобные украшения из позумента, воротник-«кошейник» с нагрудными подвесками, изящная булава, нагрудная перья, браслеты. Один из браслетов — «звенящий» — сделан из крученой проволоки с прикрепленными на кольцах пятью серебряными монетками.

В бассейне Таныша у крещенцев (современный Татышлинский район) северная коллекция пополнилась дамской красной рубашкой, фартуком и белой войлочной шляпой.

Содержательным оказался набор одежды из восточного Зауралья. В дер. Сары (современный Кунашакский район Челябинской области) были сформированы мужской и женский комплекты одежды, состоявшие более чем из 20 предметов. В том числе была приобретена местная обувь: мужские и женские *сырык* и узорные суконные чулки. В коллекции представлены и головные уборы: мужские (меховая шапка, *любейка*, овчинный *малахай*, войлочная шляпа) и женские (покрывало из двойных платков, налобная повязка *баш байзмес*, полотенеобразный вышитый *тастар*, бархатная шапка с позументом и широкой оторочкой из меха выдры). Достопримечательностью явился ковровый пояс *жамар* с жемчужной пряжкой. Интересным экспонатом оказалась *шыба* из лисьих лап (*баса тун*), в прошлом выступавшая в качестве свадебного подарка жениха будущей теще или отца жениха — невесте.

У юго-восточных башкир (в основном в дер. Темлясово) было приобретено несколько колоритных вещей типичных для населения скотоводческой зоны, женский белый чакмень с вышивкой, два женских «еляна» (один украшен кораллами и серебряными нашивками), овчинный *тудуп*, лисий головной убор *холохсык*. На территории современного Белорецкого

района (дд. Махмудово, Абзакново) были куплены старинные девичьи украшения из бус, косник сәсмәу и позатылень елқолек, а также шерстяная косоплетка қарамағыс с разноцветными кистями. В верхних Илгера коллекция пополнилась парадной женской обувью хата с аппликацией на белых суконных голенищах.

В ту поездку в коллекции появились коралловый убор қышмау (с берегов р. Пугуші) и нагрудное украшение сәтәр в виде плетеной коралловой сетки (д. Ахметово, вблизи г. Стерлитамака).

Обращает на себя внимание умелый подбор вещей в коллекции 1906 г.: не дублируя друг друга, они раскрывали особенности костюма разных территориальных групп.

Летом 1907 г. С. И. Руденко вновь совершил поездку на Южный Урал, работая по заданию Русского музея. На этот раз он сосредоточил внимание на юго-восточных группах башкир, побывав в деревнях Орского, Верхнеуральского и Челябинского уездов Оренбургской губернии (территория современных Белорецкого, Абдеевского, Баймакского, Зилейского, Зиянгуранского районов Башкортостана и части Арғаяшского района Челябинской области). За время экспедиции было приобретено 101 вещь, из них более 111 предметов народной одежды. Особое внимание было уделено шерстяной и меховой одежде, распространенной в прошлом среди кочевников-башкир. В музей были доставлены мужские и женские чекмени, мужские суконные шаровары, тканый шерстяной кушак для верхней одежды, головной убор из сукна қалалара. Единственным в своем роде экспонатом стала шуба из жеребичьих шкур яғы тун¹: экзотично выглядела на ней отделка из лошадиных грив, расположенная по продольным швам на спине и вдоль рукавов. Женская верхняя одежда слан из темной ткани была украшена звездчатым коралловым узором, серебряными нашивками и позументом. Не лишне говорить о значении приобретения ученым платья старинного покроя, без швов на плечах, с цельным станом. Старинную обувь представили высокие женские сапоги на каблуках и мужские кожаные калоши. Имевшаяся в музее коллекция башкирских украшений из серебра и кораллов пополнилась двумя разновидностями женских нагрудников: сәтәр и яғы, косными подвесками сулары, косоплеткой с бусами сәсмәу.

Во всех деревнях, где С. И. Руденко бывал тем летом, он обращал внимание на образцы вышивки на реликтовых харауссах. Эти продолговатые лоскутки холста с тонким орнаментом, выполненным шелками и шерстью, в ту пору были популярны как подарки невесты присутствующим на свадьбе гостям-женщинам. Кое-где исследователь зафиксировал воспоминания о связи харауссов с женскими головными уборами. В дд. Темяково, Исыново, Бурангулово, Габдюково, Утаганово, Шигаево, Серменово и других в 1907 г. было приобретено около 20 харауссов.

Экспедиция С. И. Руденко 1912 г. была организована с целью дополнить имеющиеся в музее материалы, разнообразнее представить бытовую и духовную культуру башкир. Работа велась в восточном Зауралье (с захватом не только челябинских, но и курганских деревень), по р. Илгера, в горных селениях в излучине р. Белой (современные Бурзянский

¹ Шуба была приобретена во время экспедиции по бытовому костюму и музею. Позже в историю музеев вошел примерный рисунок (№ 1255*) такой шубы в коллекции XIX в. сделанной в Башкортостане.

Детские сарыки. Из фондов ГМЭ (г. Санкт-Петербург) и БГИКМ (г. Уфа). Худ.
Г. И. Мухаметшин, В. М. Шугова

Праздничные каты. Челябинская область, 1972 г. Худ. В. М. Шутова

и Белорецкий район). Ученый побывал также в Бирском и Стерлитамакском уездах, заезжал к юго-западным башкирам на Ашхадаре и Деме. Эта поездка, со слов самого С. И. Руденко, по результатам превзошла его ожидания. По количеству предметов она вдвое превысила все приобретенные до того коллекции.

Покупались в первую очередь вещи, имеющие художественную ценность. Не случайно из большого числа экспонатов (почти 800 предметов, холм. 2881) около половины составили вышитые вещи. Среди них было много одежды. Это старинное платье курганских башкирок с контурным тамбурным узором, комплект одежды для жениха: рубаха и широкий тканевый кушак с тонкой счетной гладью, орнаментированные воротники-заготовки к рубахам, вышитые женские нагрудные повязки, несколько десятков хараузов и полотенец-образных тастар¹.

Как и в предыдущие поездки, исследователь стремился выжить и приобрести варианты родовых уборов. Появился еще один шлемовидный убор из кораллов и серебра кошмау (Стерлитамакский уезд), детские и девичьи шапочки меховые шапки с оторочкой из меха выдры, авсий колоткыш из восточного Зауралья, войлочные шляпы.

Верхнюю одежду представили овишняя шуба и праздничный чекмень из красного сукна.

Разнообразной в коллекции этого года была обувь: войлочные чулки, мужские кожаные каалош, мягкие галочки ситек, высокие хата с суконным верхом.

В разных районах были куплено несколько ковровых поясов с ювелирными накладками и фигурной пряжкой. Набор украшений дополнил интересней нагрудник бакал из кораллов и серебра, браслеты, перстни, узорные бляхи, парадные косоплетки.

Специалисты высоко оценивают вклад С. И. Руденко в формирование башкирских этнографических фондов (МЭ: «...Коллекции, собранные С. И. Руденко в 1906 - 1907 и 1912 гг. и по количеству предметов, в которых отражены различные стороны материальной культуры народа, и по полноте вариантов многих форм являются уникальным собранием и дают довольно полную этнографическую характеристику башкир в конце XIX — начале XX века»².

Научно обработав и обобщив этнографический материал в виде монографического исследования³, ученый в качестве иллюстраций в книге использовал фотоснимки и рисунки со многих приобретенных им вещей.

В 1948 году Государственному музею этнографии были переданы коллекции существовавшего долгое время в г. Москве Музея народов СССР. Из более чем полсотни башкирских экспонатов около 60 составили вещи, так или иначе имевшие отношение к одежде⁴. В том числе образцы сукна и домашних тканей, употреблявшихся во второй половине XIX в.

Ценность московской коллекции заключалась в том, что большинство ее предметов попало в музейные фонды в прошлом столетии. Часть одежды была включена в каталог музея⁵, изданный еще в 1887 г.⁶ Это были вещи, собранные в Башкирии Г. С. Аксаковым и К. А. Бухом для экспозиции на этнографической выставке в Москве в 1879 г.; впоследствии они были переданы генерал-губернатором Н. А. Кры-

¹ В числе их в то время были в восточном Зауралье по местам охоты, во многих домах сохранились орнаменты, вышитые концы гартер Башк. Чекме все по им и приобретен С. И. Руденко.

² Аксаков Г. А., Бузов Р. Г. Этнографические коллекции из Башкирии Государственного музея этнографии народов СССР. Археология - этнография. Фонды. Уфа, 1982. С. 10, 346.

³ Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнографического исследования. Уфа, 1948. С. 144.

⁴ В МЭ: холм. 2990, 2994, 3282, 3283, 3284, 3285 и др.

⁵ После Отечественной революции музей был реорганизован в Музей народов СССР.

⁶ Мислав В. Ф. Систематический каталог одежды народов Дальнего Востока этнографический музей. М., 1887. Вып. 1.

Приобретенные одежды, по-возможности в комплектах, было уделено особое внимание. Если вещи встречались по-разному, собирались, отбирая наиболее характерные, стремились представить особенности костюма тех или иных мест. На северо-востоке, по границе Башкирии с Челябинской и Свердловской областями, где в 40—50-е годы процветала тамбурная вышивка с пышным растительным орнаментом, в 1956, а затем в 1954 г. было куплено несколько комплектов женской вышитой одежды (платья, фартуки), мужские свадебные сорочки и другие декоративные вещи (колл. 6910-7175). В соседних деревнях — Арсланово (Нязепетровского района Челябинской области) и Беланка (Башкортостан) был собран полный женский комплект: вышитые платье и фартук (в вариантах: № 7175-1-7, 15, 16, 24, 42 и др.), нагрудное украшение *мубалса*, серьги с монетками, косные подшкки *салам*, головное покрывало *кушъяулык* и колпачок, белые узорные чулки, галоши. Происхождением из северных районов Башкирии нарядные тканые ленты, мужские свадебные рубашки и штаны, фартуки, платья, изготовленные в первые десятилетия XX в. Редкостью подборка вязаных перчаточных вещей из северной Башкирии и из Зауралья; в ней представлены узорные и простые чулки, носки, варежки, перчатки.

В 1957 г. на р. Ашкәдәр (дер. Акчөвө Стриганмакского района) были приобретены вышитые платье и фартук, два женских праздничных «саяна» украшенных золотом, бурами и серебряными нашивками, и небольшой нагрудник *селтар* (колл. 6973). Южнее этих мест, за г. Мелеузом, были куплены пуховые шали, представлявшие развитие пуховязального промысла в 50-е годы.

В результате экспедиционной поездки 1958 г. собралась многочисленная коллекция (№ 7082) женской и детской одежды из южных и юго-восточных районов Башкирии (Златоустинский, Хайбуллинский, Баймакский, Абдуллинский): платья, безрукавки, нарядная верхняя одежда *слон*, праздничной женский *чекмень*, косные украшения и нагрудники (последние иногда изготовлены по старинным образцам). Своеобразием отличался один из женских халатов *саяна* с тонкой вышивкой (саярный орнамент) и многочисленными перламутровыми нашивками-луговцами. Перламутром, вышивкой с применением бисера, серебряными накладками и подвесками украшались в Хайбуллинском и Баймакском районах также девичьи и женские *хамзолы*.

Примечательностью дамской коллекции 1969 г. (№ 7892) явился бархатный *елән* из Альшеевского района с характерным расположением плотных рядов монет на спине и разбросанно спереди на плечах. В Миякинском районе (дер. Наркыстау) в коллекции появились вязаные жениховские перчатки. В дер. Алысөвө Выжбулякского района был составлен комплект серебряных украшений: полуоформленный нагрудник, зашитый штампованными бляхами, браслеты и кольца с сердоликом и перламутровыми пластинами.

Нужно заметить, что приобретение украшений в 50—60-е годы стало одной из наиболее важных и трудных задач собирателей, поскольку С. И. Руденко в годы своих поездок из-за стесненности в средствах не мог представить в музей все многообразие драгоценных праздничных украшений из серебра и кораллов; спустя полвека, в годы этнографических

экспедиций 1957–60 гг. и позже украшения приходилось развязывать и приобретать с трудом. В связи с вышесказанным, определенной удачей явилось появление в коллекции нескольких челябинских нагрудников яги По свидетельству С. А. Авижанской, последние по своим художественным достоинствам и материальной ценности превосходили все украшения, имевшиеся до 1959 г. в Центральной кладовой музея⁷. Тогда же у курганских башкир был куплен головной убор *кушмау* с набором необходимых декоративных принадлежностей: подбородника с монетами, охолоушных заклепок из плодов гвоздики и кораллов и пр. Юго-восточные нагрудники селтар появились в музее во время экспедиционных поездок 1958 г.

В результате экспедиции на север Башкирии и в восточное Зауралье (1959 г.) обогатилась коллекция башкирской обуви: были приобретены варианты обуви с сухонными голенищами, украшенными апликацией и вышивкой, а также старинная охотничья обувь из телячьей шкуры с небольшим толстым верхом на подержке.

Количество предметов башкирской одежды, содержащихся в настоящее время в Государственном музее этнографии, исчисляется сотнями экземпляров. Ценность башкирских коллекций этого культурного и научного учреждения состоит в том, что они собирались квалифицированно и в достаточной мере отражают особенности культуры башкир во всех основных ее локальных проявлениях.

Дополнением к коллекции служит в ГМУ фототека. Здесь снимки С. И. Руденко, М. А. Круковской, С. А. Авижанской и других исследователей, работавших среди башкир. В фотографиях запечатлены бытовые моменты, отражающие национальную специфику культуры. Благодаря им рельефнее выступают и стилистические особенности традиционной одежды.

В музее антропологии и этнографии им. Петра I Петербургского центра Российской Академии наук содержится несколько небольших башкирских коллекций, три из них включают одежду⁸.

Наиболее ранние вещи (колл. 766) попали в музей в конце XVIII в. благодаря усилиям П. С. Палласа, возглавлявшего один из отрядов естественнонаучной академической экспедиции, охватившей исследованиями и территорию с башкирским населением. Заслуживают внимания украшенный кораллами и серебром женский головной убор *кушмау* и нагрудная перевязь с металлическими привесками и сумочкой для молитвенника⁹. Особенностью украшений XVIII века является использование для них не только кораллов, серебряных напильки (среди монет преобладают чешуйчатые «новгородки» и подделки под них), но и бисера, жемчуга, перламутровых пластин, медных прокизков. Крупным жемчугом обшит край *кушмау*.

Около 30 предметов одежды было приобретено в 1912 году у преподавателя одной из Санкт-Петербургских гимназий Н. Ф. Арпелына (колл. 2027). Вещи были вывезены из дер. Старые Турбаслы Уфимской губернии (ныне деревня находится в Благовещенском районе).

⁷ Арпелына Н. Ф.
С. А. Музей этнографии
коллекции С. 154

⁸ В настоящее время
информация об этих
сделках в работе
Степановой Т. В.
Музей этнографии
и антропологии
им. Петра I
в Академии наук
России. СПб.:
Издательство
Искусств, 1972. С. 28
С. 31. Также
описание
одежды
коллекции
Музея этнографии
и антропологии
И. Степановой 1982
Т. 48 С. 151–151

⁹ Вещи описаны в
книжке Крайова
Г. А. Коллекция Г. С.
Талова по материалам
Музея этнографии
и антропологии
И. Степановой 1982
Т. 48 С. 156–156

В мужской комплект (№№ 1—14) входят гушикообразного покроя рубаха, широкие тканевые штаны, безрукавка, кафтан, верхняя приталенная одежда из фабричной ткани, домотканый чекмень, узорные штаны с широким шагом, шерстяной кушак (длиной около 4 м), узорные портянки, вышитая табакетка, две меховые шапки, вязаные варежки и перчаточный платочек. Когда-то в этот состав входили и вязаные белые чулки, со временем спиленные по причине их ветхости.

Женскую одежду (№№ 15—28, 37—39) представляют два платья, нагрудная повязка, камзол, шелковый бешмет, вышитый фартук, домотканые штаны, два козырька (один с монетами на околыше, другой с бисерной вышивкой), оренбургский платок, шаль, вязаные чулки и перчатки, сафьяновые кинжи, два пластинчатых браслета и «звенящее» кольцо с монетками.

По-видимому оба комплекта являются свадебной одеждой. На эту мысль наталкивает не только состав костюма и особая декоративность одежды, но и наличие таких обязательных атрибутов свадебной обрядности, как вышитые портянки, узорные штаны и рубаха, украшенные вышивкой головные уборы, нарядный платочек с кисточками — подарок невесты жеману.

Вещи этой коллекции по стилю близки татарским, хотя отдельные предметы (рубаша, верхняя одежда, обувь, козырьки) могли существовать и в башкирском быту.

Несколько образцов старинных башкирских вышивок из восточного Зауралья поступило в фонды музея в составе собрания Д. К. Зеленина (колл. 6576), специалиста по одежде и народному искусству Восточной Европы. Интересны заготовки для полотенцеобразных головных уборов и украшенное аппликацией сукно для голенищ женской обуви (№№ 180, 236—239 и др.).

В Екатеринбургском Государственном историко-краеведческом музее¹ сохранилась уникальная коллекция башкирской одежды второй половины XIX — начала XX в. По ней можно получить представление об особенностях костюма населения верхнего р. Уфы — территории, входившей прежде в Екатеринбургскую губернию. В ней около трех десятков предметов. Большая часть из них перешла из старого губернского музея (колл. 7593—7619); остальные были получены в 1927 г. из музея г. Красноуфимска (колл. 7615, 1—16).

В башкирской коллекции музея вещи из фабричных и кустарных среднеазиатских материалов сочетаются с домоткаными — из серого сукна и холста. Из клетчатой и полосатой пестряди, иногда ornamentированной бирюзовыми розетками, изготовлены не только рубахи и штаны, но и женские головные покрывала. Полосой узорной домашней ткани украшена женская верхняя одежда.

Женские платья отличает длинный ровный подол с одной-двумя лентами по низу. Чуть выше талии пришита широкая оборка — «второй подол».

Для мужских и женских безрукавок-камзолов характерен приталенный силуэт.

Необычным экспонатом надо признать женский суконный халат накидку (№ 7593) с длинными узкими скрепленными

¹ Музей Северо-уральской областной краеведческой этнографии.

на спине рукавами и лямочками у ворота, с помощью которых эта одежда удерживалась на голове.

Оригинален нагрудник, зарегистрированный в книге описей под названием «сакома» (№ 7608). Его основу составляет кожаный воротник, к которому прикреплена коралловая сетка, заканчивающаяся бахромой. Воротник покрыт кораллами и мелкими монетами; от него на сетку спускаются три кумачовые полоски (10 см длиной) с металлическими бляхами. Другой нагрудник (№ 7615-7), трапециевидной формы, сплошь покрыт серебряными монетами и фибулами с цветными вставками, среди них прикреплены две янтарные подвески. Только в этой коллекции имеются небольшие девичьи нагрудники, расшитые бисером, счетной гладью, кистями и разноцветной бахромой из крученых ниток (№ 7607, 7609).

Бисером украшена женская шапочка-колпачок (№ 7603) Тамбуром и гладью расшиты головные покрывала.

Примечателен мужской убор типа высокого башлыка с наспинной полостью и длинными «ушами» (№ 7602).

Обувь представлена женскими «сарык» с арочной аппликационной композицией на заднем каблуке и кожаными башмаками (№ 7606, 7615-11, 12).

В фондах музея имеется и детская одежда: камзол и две тибетейки мальчика, платье, фартук и два вышитых нагрудника девочки.

Интересен фотоархив музея, в том числе небольшая коллекция фотографий башкир с территории современного Красноуфимского района Свердловской области (колл. 7615-19, 20, 21, 22, 23, 24). Эти и другие снимки сделаны в начале века.

Башкирская коллекция музея до сих пор нигде не публиковалась, она неизвестна даже научной общественности.

Вековую историю имеют многие виды одежды в хранилищах Башкирского государственного историко-краеведческого музея (БГИКМ).

Историко-краеведческий музей (поначалу он назывался историко-социальным музеем народов Востока) был организован на базе Уфимского губернского музея, основанного в 60-е годы прошлого века. Наиболее ранние его экспонаты (вышивки, тканая одежда, головные уборы, некоторые украшения) были изготовлены в первой половине XIX, отдельные — даже в XVIII в.

В 20-е годы, после открытия народного музея, его фонды значительно пополнились в результате регулярно организуемых экспедиций по районам Башкирии и за ее пределы. В собирательской деятельности приняли активное участие З. Ш. Шакиров (первый директор музея), научные сотрудники Г. Ф. Вильданов, М. И. Касьянов, художник А. Э. Ткалькин и др. Была собрана внушительная этнографическая коллекция, в том числе немало одежды. С юго-востока Башкирии были привезены уникальный мужской халат из черного бархата, отделанный красным сукном и оригинальной вышивкой в технике «двойного тамбура» (№ 3454). Появилась верхняя одежда из среднесибирского шубка (№ 3081, 3082), меховые мужские и женские головные уборы, обувь. Расширился набор старинных вышивок на хараусах и тастарах. В 1929 г. среди аргаяшских башкир в юго-восточном Зауралье были приобретены новые образцы вышитых головных полотенец и обуви с суконными голенищами.

Отдельные вещи (в основном вышивки нагрудные повязки и др.) приобретались в 30-е годы во время экспедиционных выездов в Бураевский, Баймакский и другие районы. В 1940 г. в Аургазинском и Давлекановском районах были куплены женский головной убор *кошмау*, нагрудник *жакалгай*, кольца и браслеты (№ 4608 и др.).

Массовое пополнение и обновление этнографических фондов произошло в конце 60 — начале 70-х годов. Музейные экспедиции охватили многие районы Башкирии: Бастейно, Демы и Уршака, горную часть юго-восточное Зауралье. Ощутимый вклад в обогащение этнографических коллекций в это время внесла зам. отделами дореволюционной истории музея Э. Д. Терезулова. Благодаря ее усилиям музей стал обладателем коллекции массивных украшений из кораллов и серебра; в ней представлены многие локальные варианты нагрудников (№ 6094, 6277, 6476, 6477, 6478, 6564, 6565, 6566 и др.). Появились разновидности верхней праздничной одежды: алаш, украшенной полументом, цветным сукном, серебряными бляхами, монетами, расшитой шелком и шерстью, тиснением, кораллами (№ 6348, 6463, 6553, 6278 и др.). На берегах р. Демы был приобретен комплект женской праздничной одежды: халат конопадного типа, головной убор *кошмау* и нагрудник *сакал* (№ 6432-1, 2, 3).

К настоящему времени в основных фондах республиканского музея насчитывается более 200 экземпляров, характеризующих башкирский костюм. Ранее была опубликована специальная работа, посвященная коллекциям музея по одежде¹.

В последнее время после реставрации наиболее ценных вещей ценности республиканской коллекции повысились. Отдельные экземпляры (холщовая одежда, некоторые головные уборы) были выполнены по старинным образцам, имеющимся в ГМЭ.

Говоря об исторических и художественных достоинствах собраний музея, надо, видимо, подчеркнуть достаточно полное отражение в нем составных частей башкирского костюма. В них можно обнаружить немало предметов редких, в других музеях отсутствующих. Многочисленны принадлежности женской одежды: платки, нагрудные повязки, камзолы, верхняя одежда, головные уборы, обувь. Несколько беднее представлен мужской костюм, но среди этого рода вещей имеются в историческом и художественном плане весьма ценные.

Женские платки, приобретенные в разное время, отражают эволюцию «мода» на протяжении XIX—XX в. Есть платки старинные, из тканей домашнего производства, белого холста (№ 3179, 3180, 3187), желтый, оранжевый донотканнины, клетчатой пестряди (№ 3689, 6128-1, 6589-2). Для части платков сшитых в первые десятилетия нашего века, использованы фабричные материалы (№ 3195, 4232). Редким экземпляром является белая холщовая рубашка с вытканым красным узором по низу подола, рукавов и сверху боковых клиньев (№ 3079). Оригинальны жениховские штаны из донотканнины (№ 5828, 6128-4, 6190). Сохранились мужские штаны из домашнего сукна (№ 3214). Представлена верхняя одежда из конопаляного холста в полоску и белая, украшенная аппликацией (№ 3453, 4225).

Только в этом музее можно увидеть вышитым сановитером башкира: зеленый суконный чекмень, ковровый пояс с карда-

¹ Штыров С. И. и др. Костюм башкирского народного костюма. Сборник в этнографическом музее Республики Башкортостан. Уфа: 1980 — С. 48—49.

ными бляхами и высокой головной убор с изоревидными полями, обшитый позументом (№ 3175). Богат набор мужских поясов, особенно козравых, известных у башкир и на Талижем Востоке под названием «камар» (№ 3022, 3031, 3272, 3297, 5050, 5760, 6128-5). Из мужских головных уборов наиболее типичны меховой малахой и войлочная шапка (№ 3291, 3034).

Многие редкие виды традиционной одежды из музея были опубликованы в этнографических работах по искусству¹². Из женских головных уборов в его коллекциях заслуживают внимания белый вязаный козырек (№ 3106) женские шапки (№ 3256, 3449), украшенные монетами, бисером, капитальны бархатные козырьки (№ 6128-5, 3272, 3411). Многочисленны образцы вышивок к головным «полотенцам» *тасар* (№ 3104, 3105, 3112, 3114, 3121, 3343, 3348, 3380—3387), есть и целые головные уборы (№ 3364). Не менее интересны старинные хараусы (№ 3332, 3358—3367 и др.).

Чрезвычайно богат набор традиционных украшений из кораллов и серебра. Здесь есть нагрудники демских, инзерских, восточных и южных башкир; старинный наспинник, судя по вышивкам, мог быть вышитым еще в XVIII веке (№ 3163). Имеются ожерелья из монет и блях (колл. № 6605, 6611, 6629 и др.), шпильки застежки с подвесками (№ 6406, 6407-2, 6424-2), перья (№ 3056, 3057, 6610). Разнообразны косички из шерстяных шнуров, тесьмы, монет, ювелирных блях. Только здесь представлено девичье заталочное украшение на треугольной кожаной основе (№ 6703-3). Много колец и браслетов.

В музее собрано несколько пар сапог с узорными суконными голенищами — обуви, характерной для башкирского населения восточного Урала, особенно Челябинской и Курганской областей; как правило, аппликационные композиции на них не повторяются (№ 3139, 6562, 6476-2, 6482, 6490-1). Имеются детские сарыки с кожаными вышивками и аппликационными полосами в виде ряда зубцов и волн (№ 3140, 3141, 3142). Оригинальны обувь инзерских башкир с короткими тканевыми голенищами. Из других экспонатов можно отметить суконные чулки, жемчужовские узорные перчатки.

Обзор этнографических коллекций музея будет неполным, если не упомянуть об Учалинском филиале, который первоначально возник как музей при Доме пионеров в г. Учалы. Благодаря усилиям местного краеведа С. III. Гизатуллина в короткий срок в самом городе и окрестных селах была собрана широчайшая этнографическая коллекция, заложенная в основу разобранной экспозиции, занесшей два этажа небольшого дома в центре города. В экспозиции и фондах музея немало вещей, изготовленных старожилками по заказу устроителя. Верхняя одежда из домашнего сукна, подпоясанная кушаком, оловянная лапка с вышивкой представляет и витринах характерный костюм скотовода-полукочевника. Мягкие мужские и женские сарыки изготовлены по традиционным образцам; есть и нарядные сапоги с суконным верхом, на твердой подметке. Собраны женские платья и камзолы, приталенная одежда *келек*. Много украшений: нагрудники из монет и кораллов, принятые у местных башкир кубельки-теменицы и барын-табынцы, ожерелья и перья, косы, подвески.

Фонды Башкирского государственного художественного музея им. М. В. Нестерова складывались в советское время.

¹² Шайхеев А. Чир.-но-башкирские старинные костюмы. — В кн.: Исследования по этнографии Башкирии. Вып. 1. Уфа, 1974. С. 10-11. Шайхеев А. Чир.-но-башкирские старинные костюмы. — В кн.: Исследования по этнографии Башкирии. Вып. 2. Уфа, 1975. С. 10-11.

Узоры счетной и тамбурной вышивки на мужских рубашках. Курганская область, Белонатайский район Башкирии, 1959 г. Худ. Г. И. Мухаметшин

Мужские головные уборы; суконный малахай, кетаная шляпа, шапки. Из фондов ГМЭ. Худ. И. Ф. Кибальник.

Музей был открыт в 1920 г. Коллекционирование и пропагандирование произведений народного декоративно-прикладного искусства с первых лет стало одной из целей его существования. В 20—30-е годы было организовано несколько экспедиций по районам республики, материалы которых легли в основу организованного позже раздела Башкирского народного искусства. В них приняли участие художники и тонкие ценители народного творчества К. Давлеткильдечи, В. Сыромятников, Ю. Блюменталь. В конце 60-х — начале 70-х годов, благодаря усилиям работавшей в этот период в музее искусствоведа А. Г. Янбухтиной, раздел пополнился современными экспонатами декоративно-прикладного искусства.

В сравнительно небольшой, но яркой коллекции тканевых и вышитых вещей в разделе башкирского народного искусства существенное место занимает одежда. Нарядом красивые штаны жениха, украшенные разноцветным орнаментом, выполненным в выборной технике тканья (колл. Б-201, Б-340). Разнообразны праздничные фартуки, тканые с браными рюшечками в центре, с широкой каймой (Б-387, Б-454); вышитые тамбуром, шерстью, сметной гладью. Плотная, стежок к стежку, тамбурная вышивка украшает подол черных женских платьев, воротник, планку, рукава и низ мужских рубаш. Романтический растительный орнамент на фартуках, платьях и мужских рубашках, почти не оставляющий фона, был характерен для северо-востока Башкирии в 50—60-е годы. В этот период в музей из ряда деревень Белокатайского района названные вещи (колл. Б-240, Б-275, Б-277, Б-278, Б-280 и др.) Из тех же мест и ажурный фартук, покрытый разноцветной переливчатой вышивкой (Б-260). Фартук, украшенный полусами орнамента, тонко очерченного цветными нитками в технике росписи и сметной глади, был привезен из деревни Большое Султаново Сафакулевского района Курганской области (Б-249). Старинная конгульная тамбурная вышивка представлена на нагрудных повязках из ранних коллекций (Б-170, Б-172, Б-177 и др.).

Посадки сотрудников музея в 20—30-е годы в южные и джуральские районы Башкирии позволили собрать образцы вышивки на покрывалах, тастар и хараусах (колл. Б-26, Б-29, Б-31, Б-34, Б-53, Б-73, Б-74, Б-83, Б-87 и др.).

В музее имеются отдельные экземпляры верхней праздничной одежды. Особо следует отметить два темных женских халата, один из которых, типичный для юго-западной Башкирии, украшен узким поперечным и большим количеством мелких мотивов (Б-386). Другой, южный, вышит шелком (золотистый узор), кораллами, украшен ювелирными бляхами (Б-381). Широкая обшивка рукавов и подол поперечным, красным и зеленым сукном придает ему особую парадность, торжественность.

Праздничная обувь с аппликацией на суконных голенищах была доставлена в начале 70-х годов в составе коллекции из Курганской области, представительнице декоративно-художественные традиции восточной группы башкир.

В музее относительно немного ценных украшений из кораллов и серебра. Покрывальщый нагрудник с ювелирными бляхами, обрамленный кораллами и бубенчиками (колл. Б-197), привезен из юго-западных районов. Другой, на трапециевидной основе, покрытый кораллами, характерен для костюма изверских башкир (Б-379).

Шлемовидные *хаштану* из кораллов, бисера и серебра [И-135], шитые бисером и жемчугом калпаки могут дать представление о женских головных уборах. Из ювелирных украшений имеются ажурные подвески из серебра с сердоликом и ожерелье из фигурных блях со вставками из цветного стекла.

Полноценным этнографическим источником являются художественные полотна из собраний музея - в первую очередь произведения местных мастеров. Колоритно изображены башкиры в картинах К. Давлеткульдеева, А. Лутфуллина, Р. Нурмухаметова, Ф. Кашеева и др. Большое внимание уделено изображению народного быта и одежды.

В фондах музея собраны также эскизы декораций и костюмов представителей театрально-декорационного искусства (Г. Иминевой, А. Арсланова и др.), разработанные для постановок, созданных с использованием фольклорных сюжетов.

Примерно 250 вещей из состава башкирской одежды имеются в экспозициях и залах самого молодого из официально функционирующих исторических музеев области - музея археологии и этнографии Уфимского научного центра Российской Академии наук. Эти фонды начали формироваться в 70-е годы. К этому времени заметно модернизировался покрой народной одежды, обновились декоративные средства, прочное место в быту заняли промышленные материалы. Тем не менее вместе с современными вещами в музей попало немало экспонатов, выполненных в старом традиционном духе.

Башкирская одежда в музее археологии и этнографии г. Уфы содержится в 26 коллекциях. В накоплении этнографических материалов принимали участие сотрудники Института истории, языка и литературы Н. В. Бикбулатов, С. И. Шитова, А. И. Нагаева, С. Х. Дюметкина и др. Вещи привозились из поездок по Башкирии из Пермской, Свердловской, Челябинской, Курганской областей. Большая группа вещей была доставлена в музей из Абзелиловского района вместе с коллекцией по специальному заказу юрты. Она была дополнена приобретениями, сделанными в 1977 г. в горном Белоуральском, зауральском Учалыинском и в соседних районах Челябинской области [колл. Э-1]. Богатые декоративно-художественные традиции представлены в тканой и вышитой одежде из северных и северо-восточных районов республики и соседней территории Свердловской области [колл. Э-2, Э-22, Э-25, Э-30]. Яркой самобытностью отличается одежда из Аламаньинского и Сафакулевского районов Курганской области [Э-33].

Неоднократно предпринимались экспедиции с целью сбора материала в южные и юго-западные районы Башкирии, до середины нашего века сохранявшие скотоводческие традиции [колл. Э-14, Э-17, Э-19, Э-20, Э-24, Э-34, Э-35, Э-36, Э-39, Э-45].

Состав одежды в музее разнообразен: платья и мужские рубашки, пояса, камзолы, верхняя одежда, обувь, головные уборы, украшения.

Из тканой одежды можно выделить два платья с браным узором (Э-25-5, 11) - тканые мужские и женские штаны; все эти вещи были выполнены в первые десятилетия нашего века.

Немало платьев, фартуков и рубаш украшено тамбурной вышивкой. Есть комплекты вышитой женской одежды (платье и фартук) из Курганской, Свердловской областей (Э-33-41, 42; Э-38-1, 2, 3, 36 и др.), из Мечетлинского района (Э-2-8, 13). Кроме трех вышитых мужских рубаш (Э-2-10, 12; Э-22-16) имеются заготовки воротников и плавок.

Редким приобретением являются свадебные (тканый и вышитый) жениховские пояса из Архангельского района и из Курганской области. Разнообразные местные традиции прослеживаются в украшении женских безрукавок позументом, узорной строчкой, монетами, пуговицами, вышивкой с применением бисера и стекларуса.

Верхняя одежда представлена мужскими и женскими кафтанам и клязкей, ватным бешметом. Большой удачей было приобретение праздничных женских халатов (саян) из разных районов Башкирии. Есть два демских «еляна» с обильной нашивкой монет в верхней части спинки, по полочкам и подолу и пышным контурным орнаментом на талии и на рукавах, вытолканным строчкой (Э-14-15, Э-43-6). Праздничный халат из юго-восточной Башкирии украшен мизмалами и монетами (Э-1-117). Старинные традиции вышивки цветной шерстью и молочным бисером прослеживаются в изображении солнца на свадебных «елянах» из Зилаирского района (Э-20-58, Э-45-34).

Меховая одежда включает овчинный тулун и две шубы дубленую и крытую черной тканью (Э-1-129, 127, 128). Из музея Республиканской гимназии № 1 г. Уфы в 1982 г. была передана шуба бело гун, входившая ранее в обязательный состав свадебных подарков со стороны жениха (Э-27-1).

С большими трудностями удалось собрать коллекцию головных уборов. Она представлена женским убором из кораллов и серебряных нашивок кошмау, женскими колпачками разной формы, девичьим ободком с монетами и бусами, покрывалами кушъяулык, платками, ткаными и вязаными палаями (колл. Э-24, Э-33, Э-38 и др.). Благодаря участию в формировании фондов МАЭ некоторых других музеев, в частности, Башкирского художественного музея им. М. В. Пестерова, в его фондах оказались старинные хараусы и канционки вышитых гостар (Э-18; В--17; Э-21-7). Мужских головных уборов немного: это шапки из овчины, тюбетейки, чалма.

В собраниях музея отсутствует кожаная обувь; нет сапог и башмаков. В то же время его достопримечательностью является обувь с белыми суконными таленицами из восточного Зауралья. Нарядный аппликационный узор на задниках сапог выполнен в традициях, типичных для восточных башкир (Э-1-67, 73, Э-33-14, 58). Происхождением из северных районов лыковые лапти, узорные вязаные чулки. Имеются образцы суконных чулок женских и мужских (Э-14-32; Э-38-24).

Музей по праву может гордиться богатой коллекцией украшений из кораллов и серебра. В ней представлены почти все варианты массивных нагрудных украшений: юго-восточные гостар, демские сакхи, северо-восточные мубынак, восточно-зауральские ялг и др. (Э-1-107, 109, 110, 112, 113; Э-19-4, 5; Э-22-12 и др.). Из Курганской области привезен носившийся там в комплекте с нагрудником наспинник (Э-33-53). Имеются коралловые ожерелья (Э-34-31, Э-46-172), шейные застожки

с подвесками из металлических пластинок на цепочках [Э-19-6]. В числе ювелирных украшений около двух десятков подвесок на одежду и головные уборы, фигурные накладки и бляхи. Есть в коллекциях кольца, перстни, браслеты, разновидности серег.

К редким экспонатам относится охотничий пояс с традиционными принадлежностями, в том числе кожаной дробницей и роговой пороховницей [Э-1-63].

Лишь небольшая часть перечисленных вещей была использована в экспозиции.

Башкирскую одежду можно встретить и в других музеях страны. В Государственном историческом музее (г. Москва) хранится небольшая коллекция вещей, привезенная этнографом В. И. Велицер в 30-е годы из поездки по Буринскому и Баймакскому районам, в том числе ювелирные украшения [И-138, 302, 442], головные уборы [И-413-416], принадлежности традиционного костюма (Б-809-817).

Небольшие собрания башкирской одежды имеются в историко-краеведческих музеях гг. Челябинска, Кургана, Перми, Оренбурга, Казани. Костюм юго-восточных башкир представлен в районном музее в г. Баймаке.

Вещи из состава башкирской одежды и украшения неожиданно обнаруживаются в самодеятельных музеях, созданных в последние четверти века во многих уголках Башкирии по инициативе местных энтузиастов, историков и краеведов. Из числа таких музеев с интересными собраниями народной одежды можно назвать музей Н. С. и С. А. Зыряновых в пос. Юматово под Уфой, историко-краеведческий музей при Республиканской гимназии № 1 в г. Уфе, Усть-Икитский музей при Доме пионеров (Мечетлинский район), колхозный музей в дер. Ахуново (Учалынский район), Бардымский районный музей (с. Барда Пермской обл.). Старинные вещи попадают иногда и в школьные уголки краеведения. Однако условия их хранения здесь и импортизация во многих случаях осуществляются не на должном уровне. В функционировании же таких уголков присутствует элемент случайности.

Башкирская этнография представлена не только в отечественных музеях. Колоритная коллекция фотоснимков и вещей (225 предметов), собранная в начале нашего века, содержится в Венгерском этнографическом музее в г. Будапеште. Она появилась в результате поездки на Южный Урал венгерского этнолога и лингвиста Мисароша Дьюлы. Летом 1909 г. около трех месяцев он работал среди башкир Оренбургской и Пермской губерний¹. В долине р. Сакмары он посетил дд. Юмашево, Юдук, Икитово, Тимасово, Туяково). В Челябинском уезде остановился в дер. Мухаметкулево, совершая поездки в соседние деревни. В Пермской губернии основные работы ученого были сосредоточены в Екатеринбургском уезде. В собранной им коллекции (колл. 79950-79992, 80106—80115, 83196—83393) больше всего занимали украшения: браслеты, кольца, серьги, застёжки с подвесками, кожаный нагрудник селтер, ювелирные бляхи и подвески с гравировкой и инкрустацией. Происхождением с Сакмары традиционный головной убор кашмау с длинной наспинной лентой, украшенной бусами и раковинами-ужовками. В ис-

¹ Подробностей о поездке в Венгерский музей (собрание вещей) см. в работе Мисароша Дьюлы «Известия о башкирской этнографии», г. Будапешт, 1910 г. (с. 1-11). В Башкирской коллекции Екатеринбургского этнографического музея. Архивные материалы Уфа, 1962 г. с. 322—323.

точном Зауралье внимание ученого привлекли вышитые кофточки *тактор*, *дараусы*. Согласно сведениям Д. Месароша, покрытые орнаментом *дараусы* местное население пришивало по обшвам воротам ворота холщовых рубаш. Из одежды в венгерской коллекции привлекают внимание вышитые нагрудные повязки и женский безрукавный камзол с кустарным узором на талии. Такая шашилка была типична для юго-восточных районов.

В фотоколлекции Д. Месароша имеются снимки башкирских женщин и детей в праздничной одежде, сделанные в окрестностях озера Талкас неподалеку от дер. Исляново. Хорошо видны юбки-юкесты кимо-юкестонды, традиционные костюмы: длинные платья и халаты, массивные нагрудники, наброшенные на голову большие шали и платки. Молодая женщина в халате из среднеазиатского шелка сфотографирована у юрты. Для нас эти материалы интересны как непосредственные свидетельства очевидца, побывавшего в южных и восточных башкирских аулах, сохранявших колорит кочевого быта.

Итак, в музейных фондах сбережены сотни экземпляров старинной башкирской одежды. И хотя наиболее ранние образцы насчитывают не более двух веков, по одежде XIX—начала XX в. можно составить представление о традиционном костюме раннего времени.

В последнюю четверть века культурная общественность имела возможность ознакомиться с высокохудожественными образцами национальной одежды из Гос. музея этнографии в г. С.-Петербурге, Башкирского художественного музея, Башкирского историко-краеведческого музея, отчасти Венгерского этнографического музея. Материалы этих музеев изучались башкирскими этнографами. На их основе были написаны статьи, монографии, составлены альбомы, популяризирующие башкирский костюм. И все же далеко не все возможности даже названных фондов истощены до конца. Совершенно не затронуты материалы Екатеринбургского, Челябинского, Курганского музеев, Музея антропологии и этнографии в г. С.-Петербурге, Музея археологии и этнографии в г. Уфе, как и десятки небольших собраний сельских, районных и областных музеев в Республике Башкортостан и за ее пределами. Богатое наследие, надежно законсервированное в музейных краеведческих, может лечь в основу еще не одного красочного издания.

НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ В РАЗВИТИИ И ПЕРСПЕКТИВЕ

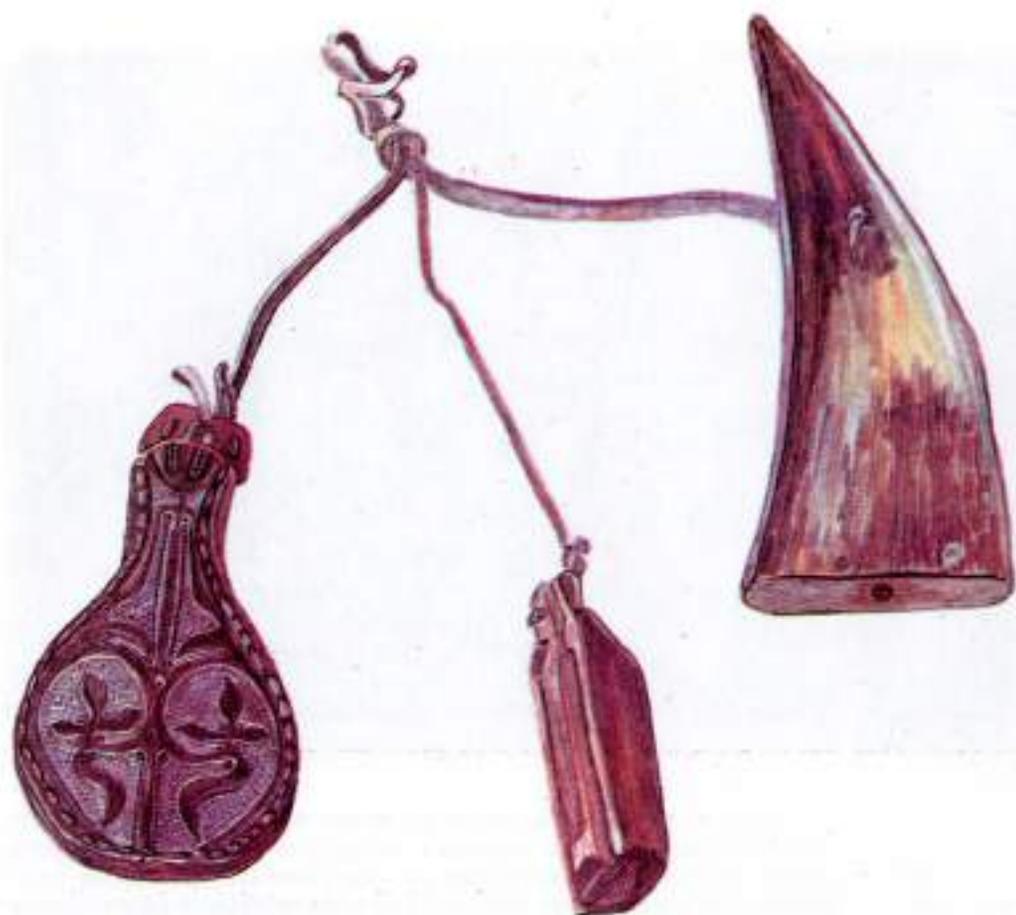
Как и всякая бытовая и художественная культура народа, одежда, при относительной ее консервативности, находилась в постоянном развитии. С течением веков осваивались и изменялись новые материалы, совершенствовалась покроя, видоизменялась форма вещей. При характеристике украшений говорится, что их богатое оформление (сплошная зашивка основы кораллами и серебром) появилась в средневековые и пору интенсивного наследия башкирского общества, в условиях активных торговых связей с Востоком. Старые башкирские коллекции петербургских и уфимских музеев содержат немало вещей, к началу XX в. в деревенском быту утраченных. В башкирской одежде XVIII—начала XIX вв. нетрудно выделить более ранний пласт. Старинная одежда отличается непривычными пропорциями кроя (большие ластовицы, широкий воротник, длинный подол рубах и пр.), экзотическими украшениями (перламутровые пластинки, индийские раковины монеты-чешуйки, медные прошивки лубяными и гусиные пудры). В этнографических заметках XVIII—XIX вв. встречаются описания редких уборов, упоминаются не совсем обычные способы украшения одежды: юрками камнем, соком растений. Применялась исчезающая позже плотная вышивка «косым стежком», росписью. На рисунках и гравюрах XVIII—XIX вв. можно увидеть головные уборы, о которых в настоящее время упоминаний в народе не сохранилось.

Существенные изменения народная одежда претерпела в первые десятилетия нашего века. Участие в первой мировой войне, затем в сражениях на фронтах гражданской войны и в социалистическом строгельстве привели фактически к утрате мужского костюма. Если и оставались в мужской одежде некоторые традиционные детали, то лишь у людей старшего поколения. Много новшеств под влиянием народа появилось в одежде женщины.

Дальнейший подъем экономики, технизация производства, рост образования, расширение мировоззрения, крепнущие интернациональные связи способствовали все более активному вытеснению из сельской жизни привычных форм, бытовых обрядов и устоев. Однако вместе с устаревшим, пережиточным утрачивалось и рациональное. Исчезла самобытность, отличавшая в прошлом народы и этнические группы. Забылась наиболее ценное художественные традиции, в сложение которых внесли вклад десятки и сотни предшествующих поколений.

Охотничий набор (прикрепляется к поясу). Музей дер. Абишево Хайбуллинского района Башкирии, 1970 г. Худ. М. Д. Кузнецов

Вопрос о судьбе традиционного после Октябрьской революции поднимался неоднократно. Его затрагивал В. И. Ленин, говоря о духовной преемственности эпох и поколений, о необходимости, в связи с этим, хранить и изучать «наследство»¹. Делая наброски к статье «О пролетарской культуре», он замечает, что культурное строительство в стране должно ориентироваться прежде всего на «развитие лучших образцов, традиций, результатов существующей культуры»². А. В. Луначарский призывал усвоить старую культуру — понять ее как историческое прошлое, «сделать ее живой частью культуры современной»³.

Традиционная
вышивка на
фартуках
и платках
60-х годов

В 30-е, затем в 50-60-е годы и позже в Башкирии на государственном уровне решался вопрос о развитии декоративного искусства в народных промыслах. Специальные постановления сессий Верховного Совета Республики Башкортостан способствовали появлению сувенирных художественных объединений, стимулировали развитие ткачества, вышивки и вязания в районах республики. Отчасти это коснулось и одежды.

В последние два десятилетия пробудившееся внимание населения к своему творческому наследию, воссоздание наиболее ярких праздников и обрядов, интерес к фольклору по всей стране вызвали необходимость восстановления традиций, связанных с костюмом. Во многих случаях речь шла о возрождении костюма, поскольку истинное представление о традиционном сохранилось лишь в памяти старшего поколения. Этнографические архивы и научное описание накопленного материала приобретают при этом первостепенное значение.

¹ Ленин В. И.
ПСС. 5-е изд. М.,
1971. Т. 2. С. 307—
350; М., 1963. Т. 41.
С. 337.

² Там же. Т. 41.
С. 462.

³ Луначарский
А. В. Об искусстве.
М., 1982. С. 335.

Народная башкирская одежда в последние десятилетия развивается в том же направлении, что и одежда других народов нашей страны. В быту остаются и находят применение те ее виды, которые в наибольшей степени приспособлены к местным условиям: шубы, полушубки, тулупы, валяная и меховая обувь, катаные шляпы, шерстяные пуховые платки, шали. Широко используются вещи, удобные в повседневном быту: фартуки, камзолы — у женщин, тюбетейки — у мужчин. Люди среднего и старшего возраста с пристрастием относятся к вышитой одежде, к украшениям из серебра и кораллов. Высоко ценятся старинные вещи, расстаются с ними

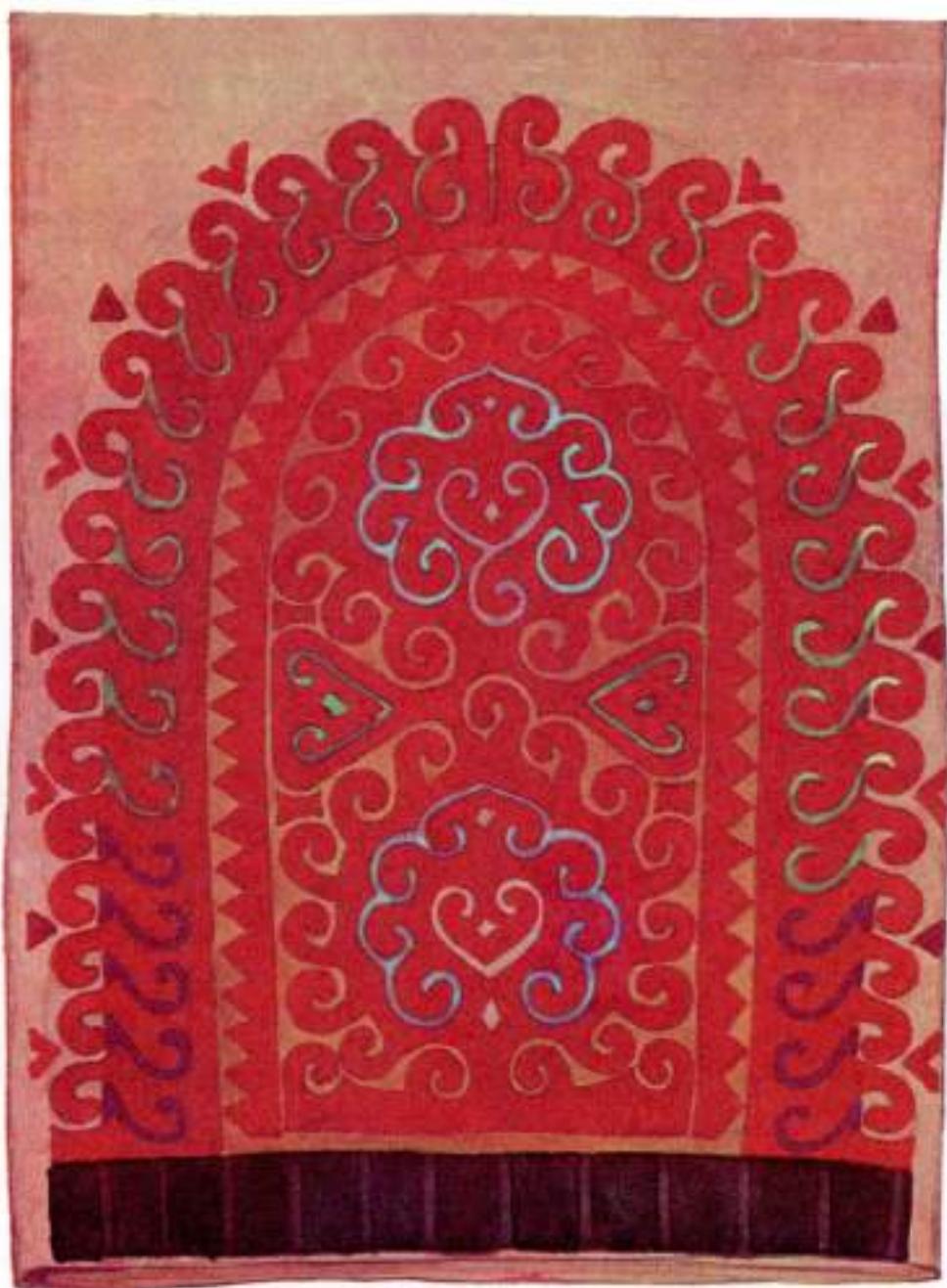

неохотно даже в тех случаях, когда их уже не носят.

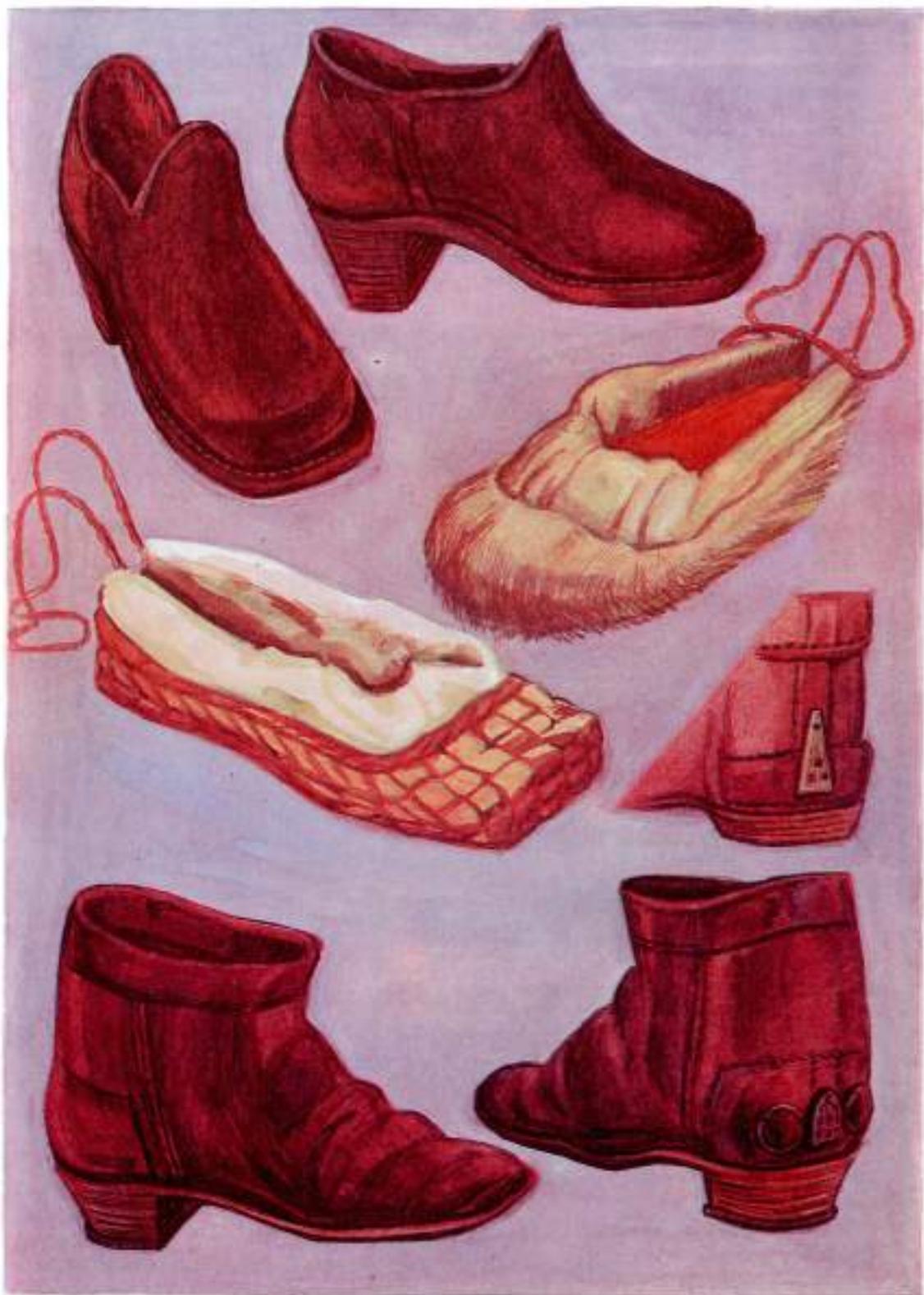
Насыщенная гамма, свойственная народному костюму конца XIX—начала XX вв., определяет колорит современной одежды не только в башкирских деревнях, но и в многонациональных городах республики. Молодежь с готовностью принимает яркие ткани, использует цветовые контрасты.

В наши дни национальный костюм популярен в тех районах, где поддерживаются фольклорные традиции — прежде всего, на юго-востоке Башкирии: в Абзелиловском, Бурзянском, Баймакском, Хайбуллинском районах и др. Участницы фольклорных коллективов из этих мест используют старинные вещи, но чаще изготавливают новые по старым образцам. Женщины надевают платья с оборками и лентами, безрукавки с позументом и металлическими украшениями, нагрудники с нашивками, используя кораллы, бисер, ювелир-

Аппликационный узор на обуви сарык. Курганская область, 1972 г. Худ. В. М. Шутова.

Низкая кожаная, меховая и лыжная обувь. Из фондов ГМЭ. Худ. И. Ф. Кибальник

Женщины
из фольклорной
группы,
Дер. Утяганово
Абзелитовского
района, 1982 г.

ные украшения, старинные монеты. Головными уборами служат цветастые платки, нарядные шали. В последние годы в ряде деревень Абзелитовского района распространился опыт восстановления традиционного убора «кашмау». К сожалению, допускается вольная имитация, искажающая не только прежнюю манеру нашивок, но и форму основы; вводятся орнаментальные композиции, несвойственные башкирскому декоративному искусству.

Взаимосвязь современной культуры и национальных традиций — проблема, волнующая не только ученых. Сейчас ею заняты творцы-практики: художники, конструкторы, моделье-

ры, работающие над созданием модной одежды, обуви, разнообразных бытовых вещей. Использование традиций в современности предполагает их глубокое изучение. Овладение этнографическими источниками дает возможность развивать традиции, не копируя и в то же время подчеркивая национальную специфику.

Творческое восприятие традиций профессионалами-художниками, в зависимости от направленности их деятельности, предусматривает неоднозначный подход к историческому материалу. При создании фольклорных костюмов отступление от привычных форм осуществляется в ограниченных пределах. Особенно важно здесь знание закономерностей объединения предметов в единый ансамбль, сбережение характерных деталей костюма, сохранение прежнего декоративного стиля.

Фольклорная группа из дер. Старо-Мунасыпово Бураевского района на празднике в г. Уфе

Над созданием фольклорных театральных и эстрадных костюмов уже много лет работает коллектив Башкирского экспериментального производственного комбината Всероссийского музыкального общества. Им создана не одна серия костюмов для артистов Башкирского государственного ансамбля народного танца, для хореографических и музыкальных коллективов республики. В последний период художники комбината уделяют большое внимание местным особенностям башкирской одежды, разрабатывая сценические костюмы тех или иных районов. Более 10 вариантов женских комплектов одежды было выполнено в начале 80-х годов для популярного фольклорного ансамбля «Кубаир» Башкирского

научного центра. С учетом локальных различий готовились костюмы для участников республиканского музыкально-хореографического праздника «Тальянка» (1986—1988 гг.) и для других культурных событий.

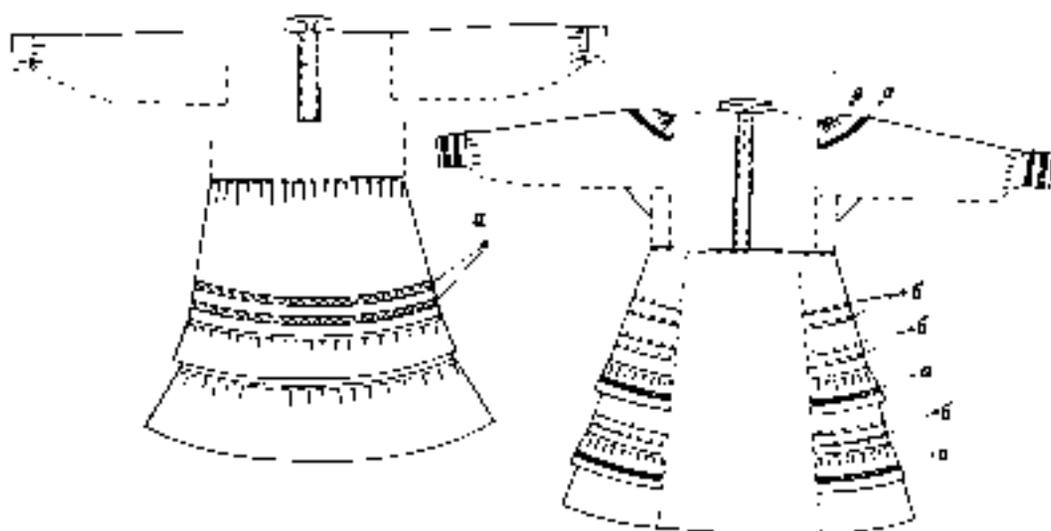
Тонкий национальный колорит тактично вводится в модели платьев и костюмов, создаваемых для эстрады. В отличие от фольклорной, эта одежда разрабатывается на современной модной основе.

По-своему живут традиции старого быта на подмостках театров. Сохраняя этнографичность, театральные костюмы трансформируются, подчиняясь общему идейно-художественному замыслу спектакля. Талантливые декораторы Башкирского академического театра драмы им. М. Гафури (Г. Имашева, Т. Еникеев), Башкирского театра оперы и балета (М. Арсланов, В. Плекунов, Р. Арсланов), разрабатывая эскизы кос-

темпов, переосмысливают народные традиции, акцентируют детали, способны усилить эмоциональный настрой впечатления на сцене драматургического или музыкально-хореографического действия. В ряде случаев допускается стилизация и условность¹. И все же костюмы персонажей в льесах на народные темы, даже в балете, узнаваемы и близки зрителю.

Большая и неограниченная сфера существования и развития национальных одежды - современный быт прежде всего приездники и различного рода семейные и общественные торжества.

Покрой башкирских платьев в середине нашего века:
а - ленты;
б - строчка,
в - буфы

К сожалению, многое из традиционного к настоящему времени безвозвратно утрачено. Фабричные платья, костюмы, пальто, головные уборы вытеснили не только домохозяйки, но и вышитые руками деревенских мастериц вещи. Сельские жители молодого и среднего возраста потянулись к модной городской одежде.

Тем не менее, нельзя не заметить, как старинный костюм, извлекаемый из сундуков почтенных женщин во время экспедиционных поездок, вызывает у присутствующих людей любого возраста волну теплых чувств и радостных воспоминаний. Как показывают беседы с сельским населением во время социологических и иных обследований, многие не против заказать и носить отдельные традиционные виды одежды. В районных мастерских пробуют шить на заказ камзолы, пытаются наладить производство тибеточек, мягких ичишек. Пользуются популярностью «узбекские» галоши. Успешно развивается на юге Башкирии пуховязальный промысел. Повсеместно вяжут шерстяные носки, чулки.

¹ Старуца-нова Л. С. Традиции башкирской народной одежды в гвардейском костюме. Традиции башкирской народной одежды в современном костюме. Уфа, 1989. С. 42-43.

Фольклорная группа из Абзелиловского района на празднике «Тальянка» в г. Уфе

Повседневные вещи из состава одежды пытаются разрабатывать и выпускать опытные лаборатории производственных и художественных объединений. Выявление наиболее приемлемых в современном быту видов одежды, их реконструкция в духе времени и серийное производство — одно из направлений возрождения национального в массовой культуре. Творчество в этом плане осуществляется в формах, приближенных к традиционным. Профессионалы-художники Башкирского художественного объединения «Агидель» и сувенирного объединения «Дружба», осваивая народные традиции, создают вещи, необходимые в повседневной жизни:

варежки с орнаментом, теплые полушалки, тюбетейки, безрукавки, домашнюю одежду и мягкую обувь, украшенные вышивкой и аппликацией платья, блузки, мужские сорочки, пояса и сумочки. Модели бытовой одежды с использованием традиционных декоративных элементов предлагают и художники Башкирского экспериментального производственного комбината Всероссийского музыкального общества.

Высокий уровень развития культуры одежды и глубокое знание народных традиций предполагает использование их в современном моделировании. Художники башкирских швейных предприятий и центра моделирования — Дома моделей — выработали свободный подход к традициям прошлого, руководствуясь правилом: «не механически переносить, непосредственно заимствуя или «цитируя», а творчески перерабатывать их через призму современных требований»⁵. Каждый раз модельеры стремятся найти наиболее удачное соотношение в синтезе народных традиций и господствующей моды.

⁵ Моденко О. В. Современная мода и народные традиции / Традиции башкирского народного искусства в современной одежде. С. 57.

Определенным этапом в освоении этнографических ценностей явился утвердившийся в моде первой половины 80-х годов фольклстиль. Основные черты этого направления — простой лаконичный покрой, сочетание в костюме сходных по фактуре тканей, применение оборок, вышивок, аппликации, металлической фурнитуры, бисера, тесьмы, кантов — удачно обыгрывались на башкирском материале. Применялся туникообразный покрой в платьях и рубашках, создавались многосоставные объемные комплекты одежды, использовались в качестве отделки бахрома, суконная обшивка, узорная строчка, окантовка, меховая оторочка, бисерные и серебряные

Ансамбль
«Кубань»
Уфимского
научного центра
РАН.
1988 г.

украшения. Одежда орнаментировалась тамбурной вышивкой, перевитью, гладью. Яркие ткани соединялись по принципу контраста.

Коллекции современной одежды, разработанные мастерами Дома моды и Дома моделей, были представлены на организованной в г. Уфе по инициативе Министерства культуры Республики Башкортостан выставке «Башкирский костюм. Традиции и современность». Выставка функционировала с конца августа 1985 г. до середины февраля 1986 г. в Центральном выставочном зале Союза художников Башкирии (г. Уфа). Местные газеты и радио, откликнувшись на это событие, отмечали его особое значение в культурной жизни республики, раскрывали содержание экспозиций, демонстрировавших «соединение народных традиций и современных форм». По-

мимо моделей одежды швейных предприятий, а также сценических костюмов на выставке была представлена одежда из трикотажного полотна, изделия художественных объединений «Агидель» и «Дружба», обувь, разработанная художниками-конструкторами фирмы «Башобувьбыт». Современная одежда показывалась на фоне музейных исторических костюмов. Выставка, поставившая главной целью показать опыт воплощения народных традиций в современном материале, явилась, по-существу, первой не только в Башкирии, но и в стране. Нужно заметить, что она отражала не столько состояние этого процесса, сколько демонстрировала возможности

Куранты
из Зиланьского
района

мастеров по выявлению и переработке исторического «арсенала». Ни для кого не было секретом, что многие образцы современной одежды были подготовлены как выставочные. На ней присутствовали авторские модели, созданные для специальных показов на международных ярмарках-просмотрах в Багдаде, Нью-Дели, Лейпциге, а также на ВДНХ и фестивалях в Москве и Уфе. Не случайны были сожаления посетителей о том, что выставленных моделей нет в производстве, пожелания наладить выпуск хотя бы отдельных видов одежды, обуви и головных уборов.

На основе выставки в сентябре 1985 г. была проведена

Участники фольклорного ансамбля «Кубань» в костюмах разных районов республики

республиканская научно-практическая конференция. Материалы конференции опубликованы отдельной книгой⁶. В решениях конференции отмечалось, что «богатое наследие художественной культуры народа не в полной мере используется в производстве и моделировании современной одежды»⁷, и был высказан ряд практических рекомендаций по изучению и пропаганде подлинного народного костюма, развитию сценического и современного моделирования и дальнейшему производству бытовой, обрядовой и эстрадной одежды с учетом национальных традиций.

⁶ Традиции башкирского народного искусства в современной одежде. Уфа, 1988.

⁷ Там же. С. 84—88.

Балет
«Журавлиная
песнь»,
созданный
на основе
фольклорных
традиций
на сцене
Башкирского
театра
оперы и балета

Наиболее точная оценка содержания выставки и конференции была дана в одной из публикаций, в газете «Вечерняя Уфа» в декабре 1985 г. В ней подчеркивалось главное назначение выставки — «дать новый импульс развитию современной одежды на основе использования лучших, прогрессивных элементов традиционного башкирского костюма»⁹.

Выставка «Народный костюм. Традиции и современность» вывозилась в города Башкирии, а в октябре-ноябре 1988 г. была представлена в Центральном выставочном зале Государственного музея этнографии в г. С.-Петербурге. В начале 1989 г. она была показана в Курске, а в мае, в Дни литературы и

искусства в Татарстане, — в Казани. Роль ее как «импульса», будоражащего творческую мысль создателей современной одежды, оказалась долговременной и более действенной, чем представлялось вначале.

Художники не прекращают поиски и в настоящее время. Ввиду этого публикация дополнительных материалов, помогающих раскрыть богатство художественного наследия, должна способствовать его углубленному изучению, творческому восприятию. Этнографические материалы — неисчерпаемый источник для дальнейшего развития присущих народу декоративно-художественных традиций.

⁹ Нагавка Л. И. Костюм не только для выставки // Вечерняя Уфа. 1985. 4 декабря.

СОКРАЩЕНИЯ

- БГИКМ — Башкирский государственный историко-краеведческий музей
БХМ — Башкирский государственный художественный музей им.
М. Н. Некстерова
ВЭМ — Венгерский этнографический музей (г. Будапешт)
ГИМ — Государственный исторический музей (г. Москва)
ГМЭ — Государственный музей этнографии (г. С.-Петербург). ныне Россий-
ский этнографический музей
ИИЯЛ УИЦ РАН — Институт истории, языка и литературы Уфимского науч-
ного центра Российской Академии наук
МЭЭ — Музей археологии и этнографии (г. Уфа)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Исторические особенности башкирского народного костюма	10
Головные уборы	65
Украшения	102
Традиционная обувь	136
О территориальных различиях в одежде	159
Традиционная одежда в праздниках, обычаях и обрядах	172
Башкирский костюм в музеях	209
Народные традиции в развитии и перспективе	223

Научное издание

ШИТОВА Светлана Николаевна

БАШКИРСКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА

Редакторы А. Ч. Носибулдина, А. С. Хидиятов

Художественный редактор И. С. Файрузова

Технический редактор Н. Я. Зарипова

Корректоры А. И. Семенова, И. Л. Пустырилова

Иль № 4874

Литно в набор 06.04.01. Подписано в печать 06.05.01. Формат бумаги 20/105/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж офсетная, Уд. вес 1 : 21,0 - 22,5 формат Уд. кр. вес 85,15. Учетный лист - 10,52 - 11,20 страниц. Тираж 400 экз. Цена свободная.
Башкирская государственная Библиотека, 450 001, Уфа, ул. Мирная, 10. Контактный телефон 450001-1. Уфа-1, проспект Октября, 2.

